

Владимир ШАПКО

Владимир Шапко родился в 1938 году. Окончил Уфимское музыкальное училище. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Урал», «День и Ночь», альманахе «Енисей». С 1997 года – постоянный автор журнала «Волга». Автор книг «Деревенский городок» (1991), «Муравейник Russia» (2012), «Лаковый “икарус”» (2015). «У подножия необъятного мира» (2017). В минувшем году переехал из Усть-Каменогорска в Ейск. Предыдущая публикация в «Волге» – роман «Железный старик и Екатерина» (2017, № 11-12).

ПЕРЕЕЗД

Повесть

Глава первая

1.

Если Табашников, оторвавшись от рукописи, смотрит в окно слева от себя, то взгляд его упирается в железный гофрированный забор. Приветом от новых соседей висит на железе выюн с белыми цветочками. Самих стен и окон дома не видно совсем. Зато к пустому утреннему небу почти плоско уползает шифер. Вроде заскорузлых накиданных стиральных досок. В толстой трубе из нержавейки тоже чудится что-то банно-прачечное. Что-то от советской вошебойки. Поникшие усы антенны – как усы от туго думающего хохла.

Обитателей дома, сидя на стуле, не увидишь. Нужно встать и вытянуть шею. Вроде как над забором. И тогда узришь женские передвигающиеся головы, две двери в дом, вытянутые кухонные окна и тюлевые занавески.

Пройдёт даже мордочка явного жиголо. С косицей на затылке, с усиками в ниточку. «Привет, старичелло!» В растерянности плюхнешься на стул, не понимая экрана компьютера.

Ничего не шло в голову, никакое сочинительство. Погружал экран в сон.

Выходил покопаться на огород.

Но тут как всегда начинали летать самолёты. Тяжёлые военные дуры пёрли прямо над домами окраин и дальше – над центром. Грохот утаскивали за собой зубодробительный.

Полетав неизвестно где, обратно спускались растопыренными, уставшими, вроде как замордованными. Ползали в километре по лётному полю, урчали. Будто страдали метеоризмом. Постепенно затихали.

Но это только начало. Прямо над домом и огородом Табашникова начинали шастать вертолёты всех мастей. Постоянная, любимая проложенная ими трасса.

При виде очередного хлопунца сосед, который не под носом, а на отшибе, весело кричал из своего огорода:

– Семёныч, глянь, пенсия твоя по небу летит. Месячная. Хлопает тебе в ладошки! Семёныч!

Табашников задирает голову.

А сосед всё не унимался:

– А вон уже два друга на подлёте. Уже две твои пенсии летят. Семёныч! За два месяца. Сразу! Аплодисменты тебе в небе творят. Твоим пенсиям! Семёныч! Ха-ха-ха!

Табашников хмурился, смотрел вслед улетающим вертолётам. Хотелось сказать известное. О своей и чужой армии. Но посмотрел на веселящегося голопуза и только подумал: дурак ты, Ваня.

Возле забора у Табашникова ржавый тонконогий мангал стоял. Будто сосед его подкинул. В виде троянского коня. И на земле, и в небе всё связалось в одно.

А голопуз кубанский всё смеялся. Самодовольный, самодостаточный, знающий как жить.

На пенсию Табашников вышел недавно, год назад. До переезда в этот городок у моря. Ещё живя в Казахстане.

Проводы прошли буднично, серо. Директор института прищурился, но вспомнил. С облегчением тряхнул руку, проводил до двери. В бухгалтерии тоже не задержали: распишитесь, Евгений Семёнович, вот здесь и здесь, спасибо, полный расчёт! Кадровик, выдавая трудовую, хмурился. Ему положено.

Молчком собирал свои чертёжные причиндалы в родном Отделе. Хотел дать денег на отвальную, послать гонца – замахали руками: что ты! что ты! Быстренько скинулись, сгоняли. Потом чокались, хлопали по плечу. Коллектив небольшой – пятнадцать человек. Но все старались успеть к пенсионеру. Небольшая очередь со стаканами. Пердунки (трое) были напряжены, чувствовали себя на месте Табашникова. Сулопаров за стеклом делал вид, что ничего не видит. Ни брошенных кулманов. Ни толчею. Вокруг одного сотрудника. Бывшего теперь. Всё же вышел из-за стекла. Чокнулся. Потом даже сказал: «Ты это, Табашников, счастливо тебе».

Приняв в подарок неожиданную богатую готовальню, Рая Тулегенова прослезилась. Надолго обняла. Сквозь платье чувствовал её литое, как у тюленя, тело. «Звони, Женя, дорогой, приходи, не забывай».

Вышел из НИИ «Казцветмет» на улицу. Будто и не работал в нём 18 лет.

2.

В городке тоже стоял рёв. Правда, другой. Свадебный. Субботний. Длинные машины с женихами и невестами неслись по главной улице. Неслись с понтами, сигналила на всю округу. Женихи в белых рубашках высывались из кабин чуть ли не по пояс. Уже безумные, что-то кричали. Явно прощались с миром поднебесным. Злые, брошенные внутри невесты ворочались как кошки-коты в мешках.

Пропуская на перекрёстке ревущую кавалькаду, Табашников сидел в частной мышеловке. С остальным терпеливым десятком мышей. Вас не преследовали в Казахстане? Не ущемляли в правах? Глаза дамы в Федеральной миграционной службе были требовательны, строги. Левый погон дымился в солнце. Нет, нет, что вы! Я в Казахстане жил хорошо! Пролетающий жених вдруг начал блевать, уделывать лимузин. Это плохо. Вы простой переселенец. Дама отпустила напряжение, погон загас. Вам придётся у нас много походить и поездить. Мышеловка тронулась, наконец. И сразу круто свернула к рынку.

– Какой сорт? – взял яблоко Табашников. – Как название?

Широкий кубанец будто запросто удерживал в раскинутых руках горы овощей и фруктов.

– Да кто его знает. Сладкое.

Явный перекупщик. Не садовод. С ленивым безразличным умом: та всё так сойдёт! Та всё так купят, сожрут!

– Что же ты сорт даже не удосужился узнать. Дай хоть попробую.

Пухлая загорелая рука срезала с яблока как с картошки. Сунула с ножом к носу. При виде чёрных грязных ногтей Табашников заколебался, но мужественно взял с ножа. Попробовал, похрустел.

– Возьму с килограмм. Только сам выберу.

Пузан кинул целлофановый мешок. И опять словно бы вознёсся. С раскинутыми руками, как целая Кубань. Вконец заевшаяся. Та пошли вы все в жопу!

Отошёл от прилавка. Опустил мешок в холщовую сумку. Нужно бы мяса ещё взять. Немного.

Долго ходил в гулком высоком зале, склонялся и словно бы внюхивался в разложенные на прилавки мясные души продавцов. Дорогие души, надо сказать. Продавцы хмурились. Как перед вьедливым Онищенко. Наконец приглядел кусок и встал за пожилыми мужем и женой. Которые уже выбрали мясо, и нужно было только расплатиться.

Женщина испуганно шарилась по сумкам и пакетам, искала кошелек.

– Нету, Коля, – повернулась к мужу. – Дома забыла.

– Да склерозная ты моя! – сразу запел старик. – Да сколько ж можно! И чего теперь?

Табашников дёрнулся заплатить. Полез за бумажником. Но старик тут же остановил: нет, нет! Спасибо. Мы сами. Сейчас сходим. Потом купим.

Старики уже выкладывали мясо назад. На прилавок. От стыда заспотыкались к выходу. Растопыривались, точно разом разучились ходить. Точно теряли друг друга.

– Их много тут ходят. Всё кошельки забывают, – совала мясо назад в кучу торговка.

– Куда же ты? – крикнула Табашникову. – Вернись! Скину двадцатку!

Зло хлопала ладошкой по кускам. Точно взбадривала, настёгивала свои ляжки. Полудурок!

Опять трясся в мышеловке. Маршрут петлял. Чуть в сторону от центра – дорога начинала бить по зубам. То чечётка от дореволюционного булыжника, то вспоротый советскими деревьями асфальт в буграх и ямах.

На остановках в высокую дверь тяжело залезали старики и старухи. (Город старых людей.) Судорожно сгибаясь, клали по пятнадцать рублей монетками за проезд. Шофёру. Как очень дорогому нищему. Небрежно тот разбрасывал медяки и белые по коробкам. И сразу врубал. Старики опрокидывались в высокие чёрные сиденья-ловушки. Табашников поскрипывал зубами.

Не выдержал:

– Ты что, мешки с картошкой везёшь? Или пожилых людей? Шумахер!.. Слышишь, что ли?

– Та ничего с них не сделается! – отвечал родной брат пузана-перекупщика. С толстой спиной и в кепке. – Та долетят как на своих крылышках!

Старики послушно колотились вставными челюстями. Хватались за высокие черные спинки. Летели «как на крылышках». У молодого пенсионера все зубы были свои. От злобы продолжали сжиматься.

3.

В приморском городке этом Табашников оказался словно бы неожиданно-негаданно для себя. Никуда не думал из Казахстана уезжать. С гражданской женой расстался давно. Та уехала в Германию с десятилетним своим сыном. Общих детей за четыре года не получилось. И только когда вышел на пенсию, перестал ходить на работу, начало сверлить: и что дальше? (Как доживать?) Бабёнку какую-нибудь привести в дом? На остаток дней? (Сколько там ещё? Пять лет? Десять?..) Нет. Только не это. Не складывалось с женщинами. Никогда не складывалось. Всегда ходил в должниках.

Встретил в центре Агеева. Геннадия. Собрата по перу, по литкружку «Полёт». Была осень. Солнце висело повялым подсолнухом. Агеев потащил в кафе.

Сидели возле загогулистого декоративного железа. (С него удобно хватать горшки с цветами и швырять в тех, кто посмотрит на тебя косо. Это когда сам закосеешь.)

Выпили. Закусили с оцинкованных лопат. Агеев втихаря покуривал. Хотя разрешали. Озирался. Заговорщик.

– ...Что тебя здесь держит, Женя? Ни жены, ни детей. Там хоть здоровью твоему будет климат. Твоим лёгким. Забыл, как загибался от плеврита? (Было дело. Загибался в больнице. Литкружковцы даже приходили скопом. Явно попрощаться.) Квартира у тебя двухкомнатная, продашь, и хватит на свой домик. Где-нибудь на окраине. Свой огород, воздух, солнце. Пенсия у тебя там будет. Глядишь, и казачку сдобную найдёшь. Для работы, так сказать. На огороде.

Табашников заслушался. Как баба подпёрся ладошками.

Агеев смотрел на большое блаженное лицо с курносом носом.

– Ну, так как, Женя? Я же вот еду. Не боюсь.

Табашников утёр слюну. Сказал:

– У тебя там дети, Гена. Сын и дочь. Внуки. Жена уже там. Дождется тебя. А у меня – никого. Только к тебе ходить. Надоедать.

– Дурак ты, Женя. Честное слово!

Агеев вернул окурок в пепельницу.

Словом, закончилось ничем. Разошлись, недовольные друг другом. Но слова Геннадия запомнились, запали. Всё чаще и чаще стал думать о городке этом. На берегу Азовского моря. Вечерами, когда лежал на диване, представлял его, видел на потолке. Чувствовал, что нужно сменить надоевшее насиженное место, где ничего уже не будет. Что переезд в этот далёкий незнакомый город даст ещё один клочок жизни. Последний, но даст.

Сходил в лито, где не был месяца два. Уехал, дружно доложили поэтессы и прозаики. Чаепитие было. Прощальное. Хорошее вино Гена принёс. Две бутылки. Всех обзвонил. Все пришли. Альбина Жулина и Чуваткин были даже в аэропорту. Провожали. Обнялись в буфете на втором этаже, всплакнули. И Гена улетел. Он же вам должен был позвонить, Евгений Семёнович? Глаза у поэтессы Жулиной не смотрели на человека. Были замкнуты. С проблесками (вспышками) фанатизма. А? Вы же друзья? Табашников успокаивающе тронул острое плечо Альбины Ивановны.

Дома набрал на мобильнике номер Агеева. «Абонент недоступен». И обиделся наверняка, и симку в России, наверное, сменил. Был е-мэйл Геннадия. Но писать пока не стал. Решил сначала всё сам изучить. Досконально.

В интернете на снимках городок выглядел очень даже ничего. Улицы в зелени, тенистые парки. Дворец культуры из стекла, где, как сказал Геннадий, тоже есть кружок литераторов. И приземистые, старинной красивой кладки дома, и дома теперешние, в пять и девять этажей. Современные супермаркеты. Похожие на высоченные солнечные батареи. Море с пляжами и лежбищами людей. Скутеры, гоняющие как попало. На волнах толстые матрёшки в панамках. Бюст знаменитого циркового борца с головой, вросшей в дубовую шею. Парк его имени. Один снимок почему-то печальный. Вечерняя набережная почти без людей. Далёкий жёлтый закат. Два старых сутулых фонаря покорно склонились к нему... И снова светлые улицы и бульвары. Снова везде весёлые беззаботные курортные люди.

Посмотрел в Википедии. Население около 80-ти тысяч. В основном русские. Есть украинцы. Армяне. Другие национальности. Промышленности никакой – умерла в 90-е. Остался работать морской порт. Есть предприятия пищевой. Тому, что аэродром прямо у городка (говорил Геннадий), значение не придал. Подумаешь, летают. Но не до такой же степени!..

Наколотил письмо Агееву. Тот тут же ответил. Вернее, позвонил:

– Ну вот и молодец, Женя. Теперь действуй. Квартиру на продажу. И сразу начинай с документами на отъезд. Я всё тебе буду рассказывать. Что, куда и как. Ну, пока. Дорого по телефону. Жди письма.

И началась круговерть. Агеев на дню по несколько раз коротко звонил и длинно подробно писал. Направлял, понукал, подстёгивал. Табашников метался по присутственным местам. Везде гоняли по кругу. Были и тесные кабинеты, заваленные папками с бумагами до потолка, где сидели матёрые канцелярские мыши женского пола. И помещения размером с полигоны, с десятками столов. За которыми сидели совсем молоденькие мышки и мышата. Ученики, последователи своих толстых мам. Очень усердные. Или в белых кофточках (девушки), или в чёрных жилетках (пареньки). Которые всегда потирали лапки, прежде чем внюхаться в твою бумагу. А потом начать быстро-быстро грызть её. Съесть. Прямо у тебя на глазах!

Набегался.

Покупательница квартиры с растрёпанными кудельками всё время хихикала. Казалась не совсем вменяемой. Из госбанка деньги к ждущим нотариусу и Табашникову носила частями. Больше часа. В хозяйственном пакете. С торчащими наружу вантузом и скалкой. Для маскировки. Дескать, из хозяйственного я бегу. Петляла по проулкам. Заметала следы. Хотя банк был в квартале от конторы. Нотариус философически кривила губы. Она и не такое видела. Табашников сердился: «Давайте я схожу с вами. В конце концов!» – «Нет! Не надо! – выкрикивала покупательница, успев хихикнуть. – Я сама!» И исчезала в очередную ходку.

В последний раз прибежала только скалка в пакете. Вантуз где-то в банке потерялся. «Ну вот и всё! – хихикала покупательница, выкладывая деньги. Наполовину казашка, наполовину русская. Лет сорока. Светлана Ахметовна. По фамилии Калантарова. – Вся сумма!»

Сели, наконец, к т-образному столу, чтобы оформить документы. Табашников думал, что, став хозяйкой, эта Светлана не разрешит ему дожить две недели до отъезда. До самолёта. Просто изведётся за это время. (Он ждал из Семипалатинска дубликат свидетельства о рождении. Подлинник давно затерялся.)

На удивление, смурнычка сразу согласилась. Захихикала:

– Я вас знаю, Евгений Семёнович. (Табашников вскинул брови.) Я живу с вами в одном дворе. С мамой. В доме напротив. Я за вами наблюдаю.

– Это ещё зачем?

– Вы хороший человек!

Нотариус и Табашников переглянулись. А смурная уже смеялась. По-своему. Часто-часто моргала ресничками. Как будто она – электросварщик.

Женщина и мужчина в растерянности наблюдали.

4.

Агеев уже ходил по двору. Строго оглядывал хозяйство Табашникова. Покосившийся сарай со скворечней на кривой палке. Деревянную баньку, как игрушку, срубленную когда-то хорошим умельцем. Поливные шланги, развешенные на невысоком заборе. Лицо и лысина в белом венце волос были у исследователя стойкого коричневого цвета. Никаких шляп за всё лето, никаких панамок.

Заглянул в сердечко летней уборной: не там ли Табашников засел?

– Что же ты в дом не прошёл? – Хозяин на крыльце вытирал ноги, доставал ключи. – Или опять ключи мои посеял?

– Нет, вот они. Только как мимо такой красоты пройти! Женья!

Агеев театрально раскинул руки и потянул в себя воздух. Весь простор над усадьбой Табашникова. Явно кося от этого. Как рекламный аллергик, выведенный за руки на природу. После того, как принял-таки рекламируемую таблетку:

– Простор, воздух, солнце!

– Да ладно тебе. Иди лучше в дом.

– Приземлённый ты человек, Табашников, – подходя, говорил Агеев. – А ещё что-то пишешь там. Дай я пожму твою честную трудовую руку огородного труженика!

Графомания, морщился Табашников. Словесная. Легонько втокнул длинного романтика семидесяти лет в дом. Который чуть не зацепил лысиной притолоку двери. Коричневой свое лысиной в белейшем окладе.

Обедали. Приземлённый Табашников подливал романтику борща. Тот нахваливал: «М-м-м, Женя! Готовишь ты лучше любой бабы! Это я тебе прямо скажу!»

С большим оптимизмом говорил о безнадежном:

– К примеру, ты написал большую вещь, Женя. Роман. Ты сразу посылаешь рукопись, куда только можно. И в журналы, и в издательства. Возможно, у тебя даже есть знакомый редактор. Который прислал тебе однажды одобряющее, даже восторженное отказное письмо. И что? Результат у тебя будет ноль. Поэтому тебе (нам) нужен литературный агент. Только агент. Как на Западе. А агентов-то в России, как оказалось, почти и нету. Жок, как говорят казахи.

После обеда сидели на лавочке возле крыльца, курили. Агеев искал, чем бы ещё повосторгаться.

Вскочил и раскинул руки перед высоким деревом, усыпанным грецкими орехами. Хотел прокричать ему гимн. Но закашлялся. Пришлось похлопать по горбу. Довольно сильно.

В доме сели за чистый стол. К трем папкам Табашникова. К документам для ФМС. Для Федеральной миграционной службы. Разбирал бумаги, конечно, Агеев. Он был уже большим докой в этом деле. Табашников заглядывал, учился.

5.

Порядки в российской миграционной службе Табашникова поразили. В первый раз он пришёл на Свободную №1 ещё в феврале, вначале, сразу после приезда. Если в Казахстане переселенца гоняли по кругу, но что-то делали ему, здесь царил полный застой. Узкий, плохо освещённый коридор был почти пуст. Два-три понурых человека на диванчиках возле закрытых дверей. На вопрос отвечали что-то невнятное. Кто с опущенной головой – пребывал в коме.

В вестибюле образцы бланков почти под потолком. (Специально?) Прочитать и понять что-нибудь в них невозможно. Только если подтащить и залезть на стол. Зато на другой стене, прямо перед тобой – Доска почёта. Как в старые добрые времена. Передовики полицейских дел. Строгие мужчины и женщины в кителях и погонах. Туалеты (два), конечно, только для них. Закрыты на ключ – недержашую старуху родственники быстро повели на улицу. В реденькие кусточки. И вообще, чтобы сидела дома! Или приходила с забитым памперсом.

И ни одного консультанта. Ни в самом вестибюле, ни в коридорах – нигде.

Подпершись кулаками, сидела в солнце из железных прутьев кассирша. Сказала:

– Приходите во вторник или в пятницу. К семи, к полвосьмого утра. Будут записывать на талоны. А потом в два часа выдавать. Там всё скажут.

Табашников кипел, уходя из здания на Свободной.

Ехал в тесном автобусе, удерживаясь за железную трубку спинки впереди. Перед носом подпрыгивал толстый круглый затылок с ушками и без шапки. Похожий на шмат сала, обработанный паяльной лампой. На сильном ухабе Табашников ткнул сало лбом, едва успев подхватить свою шапку.

– Шо такое! – скопировалась голова. Застряв в толстой шее.

– Извините. Ухаб.

– Зачем ты пошёл туда один? – ругал Агеев. – Не мог меня дожидаться? Зачем? На тебе лица нет.

Домашние его за столом (сын и сноха) смотрели на Табашникова с жалостью: ещё один приехал из Казахстана. Энтузиаст.

Ребенок, сидящий на коленях матери, дёрнулся ручками к Табашникову. И вдруг внятно сказал: па-па.

Все рассмеялись. А умиленный Табашников взял Юлечку на руки и стал смотреть с ней в телевизоре старую-престарую сказку на новый лад. Рекламную мультипликацию. Маша и Медведь. Где большущий Медведь, похожий на беременного водолаза, запросто шарил на компьютерной клавиатуре рядом с крохотной смеющейся Машей. Прижимая клавиатуру к себе, как на бандуре лапой играл. Юлечка внимательно смотрела. Чёрные глазки её были размером с черешни.

Поужинав со всеми, Табашников и Агеев ушли в одну из спален большой квартиры Агеева-младшего, куда Евгения Семёновича сразу по прилёте заселили. Там спокойно стали обсуждать, как действовать завтра на Свободной, 1.

Утром следующего дня возле трёхэтажного здания ФМС, возле его синих сосен, Табашников толкался, лез к длинному парню с тетрадкой и ручкой, который выкрикивал «кому в 9-й», а Агеев, как гончак, напрягался у закрытой двери. Чтобы ворваться в ФМС первым, рвануть по коридору и встать у девятой двери. Где прибежавший с длинным парнем список должна утвердить какая-то секретарь. И есть шанс, что Табашников не вылетит из списка и получит-таки в два часа вождеденный талон.

Поболтавшись полдня по городу, заходя куда попало и даже пообедав, в два часа талон получили. А на другой день, уже в четыре часа дня, Табашников зашёл наконец в дверь 9-го кабинета.

Он глубоко заблуждался, посчитав российскую ФМС неповоротливой, застойной: два раза в неделю страсти здесь кипели нешуточные. Это был стиль работы такой – допускать ураган, бурю, натиск людей только во вторник и пятницу. Чтобы в остальные дни была полная тишина и покой. Чтобы только иногда остаточные слабенькие волны поколыхивались в коридоре. Осторожно лизали бы мощные двери начальников.

За столом сидела еврейка в очках. Но необычная: с чёрным табуном перманента и в форменной полицейской куртке с погонами. К тому же косящая под казачку. И небезуспешно: слова с нагайками скакали галопом.

Табашников сидел, недоумённо вслушивался, спрятанный за экран компьютера на столе начальницы. Выглядывал оттуда. Еврейка-капитанша перебирала его бумаги и свободно поливала в пространство перед собой. О муже, о низком своём давлении, о капельницах из-за этого, о своей отставке, её просят на коленях, не уходи! как можешь ты бросить всё! на кого! кому работать после тебя! сижу, болею, но сижу, и благодарные мои подопечные тоже просят, которые ходят ко мне месяц там, два или полгода, не уходите, Ангелина Марковна, мы без вас пропадём, наши-то молодые совершенно не умеют работать, нацепили погоны, а все ко мне: помогите Ангелина Марковна, посоветуйте, что делать, подскажите, по всякому пустяковому вопросу! телефон разрывается. Подскажите, Ангелина Марковна, посоветуйте!..

– Где вы родились? Тут не совсем понятно... Где вы там?

– Я здесь, – выглянул Табашников. – Я родился в Семипалатинске.

– Хорошо. Вот вам две анкеты. Всё заполните подробно. Родители, дети, жёны. Где сейчас живут. Образование ваше, судимости и так далее. По возможности заполнять все графы. На сегодня всё. Возьмите талон ко мне на следующей неделе. Сами видите – завалена работой. Все ко мне, все ко мне. Идут и идут. Помогите, посоветуйте, Ангелина Марковна.

Табашников поднялся. Чего-то ждал. Женщина перебирала на столе другие бумаги. Чёрный табун вокруг лица был спокоен. Обуздан.

– Идите. Всего хорошего.

Табашников вышел. В коридоре перед 9-м было по-прежнему пусто. Точно так же – когда и пришёл на приём.

– Выходит взятку, – смялся дома Агеев. – Неужели не понял? Я специально после обеда тебя одного к ней послал. Для закалки. Но мы тоже не дураки – тоже потянем

волыну. Нам с тобой торопиться некуда. И походим к ней, и поедем в Краснодар, куда она тебя не раз будет отправлять. Мы с Машей три месяца ходили к ней – и выморщили-таки РВП. Никуда не делась. А ты хочешь платить? Богач?

Юлечка на коленях у Табашникова трогала его застывшее большое лицо: па-па, па-па.

Агеев хохотал. Схватил смеющуюся девчончишку и начал подкидывать.

6.

Жильё Табашникову выбирали тщательно, не торопились. С неделю ходили и ездили по адресам, взятым из интернета. Квартир и домов продавалось немало. Но всё с какими-то подвохами, с изъянами. И большими, и малыми. То дом старый, со старыми трубами. То квартира хорошая, но в цокольном этаже, как в подземелье, и видишь только женские ноги. То центральной канализации нет, а выгребная яма.

Агеев, как бывший строитель (проработал прорабом двадцать лет) разоблачал всё быстро, едва попав в квартиру или частный дом. Лез во все углы, во все дыры. Среди испуганных домочадцев напоминал мента, выискивающего улики.

Были и хорошие квартиры и дома. Отделанные, некоторые с евроремонтом. Но, понятно, кусались ценой.

Наконец, поехали на окраину. На какую-то улицу Широкую. Смотреть чуть ли не последний дом из длинного списка.

Дом Табашникову понравился сразу. Небольшой, красивой старинной кладки, но с современными стеклопакетами на улицу, с жёлтой тучей неопавшего дерева над крышей. Внутри две комнаты, большая и поменьше. Нормальная кухня.

Агеев принялся лазить везде. Хозяйка ходила за ним, поламывала ручки. Будто её грабили. Строитель нашёл, конечно, и старые, замазанные хомуты на трубах, и ламинат под ногами скрипел (неверно выбрана подложка), и ещё огрехи шабашников, сделавших год назад ремонт. Но в целом всё было – вполне. Хозяйка почему-то твердила, что новую душевую кабину поставила совсем недавно. Неделю назад. Теперь всё по-современному, стоя можно мыться. Это была женщина под шестьдесят. Бывшая бухгалтерша. (Внимание! Опасность!) Уезжающая к дочери в Томск.

Табашников, узнав, что – бухгалтерша, сразу надулся. Сказал, что душ неудобный. Борт кабины высокий. Нужно высоко задирать ноги. Сперва одну, потом другую. А схватиться не за что – вся конструкция хлипкая, из пластика. Можно вырвать всё сооружение. «Да ерунда! – успокоил хозяйку Агеев. – Женя у нас ещё молодой, будет запрыгивать в кабинку козликом. Верно, Женя? Козликом? Хе-хе!»

Вернулись в большую комнату, сели к столу. Табашников чувствовал себя оплётанным. Хозяйка стала показывать все документы на дом. Потом счета, платёжки с начислениями, квитанции. Двое мужчин следили за проворными руками в веснушках. Пошулерски быстро перекидывающие бумажки. Внезапный гром самолёта над домом прослушали тупо. Оставили за кадром.

Перед огородом, перед оградкой его, стояли. Хозяйка зажимала на груди душегрейку, извинялась за огород. По-зимнему безобразный. Сырой, в лужах, во льду. Со старой яблоней как с искривлённой старухой. С пустым полёгшим бурьяном смородины вдоль забора к соседу. Сотки три будет, прикинул Табашников и выдернул Агеева из-за оградки, который залез-таки в грязь.

Уходили улицей Широкой. Она и впрямь была широкой, распахнутой. С низкими домами на обочинах и пустыми деревьями.

– Дом нужно брать, – внушал Агеев. – Немедленно. Место замечательное. Воздух, простор! (Хотел раскинуть руки к дому. Не получилось – на ходу.) Сам посудите: всё оставляет, всю кухню, холодильник. Приборы, посуду. Всю обстановку. Заходи с одним чемоданом и живи. А кабину выкину к чёртовой бабушке. Поставим обычную ванну. И

цена, цена подходящая, Женя! – Агеев остановился, повернулся и раскинул-таки руки: – Орех до неба, воздух, простор! Женя!

Но Табашников был осторожен. К нотариусу таскал бывшую бухгалтершу целую неделю. И деньги отдал только тогда, когда нотариус окончательно проверил всё. Когда Табашников сам убедился в документах, что не явится к нему с правами небритый уголовник сразу после отсидки. Или того хуже – честный полярник в большой шапке. Который плавал на полярной льдине два года и не ведал даже, что дом, где он законно прописан, продали.

Ангелина Марковна Кугель начала было привычно заговаривать зубы, но Табашников положил документы на купленный дом. Как козырные карты раскрыл.

Нахмурилась, полистала бумаги.

– Я имею теперь право зарегистрироваться в нём? – уже наседал Табашников.

– Можете только на 90 дней. Если за это время не получите РВП, регистрацию временного проживания – полетите назад в Казахстан, чтобы пересечь границу и снова вернуться. Если захотите, конечно.

Женщина с табуном на голове смотрела в окно. Как втолковать этому болвану, что дело не в девяноста днях. Сидит. Как тупомордый речной толкач без баржи. Вдобавок потерявший из ноздри цепь и якорь.

– И что будет потом?

– Тогда вам будет продлена регистрация ещё на 90 дней.

– И сколько раз я буду так летать? Через границу и обратно?

Женщина пожала плечами.

– Но как же так! Я же не бомж какой, не гастарбайтер. У меня теперь есть жильё, у вас, в России!

– Ну и что? У меня тоже есть жильё. Но я гражданка России. А вы даже не отказались от гражданства Казахстана. – Ангелина Марковна смотрела в никуда. Была обижена за Россию. Похлопала папки: – Закон, уважаемый, закон!

Когда шли к остановке, Агеев сказал, что дело серьёзное. Похоже, теперь будет тормозить с РВП. Притом – всячески.

– Так может дать всё же ей. А, Гена? У меня пока есть.

– Ни в коем случае! Если дашь – это жаба с тебя не слезет. Ты купил здесь дом – значит ты богатый. Тебя можно стричь. А впереди у тебя ещё вид на жительство. Подумай! Лучше уж раза два слетать, пересечь границу и вернуться назад, чем эту жабу кормить.

Табашников недоумевал: почему у него всё так? Почему у Агеева с его женой Машей проходит всё более или менее. Никуда их не гонят, не грозят выслать. Со скрипом, но РВП получили. И всё у той же жабы.

В автобусе, придвинувшись к другу, Агеев тихо говорил:

– Пойми, Женя, у нас с Машей воссоединение семьи. С сыном и дочерью. Это гораздо проще. И то она нас с РВП тормозила. И то мы побегали и поехали. А ты один. Тебя здесь никто не ждал. (Кроме меня, Женя, кроме меня.) Тебя она наверняка засунет теперь на квоту. Чтобы решалось всё в Краснодаре. Комиссией. А это – на воде вилами. Как там в Краснодаре решат – неизвестно. Ты не молодой нужный специалист, не великий музыкант или писатель. Ты простой пенсионер. Тебя даже улицы мести здесь не возьмут. Слишком много жаждущих молодых. С той же Средней Азии, с Кавказа.

Табашников молчал. Смотрел в окно. Приморское зимнее застойное небо походило на дырявый сарай. С высвеченными внизу тюками сизого хлопка.

7.

Агеев бодрился, но чувствовал себя виноватым. А тут ещё Маша наседала:

– Зачем сдёрнул Женю? Зачем? На что он будет здесь жить? Когда деньги проест и пролетает.

Мария Никитична Агеева зло счищала тёркой накипь и жир с кастрюльки.

– У нас дети. А он как? Что ему теперь этот свой дом! Когда он его просто бросит. И улетит назад. На последние деньги. Там-то хоть пенсию сразу будет получать. А сколько ты ему внушал: «откажись от гражданства, откажись от гражданства». – Ехидство Марии было запредельным.

– Не сгущай, – уводил глаза Агеев. Цеплялся за соломинку: – Если бы он отказался там от гражданства – здесь бы оказался по политическим мотивам. А это совсем другой статус.

– Э, «по политическим мотивам, совсем другой статус», – смотрела Мария на мужа, наверняка думая: дурак дураком! – Подмой лучше ребёнка. Не видишь – с полным подгузником.

С облегчением Агеев подхватывал на левую руку смеющуюся девочку. Тащил к ванной сразу замолчавшего серьёзного пудовичка:

– Ах ты безобразница! Когда будешь говорить – а-а?

На обед приходил Агеев Андрей Геннадьевич. Агеев-младший.

Мария Никитична начинала суесться в большой кухне, таскать на стол. Агеев сидел и с гордостью смотрел на сорокалетнего сына с мощной лысиной и горбатым носом. Как и у него, отца. Всего добился парень сам. Диспетчер в морском порту. Большая квартира в центре. Недавно сменил старую «Ладу-Весту» на почти новый «Мерседес-Бенц». Но самое дорогое у него – семья. Молодая жена Надя, сынишка Ваня, школьник, и вот этот пудовичок, эта девочка-чудо. Вот она! Сидит на высоком детском стульчике, перемазанная кашей, хлопает ручками по столу и принимает ложку за ложку от него, счастливого деда. Сериал, картина маслом, рай!

Мария Никитична робко под села к столу. Пряменькая, как приживалка. Вытерла руки о фартук. Стала рассказывать последнее о Табашникове, просить. (Накосячивший Агеев – будто не слышал. Знать ничего не знал – сверлил разных коз и кикимор смеющейся девочке: ах ты, такая-сякая!)

Выслушав, Агеев-младший посмотрел на отца. Сказал:

– Никаких денег не собирайте и не давайте никому. Вы этого не умеете. Я поговорю с Зиновьевым, попрошу. Может, он нажмёт куда надо. Но Евгению Семёновичу не говорите пока ничего. Не обнадеживайте раньше времени. Особенно ты, папа.

Андрей вернулся к еде. А Агеев начал ходить у него за спиной и втыкать ногами какой-то дикий беззвучный танец – Зиновьев был Генеральным морского порта.

8.

Табашникову позвонили в среду:

– Это Ангелина Марковна.

– Кто-кто?

– Ангелина Марковна Кугель из ФМС.

– А-а. Здравствуйте, здравствуйте, Ангелина Марковна! Внимательно слушаю вас.

Оказывается, вызывает в ФМС. Сама. Сегодня же. Быть через час.

С бурей в голове быстро переодевался.

Возле 9-го стояли молодой кавказец и пожилая русская. Они будто что-то спрятали за спиной. Или проглотили. Из шпионских гундящих слов, вырывающихся наружу, Табашников понял, что пожилая прописывает кавказца у себя. Временно. За деньги. Бизнес пенсионерки.

Откуда-то к своему кабинету пришла Кугель с двумя папками. Открывая замок, скосила лицо. Сказала Табашникову:

– Зайдите.

Табашников скрылся за дверью. Кавказец и тётка распластались на стене. Замкнув рты намертво.

Кугель быстро переключала, перекидывала какие-то бумаги в папке. Табашников спрятался за компьютером. Стояла мертвая, как писали раньше, тишина.

– Подойдите сюда... Где вы там?

Табашников вскочил, подошёл.

Кугель выглядела хмурой и даже обиженной. Не косила больше под казачку-кубанку с нагайкой. Говорила чётко, официально:

– Вот в этой папке все ваши документы, привезённые из Казахстана. Я разложила их по порядку. На той неделе курьер отвезёт папку в Краснодар. На рассмотрение комиссии на ваше временное проживание в России. На РВП.

– И как долго будет рассматриваться всё? – успел вклиниться Табашников. Он по-прежнему стоял перед начальницей. Классический проситель с сомкнутыми пожимающими ручками в присутственном месте. Времён Гоголя, Салтыкова-Щедрина.

– От трёх месяцев до полугода. Всё по процедуре. Могут возникнуть вопросы по вашим бумагам. Будут посылаться запросы в Казахстан. На это нужно время. Ещё раз повторяю, всё по процедуре, по закону. Тут ничто и никто вам не поможет. Распишитесь вот здесь, что получили от меня расписку. Вот эта расписка, что документы приняты. Для рассмотрения. С распиской пойдёте на той неделе в 11-й кабинет. Там вам продлят пребывание в России ещё на 90 дней. Если за это время не решится ваш вопрос с РВП, пересечёте границу с Казахстаном, получите штамп в паспорте на таможне и вернётесь. Если захотите. Тогда ещё получите 90 дней...

Кугель уводила глаза. Не могла смотреть на этого мужчinkу с большой головой. Чувствовала, что с тремя «девятистами днями» у неё перебор, явный перебор, но не смогла не пугнуть ими этого тупого барана с курносый носом.

– И вообще, узнавайте всё сами. Записывайтесь на талоны. Через два месяца пройдёте дактилоскопию. И ещё будете ходить и ездить. Всё по процедуре, по закону. До свидания.

Табашников сказал спасибо, вышел. Не знал, радоваться ему или плакать. Посмотрел на часы. На всё про всё с его документами у начальницы ушло десять минут!

Ехал в мышеловке, ничего не мог понять. Почему вдруг такие бонусы ему, такие скидки в ФМС сегодня? Сама начальница вдруг звонит. Сидит за столом тучей, но делает всё быстро. Больше времени ушло на монолог. На злой монолог. Что же произошло? Внезапная проверка из Краснодара? Надрали холку за волокиту? За то, что постоянно муржигит людей?

Опять шёл по Широкой к дому. Так почему? Что, зачем? Горлицы занудно ныли в деревьях. Лезли в душу. Скрытные, безнаказанные. Не замечал, вваливался в мартовские лужи, подёрнутые льдом. Вылезал из них и снова шёл. Под нескончаемое нытьё в деревьях.

На крыльце валялась литая калоша Агеева. Табашников стал искать за крыльцом вторую. Агеев лягался на крыльце, и калоши слетали. Табашников тихо ругался. Нашёл. Хотел поставить рядом с первой. Но бесполезно же приучать! Просто бросил на крыльцо.

Агеев ходил в большой комнате, потирал руки. Было видно, что высокий горбыль сейчас лопнет от тайны. Как мальчишка. Тайна лезла ему на лицо, выплясывала в смеющихся глазах.

– Куда ходил?

Спросил как можно безразличней.

Табашников переодевался. Рассказал, что было с ним в ФМС.

– А-а! – торжествовал Агеев. – Никуда не делась, жаба!

До Евгения Семёновича дошло. Андрей! Андрей Агеев всё сделал. Наверняка через своё начальство. Точно, подтвердил за сына отец. Зиновьев помог. Генеральный. Надавил, где надо. И никуда не делась стерва.

Обедали в комнате. Табашников рассказывал подробности. Как прятался за компьютером начальницы. При мёртвой тишине. Как получил расписку, что документы

приняты. К дальнейшему рассмотрению. («И всего-то через три месяца, а может, и через полгода будет это рассмотрение. Совсем ерунда, Гена».) Что прослушал на прощание злое разъяснение, как нужно пересекать границу и тут же рвать назад. Чтобы успеть получить ещё 90 дней отсрочки. От высылки. Всё туда же. В ту же сторону. В Казахстан.

Но Агеев ликовал:

– А-а! Знает кошка, чьё сало съела! Теперь не будешь прятаться за компьютерами. Теперь будешь сидеть-пыжиться, надуваться. Пусть думает, что у тебя есть лапа. Постоянная серьёзная лапа. Что не выморщишь у тебя теперь ничего, не сожрёшь.

Кроме горечи Табашников ничего не испытывал. Вяло что-то ел, был безразличен. Однако Агеев всё придвигался, всё разжёвывал ему давно понятное:

– Пойми, Женя: ты сорвался с её крючка, выскользнул. Ты снова в вольной воде. Теперь ты пойдёшь по переселению, а не по квоте, куда она тебя хотела затолкать. Она теперь тебя не достанет. Она даже не выкинула из папки твои документы на дом. Не посмела. А могла бы. Понимаешь? Это победа. Полная победа.

Агеев раскинул руки, чтобы прокричать «По-бе-да!», но зацепил ими абажур прежней хозяйки. Подвешенный низко. Под старину. Который пыльно заболтался.

– Тише ты! Лампочку стряхнёшь!

Табашников получил РВП в июле. До обещанного полугода Кугель не дотянула месяц. Три раза отправляла Табашникова в Краснодар. По процедуре. Агеев не мог бросить друга, все три раза ездил с ним. Тряслись в микроавтобусе как в катафалке. 300 километров туда, 300 обратно. За время поездок хорошо изучил и подпрыгивающую в окне флору и фауну Кубани. Подъезжая на закатах обратно к городку, пытались найти в слепящих всполохах надпись – *Вид на жительство*. Поймать глазом. Успеть прочитать. В темноте городка, как в яме, спорили. Один уверял, что надпись появится уже через полгода. Другой говорил, что только через три. Понятно, года. О пенсиях, чтобы прожить всё это время, разговоров не вели. Оставляли на потом. Для будущих надписей на всполохах.

Глава вторая

1.

На зависть дворовым мальчишкам Жека Табак однажды поехал на Дальний Восток. С матерью и отцом. Мало того, что Жека проехал почти всю Транссибирскую – он увидел океан.

На берегу бухты Золотой рог мальчишка опупел – перед ним раскинулась необъятная даль, где были только вода и небо. Дядя Миша, брат мамы, приобняв, смеялся, хлопывал племянника. Даже солнце казалось над этим простором игрушкой. Никчемной жёлтой игрушкой! Дядя Миша!

Однако когда Евгений Семёнович в свои шестьдесят увидел в первый раз Азовское море, не поверил, что это море – дымящаяся вода, казалось, заканчивалась всего в километре. Будто сваливалась там неизвестно куда. В недоумении повернулся к Агееву: и это море, Гена? Сейчас зима, зяб, оправдывал море Агеев. Летом, наверное, по-другому всё здесь будет.

Но и летом, когда в маске с трубкой Табашников лез в волны, чтобы показать семейству Агеевых классический баттерфляй, красивого ихтиандра... ему казалось, что на край моря на бугре можно положить руку. Край влезал прямо в небо. Без зазора.

Побарахтавшись как попало (ихтиандр в волнах не получался), Табашников вылезал на берег и по довольно острым камням пробирался к Агеевым. Осторожно обходил лежаки с вялеными телами. И женскими, и мужскими. Сам тоже уже хорошо подвяленный.

Вытирался полотенцем. Был с пузцом, но на вид ещё крепкий. Как никто другой сошёл бы за кубанского беззастенчивого голопуза у ворот. Живот лежащего навзничь Андрея Агеева от дыхания поколыхивался шершавой опарой. Тощий Агеев-старший сидел на гальке нагорбившись, видимо, решив дожидаться дыма на лысине. Его невестка Надежда, в шляпе и смелом купальнике, приняла для загара позу статуи. Выгнулась красиво. И только Мария Агеева, измученная хозяйством, банально спала в халатике, свернувшись на лежаке.

Внуки (двое) продолжали мучить её. Ваня тряс плечо, ныл «ну бабушка, проснись». Голенькая Юлечка хлопала по бабкиной голове в платке ладошками. Бабушка вытирала слюну: «сейчас, сейчас» – и снова губу распускала.

Табашников завернул девочку в простынку, взял на руки и пошёл с ней и Ваней к размалёванной фанере, стоящей в ряд. К аттракциону – «Достань!» – «Достань игрушку».

Ваня как заправский ядерщик начинал двигать длинной механической рукой, пытаясь ухватить ею бесплатную машинку за стеклом. А потом и куклу для сестрёнки. А Юлечка не могла забыть хобот от маски на лбу Табашникова. Дёргала, дёргала его.

В раскалённую машину Андрея влезли как в душегубку. С трудом разместились все. Поехали. Малышка в ползунках и панамке сидела на колене у Табашникова, хлопала ручками переднее сидение. Как мотоциклист – газовала. Вскоре Табашников почувствовал горячее тепло, а потом и недвусмысленный запах. Мотоциклистку вытащили из машины, в кустах стали мыть. (Управлялись мать и бабушка. Мать поливала из бутылки, бабушка без церемоний орудовала.) Снова подали Табашникову. «Па-пе». Сами влезли. Поехали. Ваня с превосходством смотрел на сестру. Он уже вышел из такого возраста. Давно. «На! – сунул дармовую куклу. – Но только попробуй ещё!» Юлечка начала взмахивать тряпичной куклой. Стукать впереди лысину Агеева.

Весело доехали.

Табашникова не отпустили, пока не поужинал со всеми. На просторный стол в большой комнате подносила сама молодая хозяйка. Сегодня она не ходила на работу в банк. Сегодня в банке выходной. Андрей Агеев брал бутылку с дорогим выдержанным вином как драгоценный карат. Подливал понемножку. Бокалы были высокие, красивого стекла. Хорошо живут молодые Агеевы. Против Путина с плакатами бегать не будут. Это точно. Табашников подносил крошку ко рту и смотрел на богато обставленную комнату. Будто попал сюда в первый раз. Мебель стильная, под старину. Наверняка из воровьянинского ещё дворца. Будто замазанные картины непонятно на какую тему. На двух стенах. Люстры нет – модный космодром, лупящий с потолка. Вольная тахта. Больше похожая на раскинувшееся джакузи. Домашний высокий кинотеатр. Пустой, правда, сейчас. Два больших мягких кресла перед ним. Одно вслед другого. С прыгающими Ваней и Юлечкой. («Ну-ка, дети, за стол!») Будто едущими на слонах на водопой. Где-нибудь в Индии. Да-а.

Даже Геннадий и Маша (казалось Табашникову) притихли перед этим богатством. Точно родственники из деревни. Из села. Уминали на коленях ручки. «Хватит, хватит!» – всё время останавливала половник невестки Мария Никитична. И снова складывал ручки. Впрочем, Геннадия хватило ненадолго – цапнул дорогую бутылку и начал плескать по бокалам. И сам дерганул первым. Явно порушив всю церемонию за столом. Чего сын не одобрил. Нет, не одобрил. «Ты бы, отец, закусывал (чем дорогую бутылку хватать)».

Два друга выпили и водки, слегка закосели. Курили на лоджии. Табашников, примериваясь затануться, поинтересовался:

– Сколько он получает?

– Да кто ж его знает. – Агеев цирганул слюной куда-то вниз. Кому-то внизу на голову. – Разве он скажет.

Покачивались. Закат падал. Как незрячий. Как слепец.

– И жена банкирша... – размышлял Табашников.

– Да нет. Простой менеджер. Сидит в окне, за стеклом. Оформляет вклады.

Табашников снова примерился. Чтобы затянуться.

– Всё равно. Огребают, наверное...

– Ну, вы что пропали?

На лоджию вплыл Андрей Агеев. В брюках от дорогого костюма, в рубашке с запонками, с пузом, взятом дорогими подтяжками. И это – несмотря на духоту после жаркого дня.

– Ещё же кофе с коньяком...

Церемония, оказывается, не закончена.

– Да мы сейчас, – засуетились два друга. Искали, куда бы окурки. (Некуда!) Кинули вниз. Агеев опять плюнул. Кому-то на голову. Пепельниц в доме не было. Ни одной. Агеева заставляли крутить педали. На тренажёре. Если не помогало, гнали курить на улицу.

2.

Агеев говорил: «Женя, мне до сих пор снятся мои стройки. Летние, осенние, весенние. Вся грязь их, несобранность, безобразность. А тут я прихожу к дочери на Котова, в её собственный дом, и вижу наяву тот же самый строительный кошмар и безобразие во дворе. И главного дурака-строителя. Моего любимого зятя Валерия. Который пилит, режет, варит металл и бросает. Ничего не доделав. Ну как на такое полудурство смотреть, Женя? Мне, бывшему строителю? Прорабу!»

Табашников отворачивался, боролся с лицом, боялся смехом обидеть строителя-прораба.

Впервые увидел дом Ирины Агеевой и её саму весной. В марте или апреле. С улицы дом выглядел замечательно. Одноэтажный, но высокий. С высокой острой прибалтийской крышей. Со сплит-системой на стене. С зеркальными стеклопакетами, с ребристыми поднятыми рольставнями. Входя за Агеевым за железные ворота, Табашников всё оглядывался на крышу и ящик сплит-системы. Точно хотел запомнить их на всю жизнь. Богато живут.

Однако двор удивил. Напоминал строительную площадку. Какой-то разгромленный слесарный цех. Везде разброс, неразбериха. Из железа, досок, труб. Какие-то грязные слесарные верстаки, заваленные железяками и инструментом. Газовые баллоны. Валяются как попало. Прямо на земле. Ноги можно переломать.

– Почему у них так? Геннадий? Всё переделать хотят?

– А! Зять это всё. Не обращай внимания. (С Агеева слетела всегдашняя весёлость и оптимизм. Был хмур. Тогда это показалось Табашникову странным.)

В доме суежилась приодевшаяся женщина лет сорока пяти. С длинной ниткой белого жемчуга, в модном платье с мешковатым подолом, схваченным внизу оборкой. В туфлях на высоком каблуке. Этакая пухленькая конфетка трюфель. Совершенно не похожая на отца, а скорей на мать. На Марию.

Познакомились. Табашников нежно пожал пухленькую ручку.

– Проходите, проходите, Евгений Семёнович! – тараторила женщина, приглашая в довольно большую комнату с двумя окнами в просвечивающих лёгких шторах. Отца словно бы и не видя.

На белоснежном столе всё уже было приготовлено. Бутылка шампанского – как наполеоновский солдат на часах у тучного букета роз. Ещё две бутылки с вином. Гранёный графин с водкой. Два ряда чистых тарелочек с приборами, с высокими бокалами и рюмками при них. Тут же ожидающее оливье в ладье, колбаска на тарелочках, сыр. Солёные огурчики даже под водку.

Для пущего эффекта Ирина Агеева включила люстру. Эдакую испанскую королеву в рыжих буклях. Богато живут дети Геннадия, тарашась на люстру, опять подумал Табашников. У одного космодром с потолка, у другой – королева.

Ослеплённый увиденным, Табашников не сразу заметил какого-то мужчину у стены за электрокамином. Тот стоял как дополнение к комнате, как её тень. Свесив голову и скрестив на груди руки.

– Валера, подойди, познакомься.

Мужчина отделил себя от стены, нехотя отдал длинную узкую руку (длань) Табашникову.

Однако у стола начал толкаться с Агеевым. С тестем. Не мог разойтись с ним. Или хотел захватить выгодное место. Оказался на отшибе. Возле Ирины захватил место отец. Точно отгородил дочь от зятя. Говорил что-то ей и уже разливал. Досталось, правда, и Валерию.

Встали. Подняли рюмки (Ирина бокал). «За знакомство!» Тесть и зять опять начали сталкиваться. Теперь локтями. Показывали приёмы самбо над столом. Но умудрились не чокнуться друг с другом. Сели. По полрюмки, но выпили.

Валерий начал есть оливье. Загребать ложкой. Знал, в какой руке держат вилку, а в какой котлету. Посмотрел исподлобья на Табашникова:

– У меня восемь рабочих специальностей. Восемь дипломов. – Распрямился, стал загибать пальцы: – Шестой по токарному, пятый по слесарному, сварка газовая и электро...

– Валера, Валера! – сразу прервала жена. – Принеси, пожалуйста, соль в солонке. И перец, перец не забудь! Он в среднем ящике!

Валерий пошёл, удивлённый. Принёс, поставил. Про него уже забыли. Жена и тесть оживлённо говорили, будто боялись остановиться. А парень с большой мордой (Табашников) застыл. И глаза его весело бегали. Будто хотели в сортир.

Валерий сел. Чуть погода попытался ещё. Этому. С бегающими глазами. Ну, у которого нос пипкой. С большими ноздрями:

– В этом году буду строить катамаран... – И его опять отослали на кухню. Ещё за какой-то хреновиной. Теперь в какой-то банке она. Где-то на четвертой полке. Где она там, мать её!

Возвратился, поставил банку. С лечо, мать вашу.

Когда провозглашались тосты (вскакивал, старался этот парень с ноздрями) – опять начиналось самбо над столом. Между тестем и зятем. И оба падали на места неудовлетворёнными. Успев дёрнуть из расплескавшихся рюмок только остатки.

Больше Валерий не пытался заговаривать.

Агеев и Табашников два раза выходили по-быстрому покурить и возвращались. Однако время за хмельным сытным столом да с весёлыми разговорами (без Валерия), пролетело быстро.

Поднялись, когда за шторами было уже темно. Провожала за воротами Ирина. Валерий остался стоять в доме. Со скрещенными руками.

Подвыпивший Табашников благодарил, жал пухленькие ручки женщины и даже поцеловал её в щёку. Агеев ждал. Был трезв как собака. Конечно, если из-за зятя-козла выплёскивалось из рюмки.

Пошли наконец. Мимо закрывшихся домов со свирепыми лаями. Прямо к апрельской полной луне над дорогой.

– Замечательная у тебя дочь, Гена. Умница. Филолог. Хорошая, наверное, учительница. И дети её любят. Было очень интересно с ней поговорить.

– Ага. Зато с мужем ей не о чем говорить.

– Зря ты, Гена. Парень он простой, безобидный...

– Да какой простой, какой безобидный! – сразу завёлся Агеев. – Дурак разве может быть простым и безобидным? Да ничего нет сложнее дурака! Женя! Подумай! Если бы было так, как ты говоришь – был бы рай на земле.

Бредит? Или всерьёз? И вроде бы трезвый.

Уже подходили к дому Табашникова. Всего два квартала прошли от дома на Котова. Табашников знал, что если пригласит ночевать, то наслушается всего. Но всё же пригласил. В душе ещё надеясь, что друг откажется. Не тут-то было! Агеев уже тыкал кнопки телефона. (И ведь видит без очков старый котяра, в темноте!)

– Маша, это я. Да, да, всё нормально. Ложись, я останусь у Жени. Да, да, утром в детскую кухню зайду. Да. Не волнуйся. Пока.

В доме было вино и даже водка, но пить больше не стали. Глотали только чай на кухне. Табашников покорно слушал. Психолог. С чуткими большими ноздрями. Или поп, если по-русски. Тоже с ноздрями.

– Знаешь, Жень, в чём опасность дурака? Он заразен. От него нет защиты. «Я сделаю вам беседку, – говорит он жене и теще. Хмуро. Глядя в сторону. – Всю из железа. Будете в ней отдыхать. Будет красиво». И те мгновенно заражаются от дурака. Обе уже радостные дуры: «А давай, Валера! Делай скорей! Будем в ней чай пить. Из своего самовара!» И вот уже из магазинов цемент, кирпич, гальку везут. Всё сваливают и сыпают перед домом. И Валерий начинает делать замесы. (Он ещё и бетонщик.) Замесы для фундамента. Под будущую красивую железную беседку. Он всегда обязательно вовлекает в свою дурость других. В нашем случае – жену, и тещу. (Меня он обходит, хмурится: бяка!) «Я поставлю вам новый забор. Из железа. Сверху баляски наварю. Будет красиво». Он ведёт себя как хозяин. Но будто не совсем уверенный. Он будто спрашивает у жены и тещи разрешения. Но если ему даже скажут «нет, Валерий, не надо» – он все равно добьётся своего. Начнёт-таки городить очередную железную свою дурость. Он очень упрям, стоек.

Был уже первый час ночи, Табашников принёс в комнату постельное бельё, мол, закругляйся, пора спать. Но Агеев, застилая себе диван, не сбавлял оборотов:

– ...И ладно бы начал и сделал. Жень! Нет. Всё бросает на половине, почти на корню. Потому что в голове у дурака новая дурость возникла. Вышибла прежнюю начисто. «Я вам сделаю бассейн. С фонтаном. Будут плавать рыбы. Будет красиво». И две дуры опять соглашаются. (Они не знают, что он заразен. Понимаешь?) И опять цемент, песок, галька возле ворот. И теперь перфоратор крушит плитку на середине двора. (Не им, кстати, положенную.) И опять пошли замесы. Теперь якобы для бассейна. Для брошенной ямы, которую ты уже видел. Я ему: почему ты хватаешься то за одно, то за другое и ничего не доделываешь? Почему? Что важнее, обыкновенный бак на огороде сварить-поставить или твои финтифлюшки на заборах? Твои фонтаны с рыбами? Почему у тебя постоянный разгром во дворе, ни пройти ни проехать? «Я люблю много дел делать. Чтобы сразу они были». Да как же ты на производстве-то работал? Кто тебе такие бардаки давал там устраивать? Как ты пенсию-то заработал? «Там была тюрьма, а здесь у меня свобода». Понимаешь, он забавляется теперь работой. Играет в неё. Он словно мстит кому-то таким бардаком во дворе. Он может целый день играть в стрелялки-пулялки, лежа в доме на диване, он может выйти во двор, потянуться, и начать перекидывать металл, арматуру, трубы. Просто так. Как утренний писатель на столе бумаги. Чтобы возникла в башке новая дурь. И она всегда возникает. И – опять морду в сторону, не глядя на жену и тещу: «Я вам сделаю мансарду. Второй этаж. Будем там чай пить. Будет видно нас с улицы. Красиво». И ведь уломал двух дур, полез. Начал вскрывать крышу! Слава богу, я случился, сдёрнул дурака.

Табашников рассмеялся:

– Да пусть строит мансарду, Гена, пусть.

– Да ты что? Жень! Тогда весь долгострой дурака поднимется в небо! Понимаешь? Будет виден всей округе! Внизу, на земле, его хоть не видно людям – заборы защищают.

Табашников смеялся до слёз. В темноте вытирал простынёй глаза. Сказал наконец:

– Не ходил бы ты туда, Гена. Раз это тебя так задевает. Эти долгострои. Ты ведь живёшь у сына.

Агеев тут же подошёл к тёмной спальне:

– Так дочь там моя. Родная дочь. Жена всё время торчит. Готовит этому смурняку. Всячески угождает. Ирина-то днем на работе, в школе.

Агеев снова лёг. Из сумбурного рассказа Табашников дальше узнал, что неисправимому токарю-слесарю с бритолысой головёнкой сейчас 53 года. И ему не надо работать. Он северный пенсионер. Из Игарки. С хорошей пенсией. Ирину он подцепил на отдыхе. В Геленджике. Ну а теперь уже три года живёт в доме на Котова. Где усадьбу всю уделал железом.

Табашникову невольно думалось, что может связывать учительницу русского языка и литературы, умницу, окончившую в Томске пединститут с отличием, и слесаря-сварщика из Игарки. Слесаря хмурого, необщительного. Смурного. Явно со сдвигом. О чем они действительно говорят между собой, когда слесарь не курочит железо. Захотелось узнать, как они познакомились. В Геленджике. Гена, расскажи.

– На нашу голову, он спас её. Прыгнул в поток. Где-то в горах. Вытащил. Вот теперь и маемся.

Табашников опять рассмеялся: полный сериал!

– И Ирина мается?

– Нет. Он герой для неё. До сих пор. Попробуй, скажи что-нибудь против слесаря. Горой встанет. Раскраснеется, кричать начнёт. Он хороший! Не смей задевать его! Вот так. И уйдёшь как оплётанный. А он только ухмыляется. Кот Васька. Который живёт к тому же на Котова. Который слушает да ест.

Вот и отстань от них, уже злился Табашников. И от дочери, и от слесаря. Перекинулся на другой бок.

Потом, как цезуры, прерывающие потоки слов, изредка слышалось из комнаты: «Ты не спишь, Женя?» И Агеев снова говорил.

Несмотря на бубню из тёмной комнаты, Табашников уже засыпал. Во сне ли, наяву видел испанскую рыжую королеву в буклях. Стекланную, переливающуюся в рыжем свете. Богато живут, ещё раз прошептал и отключил губы.

3.

Табашников опять таращится в гофрированный соседский забор. С поялым вьюном и стиральными досками крыши над ним. Сегодня труба из нержавейки дымит. Сегодня, наверное, банно-прачечный у соседей.

Если привстать – опять обнаружишьдвигающиеся женские головы. И молодые относительно, и не очень. Но и только. Гордую голову жиголо, его усики в ниточку уже не увидишь. Недавно был изгнан с позором. Кого он любил, кого обирал – теперь не узнаешь: женщины гнали его вдоль забора все. И молодые и старые. Он даже не успел крикнуть Табашникову «привет, старичелло». Жаль. С ним было веселей.

Табашников уставился в экран. В пустой белый файл. В котором за утро не нашлёпал ни строчки. В родном городе всё же лучше шло. Редко какие дни были пустыми. Вспомнилось сразу лито. Как собирались по средам и субботам. В детской библиотеке на набережной Иртыша. Сидели за стеклом первого этажа девятиэтажки, как в придавленном аквариуме. Поэтессы и прозаики. Альбина Жулина захлёбывалась стишатами как горлинка. Ей дружно аплодировали. Бородатый Чуваткин, который был круглый год в штормовке, свои рассказы не читал – рассказывал. Как бывалый геолог молодым туристам у костра. Держа ненужные листы в руке на отлёте. Помимо мужественного постоянного *Николая*, добывающего то золото, то алмазы, в его рассказах всегда возникали дикие животные: медведи, россомахи и даже тигры. С которыми Николай всё время сталкивался на таёжной тропе. Притом нос к носу. Когда убегать было поздно. А у Николая только молоток в руке. Для оббивки пород. Чтобы добраться до минерала... Агеев скептически почёсывал мизинцем лысину. Но поэтессы Чуваткина наперебой хвалили.

Потом обязательно пили чай. Как после гулянки весело выкатывались к парапету набережной, к вечернему закату.

Рыбаки удилищами доставали небо, но вынимали из реки почему-то только мелкую рыбёшку. От заката к опущенным лицам кружковцев прибегали по воде большие вспыхивающие ежи. Хорошее было время.

Вздохнув, Табашников выключал компьютер. Как всегда после пустого утра, чтобы как-то взбодрить себя, шёл покопаться в огороде. Однако первый вертолёт уже летел. И будто хлопал себя по животу. И как-то очень уж сыто. Вроде весёлого, наевшегося телевизионного пузача. Когда тот перед обедом закинул в себя таблетку мезима.

– Семёныч, смотри! – сразу закричал сосед с огорода на отшибе: – Он объелся сегодня. На твою пенсию. Семёныч! Хлопает по пузу, благодарит!

Подмывало раскрыть соседу глаза. Сказать, что ему, Табашникову, вряд ли придётся кормить тут российские военные вертолёты. А заодно и самолёты. Что пенсии у него российской нет, и вряд ли будет. Что через год, а может быть, и раньше, когда деньги у него кончатся, ему придётся собирать манатки и катить обратно, в Казахстан, где его, Табашникова, только и ждут. Где ему сразу восстановят пенсию. Чтобы он, не теряя ни дня, поскорей начал кормить вертолёты военные. Только теперь казахстанские.

Однако сосед, походило, твёрдо считал, что пенсия у Семёныча есть. Что кормит он, подлец, вертолёты и самолёты. Что переехал он сюда из Краснодара. Почти местный... То ли видел, что маршрутка останавливалась у дома и Семёныч отправлялся в ней три раза в Краснодар. То ли какая-то сорока эту дурость на хвосте принесла (хотя какие тут ещё местные сороки для Семёныча), – сам Семёныч его не разуверял, всё стеснялся.

Агеева сосед Иван почему-то тоже сначала воспринял вверх ногами. Посчитал большим начальником. Когда видел во дворе у Семёныча – прятался и выглядывал. Спрашивал у Семёныча, оглядываясь:

– Инспектор ушёл?

– Какой инспектор?

– Ну вот только что был. У тебя. Лез во все дыры.

– А-а, – прятал улыбку Табашников. – Ушёл, ушёл.

– Строгий, гад. – Подбородок у Ивана подрагивал. Походил на выпуклый динамофонарь. До самых губ зарос желтой махоркой. У Ивана был курятник, крольчатник, два павлина и голуби летали. Не считая большого тучного огорода. И всё это, походило, не взято на карандаш. Инспектором. Который вверх ногами. Ну шастает который. У Семёныча.

Если с Иваном Табашников давно переговаривался по утрам, то женские головы за забором с вьюном познакомиться с новым соседом почему-то не стремились. Хотя Табашников вроде был мужчиной. Ещё не старым. На его призывное, громкое «здравствуйте» – на улице, у дома – только бурчали что-то под нос и проходили. Чтобы скрыться за забором. И ходить там опять как в закрытом своём государстве.

От того же Ивана потом узнал, за забором живут четыре сестры. Три родных и одна двоюродная. Молодой жиголо ходил к самой младшей. Сорока восьми лет. К тощей Дарье. Доил полгода по мелочи. Пять, семь тысяч. Ну десять. И сумел-таки однажды сдёрнуть с её карточки триста тысяч. Все её деньги. Но это показалось ему мало. Непреодолимо захотелось прихватить и брюлики любимой. Через два дня, уверенный, что денег ещё не хватились, появился с шампанским и цветами. Чух-чух-чух! Твой дизель спешит на помощь! Был сразу разоблачён, бежал вдоль забора и отмахивался от баб, как от пчёл.

Выскочив за ворота, рванул было к автобусной остановке. Чтобы раствориться там, исчезнуть навек. Но менты тут же догнали, сбили с ног, заломили руки, защёлкнули наручники. Вздёрнули с земли и совсем некрасиво, как каракатицу какую, прогнали мимо изумлённых сестёр к машине.

Агеев, прослушав рассказ Табашникова, хохотал:

– Жадность фраера сгубила!

Подмигнул Ивану над забором:

– Привет, частный собственник! Почему налоги не платишь?

Кубанец виновато осклабился. Он уже узнал, кто такой Агеев. Объяснились однажды. Через забор. Но всё равно озноб каждый раз брал, когда видел его у Семёныча. Уж больно прямой и гордый. И лысина ещё у засранца. Натуральный инспектор!

Общительный инспектор пытался завести знакомство и с сёстрами. Подпрыгивал над забором: «Эй, милые сестрички! Где вы там?» Но ничего, кроме трёх тесно стоящих домов, не увидел.

– Попрыгались, – доложил Табашникову.

Когда пошли в город, кинулся, хотел постучать в ворота. Табашников еле успел оттащить:

– Да успокойся ты, в конце концов!

– Нет, согласись: ты полгода живёшь здесь, новый сосед – и не поинтересоваться, кто ты такой, с чем тебя едят. Странно это. Очень странно.

Выяснилось всё только в конце лета, в августе. Узнали от того же Ивана – сёстры судились с бухгалтершей. Прежней хозяйкой. Из-за забора с выюном. Хотели придвинуть забор и выюн ещё ближе к стене и окну бухгалтерши. В лучшие свои времена тощей Дарьей был куплен крутой джип размером с кибитку. Он плохо протискивался к гаражу во дворе. И туда, и обратно. Цеплял и вёз всё за собой. Сёстры намерены были отбить у бухгалтерши ещё полтора метра. (До этого отбили метр.) Однако второй суд проиграли. Ненависть перекинули теперь и на Табашникова. Который ни сном ни духом.

Агеев опять хохотал во дворе:

– Будешь судиться из-за узости прохода у сестричек? Отбивать назад оттяпанный метр? А? Табашников?

– Буду, – твёрдо сказал Табашников. – Перед тем, как погонят в Казахстан.

– Молодец. Я – твой адвокат на суде. Эй, сестрички, ха-ха! Где вы там? Готовьтесь!

4.

Тогда же, в конце августа, Табашников шёл как-то к Агеевым. С моря наносило йодом. Солнце металось, пересчитывало облака, будто без очереди лезущих мигрантов. Боялось не учесть и пропустить. В продолжение очереди на небе очередь вдали над морем – солнце уже спокойно гуртовало. В дымное стадо баранов.

Нырнул в зелёную Партизанскую с частными домами. Чтобы пройти, как говорил Агеев, мимо кубанских невест и бродячих животных. Бывшие мухоловы и светозары валялись почти возле каждого забора. Осторожно обходил их, а некоторых сдвигал ногой. Кошки сами брызгали в стороны. Рай в этом городке для бродячих собак и кошек. Индия. Никто их не тревожит, не отлавливает, не кастрирует. Светозары с мухобоями бродят везде. Возле продуктовых магазинов, на рынках, на оптовке. Валяются на солнечном крыльце самой городской администрации. Иногда пробегут по площади духовым оркестром за какой-нибудь сучкой. И снова в одиночку лежат. Или, как нищие, играют на балалайках.

Агеев всегда разглагольствовал, строил предположения, почему люди бросают своих питомцев. После всех умильных картинок с ними в интернете и телевизоре. Что это – бессердечность? Или забывчивость, смурь? Табашников просто собирал свои объедки, и когда шёл в магазин или на оптовку, вываливал их из мешка на землю какому-нибудь тихому псу. Вот и сегодня выложил очередному полкану, охраняющему чужой забор, большую серую кость от бедра индейки. Тот с достоинством закусил её. Словно не знал, что с ней дальше делать. Куда отнести. Где запрятать. Чтобы продолжить сторожить чужой забор.

Впереди спиной к закрытым воротам стояла сдобная казачка лет пятидесяти. Которая хорошо бы подошла для огорода Табашникова. Возле неё мухобоями и не пахло.

Но Табашников ошибся. Из подворотни, будто прямо из-под расставленных ног кубанки (будто прямо из чресл её!) начал зло вылаивать охрипший пёс. Домашний Светозар. Это уже не шутки.

– Во! – подмигнул кубанке Табашников, проходя. – С ангиной, хрипит, а лает. Молодец! Охраняет вас.

Кубанка зло смутилась. Как будто ей задрали подол. Приказала за спину: «Заткнись!» Светозар за забором не понял, сразу прибавил. А потом вообще зашёлся. До сипа в сахарной глотке.

Табашников посмеивался. Сегодня Светозар домашний из-под подола кубанки не достал.

Во дворе шестиэтажного длинного дома быстро шёл к последнему подъезду. К подъезду Агеевых. И вдруг замедлил шаги. Остановился.

На двух баках с мусором, на двух одинаковых листовках на них – крупными буквами было написано:

**ВНИМАНИЕ! ВСЕ НА МИТИНГ ПРОТИВ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ!
СКАЖЕМ ЗАРВАВШИМСЯ ВЛАСТЯМ СВОЁ ТВЁРДОЕ НЕТ!!!**

ВНИМАНИЕ! 29 АВГУСТА! В 9 УТРА! ВСЕ НА ПЛОЩАДЬ!!!

Табашникова пронзило: это же метафора сегодняшней жизни России! Баки, набитые мусором – и призыв на них против власти. Глубокая метафора!

Быстро поднялся на крыльцо, нащёлкал код, нырнул в подъезд. Чтобы поскорей взмыть на четвёртый. Но лифт не работал. Как молодой шестидесяти лет Табак начал скакать по лестнице наверх.

На другой день два друга были на площади среди сотни-другой базлунов с плакатами. Прямо напротив здания администрации города. Где высокое крыльцо плотно защищала полиция с дубинками.

Табашников точно пятился, обмирал, выдавленный в первый ряд. Агеев же орал до посинения:

– Долой пенсионную реформу! Госдуму долой! Путин, уходи! Навального в президенты!

Вдохновлённые им, десятка два навалыят тут же полезли штурмовать. Их начали охаживать дубинками.

– Вперёд, молодая смена! – не унимался Агеев. Взмахивал длинной рукой как вождь. Кидал навалыят: – Вперёд, молодые соколы!

– Ты чего орёшь, старый дурак? – задёргал его Табашников. – У тебя даже вида на жительство нет. А ты орёшь. Завтра же попрут в Казахстан. И меня вместе с тобой.

Агеев перестал кричать. Подумал.

– Верно. Скорей валим отсюда!

Вылезли из толпы. Быстро пошли с площади. Мимо трёх дисциплинированных мухобоев, внимательно наблюдающих событие.

В автобусе подпрыгивали на буграх и колдобинах, но сидели. Табашников тихо пилил неразумного: «Мы же пришли посмотреть. Просто посмотреть. А ты что устроил?» Неразумный молчал. Разглядывал женскую спину в полотняной рубашке с вышивкой. На ухабах подавался к ней, точно хотел разглядеть внимательней. Потом будто стал переводить иероглифы:

– Любой человек глуп в принципе. Как говорят теперь, по умолчанию. Так он задуман природой. Или как кто-то считает, Создателем. Он видит только то, что хочет видеть. Слышит то, что ему приятно слышать. Он раб своих предубеждений, привычек, своего невежества. Поэтому даже умный человек (умный в чём-то одном), в другом, рядом – баран бараном. И вины его в том нет. Он так задуман.

Сбрендил. Выжил из ума. Точно! И я вместе с ним.

У Табашникова ели на кухне, приходили в себя.

В маленьком телевизоре над холодильником шли «Новости Кубани». Окраина какого-то городка. Может быть, вот этого. У ворот – типичный летний кубанский голопуз со своим домом и крепким двором за спиной. Рядом стоит его жена в домашнем платье мешком. Она хмуро стесняется телевизионщиков. Хозяин – нисколько. Полный самодовольства, говорит в подставленный микрофон.

Из соседнего двора такой же полуголый на заборе повис. Ждёт, когда дойдёт до него очередь. Богатая голопузая каста Кубани. Кубанские аристократы-пузаны. Все предпенсы или уже законно на пенсии. Однако активно орущие в это лето на площадях. Против Путина. Против повышения пенсионного возраста. Та не выйдет у вас ничего, козлы! Та не дадим! Та не позволим! Долой!

Агеев смотрел. Полный презрения. Обличал. Исходил желчью.

– А тебе завидно? – не выдержал Табашников. – Что они так крепко живут? И всегда так крепко жили?

– Ещё чего!

– Тогда что же ты орал с ними на площади? Сегодня? Час назад?

– Да так просто. Из справедливости. Да там и не они были.

– Да как не они! Пиджаки, рубашки надели – и всё. Те же пузаны. Да ещё десятка два молодых дебилов Навального. Которых ты вдохновлял. А?

Агеев не знал, что сказать. Походило– бес попутал.

5.

Табашников свернул к пустой бетонной площади, к стёклам низкого супермаркета.

Из разъехавшихся дверей вышли двое. Муж и жена. Пожилые. Топтались с сумками. Муж явно злился:

– Да покупай всё в этой «Пятёрочке»! Склерозная ты моя! Покупай! Ходи там целый день, ищи свою банку горошка!

Где-то видел этих мужа и жену. Вспомнил – на рынке! С полгода назад. Склерозная забыла тогда дома кошелек. Потом они выкладывали мясо назад надутой торговке. И шли от стыда нарастопырку. Как покалеченные.

В рентгенозном свете бродил по тоннелям супермаркета, набитым товарами и продуктами. Брал банки, пакеты. Разглядывал. Словно ничего не поняв, клал назад. Чуть не опрокинул высокую выставку с кошачьими кормами. Успел подхватить. Снова бродил. Пришёл в «Пятёрку» с намереньем набрать продуктов дня на три, однако вышел на бетонную площадь пустым. С одним батоном под мышкой. Как с забытой ненужной палкой...

Отец заболел альцгеймером сразу после семидесяти. Как будто по уроку. Однажды, провожая сына и его гражданскую жену после скромного застолья (выпили всего по паре рюмок), тихо спросил у сына в прихожей: «Кто это с тобой приходил, сынок?» Сын вытаращил глаза. Однако и шуточки у тебя, отец. Отец виновато улыбался. Как будто и вправду пошутил.

Болезнь развивалась быстро. Уже через полгода его стали приводить к сыну домой. Неравнодушные люди. Он почему-то помнил только его адрес. Гражданская жена Елизавета Гербер сердилась в спальне, говорила, что старик просто прикидывается. Набивается в нахлебники. Пасынок Вовка, в общем, неплохой мальчишка, оставаясь с дедом наедине, почему-то стал устраивать ему ехидные экзамены на сообразительность и память. И хихикал от фантастических ответов. И всё докладывал матери. В спальне по ночам начали полыхать скандалы. Отец лежал в большой комнате, улыбался в темноте. Это его не касалось. Он пришёл к сыну. А кто такие эта женщина и её ехидный мальчишка – сын завтра расскажет.

Табашников увёл отца. В его квартиру. Стал жить с ним. Гражданскую жену и пасынка сдвинул в сторону.

Вскоре немка с сыном отправилась в Германию, и Табашников сразу перебрался обратно к себе. Почему-то думал, что раз отец помнит его квартиру – с памятью у него в ней будет лучше.

Однако наступили непростые времена. Отец забывал всё. Выключить газ. Воду в ванной. (Один раз затопил соседей внизу.) Свет везде горел с утра до вечера. По улицам один уже не ходил. Только с сыном. Если спускался во двор посидеть на воздухе, на людях, возвращаясь в квартиру – ключи снаружи в замке забывал постоянно. Ключи приглашающе побалтывались, а потом повисали, смирившись. (Однажды пацаны из озорства закрыли его, а ключи выбросили. И наблюдали со двора, как он кричал с балкона. Звал сына.)

Табашников водил его по врачам. Накупал лекарств. И импортных, и отечественных. Но ничего не помогало. Неизлечим альцгеймер, виновато развели руками в психбольнице, где Семён Иванович пробыл месяц.

С болезнью сразу как-то резко постарел. Большая голова его стала походить на заскорузлую, всю в белых лишаях и пятнах бомбу. Найденную в глухом лесу и выкопанную неугомонными искателями.

В годовщину смерти матери (девять лет уже прошло), Табашников повёз отца на кладбище. Надеялся, что тот вспомнит. Альцгеймер с интересом смотрел на весёлое завитое лицо не старой ещё женщины в медальоне пирамидки со звездой. И вдруг начал закидывать голову и рыдать. Поворачивал к сыну большое искажающееся лицо. А тот сам плакал, задира голову к воронам и галкам, мечущимся выше кладбищенских деревьев.

Отец умер через полгода. Умер просто. Бормотал что-то невнятное перед сном, пока сын укладывал на диван и подтыкал одеяло. Потом почти сразу уснул. А утром не проснулся...

Табашников шёл осенней жёлтой улицей, грустил. По-прежнему с забытым батоном под мышкой.

Решил помянуть отца.

В утреннем полупустом кафе сел у стены напротив трёх окон на улицу. Ему принесли графинчик со ста пятьюдесятью и салат.

Поднёс первую рюмку ко рту – и замер с нею. Напротив, за столиком у среднего окна, сидела Кугель. Точно! Она! Без кителя своего, без очков. В штатском. В платье с подсолнухом на плече. Чернявый мужчина кавказского типа оказывал ей кавказское гостеприимство. Пододвигал, наливал, тянулся с рюмкой, смеялся. Кугель отпивала, закусывала и умудрялась говорить без остановки. По своему обыкновению.

В какой-то момент покосилась. Из дымовой завесы беседы. И чёрный табун её замер.

Узнала робко улыбающегося речного толкача. Который даже привстал. С намереньем поздороваться.

Нахмурилась.

Создалось интересное положение – изгой оказался на празднике жизни. Довоенного негра вдруг обнаружили в автобусе для белых. Впрочем, Кугель быстро забыла о мордатом. И снова кавказцу поливала.

Табашников по-быстрому начал глотать рюмки. Однако хотелось увидеть главное: когда будет передаваться взятка. И увидел – кавказец, прямо-таки заходясь от смеха и гостеприимства, привстал и подал Кугель глянцевого журнальчик. Та, тоже не переставая говорить, ловко сунула его в подвешенную на стуле сумку. Всё! Теперь жди криков «всем оставаться на местах!», «гражданка Кугель, вы арестованы!».

Табашников вымелся из кафе. На улице вспомнил, что оставил в гардеробной батон. А, чёрт с ним! Помчался к Агееву.

– Ну и что? – на удивление равнодушно спросил тот.

– Да как что? как что? Средь бела дня берёт взятку!

– А что ей – ночью брать? В подворотне?

Но Табашников всё не мог успокоиться. Как ошалевший мальчишка:

– В центре города! Среда бела дня! На глазах у всех!

– У кого «у всех»?

Агеев смотрел на друга. Сверху вниз. Вот уж правда, в чём-то человек может быть дурак дураком.

6.

Ещё до РВП Евгения Семёновича, летом, когда тот чуть не прозевал окончание пресловутых «девяноста дней» (хватился бедолага за три дня до их окончания, рванул в Краснодар, в аэропорт, на самолёт, летал в Казахстан, получил в Астане отметку в паспорт и сразу вернулся обратно) – всем Агеевым (одновременно!) пробило – надо женить Табашникова! Немедленно. Законно. Со штампом в паспорте. На местной. Казачка не казачка – барабир, как говорят татары. Разом убить всех зайцев. Возможных и невозможных. И самого главного зайца – Кугель.

Вскоре на дне рождения Агеева-младшего Табашникова посадили рядом с какой-то женщиной в чёрном платье. Которую он сначала никак не воспринял. Просто привстал, пожал руку и снова сел. Потому что, как всегда, был поражён накрытым столом. И не столько разнообразием блюд на нём, сколько оформлением его: сверкающим хрусталём бокалов и рюмок, царским графином с водкой, рядом с которым даже коллекционная бутылка Андрея выглядела бедно. Серебряными, чётко разложенными столовыми приборами. Салфетками на чистых тарелках. Смахивающими на островерхих белых монахинь. И самое главное – бьющим без пощады космодроном с потолка. Отсвета которого всё время вспыхивали новые дорогие запонки чопорного Андрея Геннадьевича Агеева. Хозяина дома и стола. Однако живут, как всегда подумал Табашников, вытирая со лба пот (платком, платком, не рукой!), пока Андрей Геннадьевич нацеживал из красивой бутылки трём женщинам, виртуозно подкручивал бутылку, а Агеев-старший, отец чопорного, вздрагивающей рукой плескал из царского графина в рюмки водку другу и себе.

Поднялся со своей, откашлялся. И повернулся вдруг к жене:

– Дорогая Маша! (Все удивились, не поняли, застыли с рюмками, а сын усмехнулся – старик совсем попутал рамсы.) – Дорогая Маша! – повторил Агеев. – Сердечно поздравляю тебя с рождённым тобою сыном! Рождённым сорок один год назад. Рождённым в муках. Спасибо тебе, родная. – Склонился и поцеловал растерявшуюся жену в темя. Как ребёнка.

– Ну а теперь и твоя очередь, Андрей. Поздравляю тебя, дорогой.

Подошёл, обнял, постучал по спине, плеча водкой на дорогую рубашку сына. Потом смахнул слезу и сел. И дёрнул.

Женщины и Табашников с облегчением захлопали. И тоже выпили. Табашников выпил разом, женщины пригубили.

Только тут Евгений Семёнович вспомнил про соседку. Даму в чёрном платье. И с брошью, как оказалось. Как со стеклянным скорпионом:

– Не желаете? – застыл с ложкой над оливье.

Та милостиво разрешила. Взбодрила причёску полной рукой. Кольцо на безымянном пальце смахивало на жука с панцирем. Не колорадского, конечно. Но майского, российского – точно.

– Чем занимаетесь? – любезно поинтересовался жених, закусывая.

Оказалось, дама имеет салон. Женской красоты. Под названием «Элеонора». Хотя сама назвалась Ксенией. Ксенией Петровной. Вообще за вечер она несколько раз как-то перевоплощалась. Выпив водки (Агеев не жалел из царского), свекольно покраснелась. Как простая баба. Стала вроде бы мощной и сильной. Чтобы оправдать пожелания Агеева (свата), начала хвалиться, что она не просто казачка, а донская. Не в пример местной мелкоте. А потом и вовсе начала поталкивать жениха плечом и подмигивать всем. Мол,

вот он, жених, хих-хих-хих. Сидит чурбан чурбаном, хих-хих-хих. И снова сидела чопорно, соответствуя месту, поправляла причёску. Будто её только что хорошо прижали. Где-нибудь в тёмном углу. И пальцы её опять превратились в пальчики. С защитным панцирным кольцом.

На лоджии, когда закурили, Агеев сразу спросил:

– Ну как, как она тебе?

– Кто?

– Ну Ксения Петровна. Кто же ещё?

Табашников хорошо потянул. Стал выпускать:

– Ударит кулаком – с копыт слетишь. И не встанешь.

Агеев нервно рассмеялся. Не понравилась. Хотя лучше бы на себя посмотрел. Красавец. С дымом. Из курносой сопатки.

Со второй невестой Табашников сидел рядышком на пляже. Можно даже сказать, плечом к плечу. Вытанув голые ножки. (Агеевы были лишь фоном картинки – осторожно (на цыпочках) передвигались за спиной голубков, только бы не спугнуть.)

У Маргариты Ивановны не было груди под купальником, зато имелись две шишки на разлапистых ногах. Возле больших пальцев. Отчего тощие ноги имели вид рыхлителей для огорода. Маргарита Ивановна ничуть не смущалась этого, оживлённо рассказывала о своей работе библиотекаря. Казалось, то, что нужно Табашникову. И рыхлители для огорода всегда под рукой, и библиотека. Но жених, было видно всем – воротил морду. Безднадёжен, хотели махнуть рукой Агеевы. Однако он их удивил. После пляжа отправился провожать. Благо что Маргарита жила неподалёку от моря. Оставил застывшее семейство с раскрытыми улыбающимися ртами. И даже вернулся и пощекотал на прощание Юлечку. Которая успела ему сказать «па-па». Дескать, не шали там.

Женщина в пляжной шляпе шла, не торопясь переставляла худые ноги. Так ходят на очень медленной прогулке. Сарафан, стянутый на плоской груди, перемещался шатром, балаганом, заполненным солнцем.

– Я слышала, вы пишете, Евгений Семёнович?

Если у Табашникова были ноздри, у женщины – две розовые ямочки во вздёрнутом носике.

– Да так, – пожал плечами писатель.

Но женщина не отставала:

– И публикации есть?

– На бумаге только одна. В региональном журнале. Рассказ. (Рассказ был о подлинном случае. О трагедии на реке. Чему был свидетелем с пасынком Вовкой.)

– Пустое это всё. Я и забыл, – кокетничал хмурый автор.

– Нет, нет, расскажите, пожалуйста.

Табашникову пришлось, комкая подробности, рассказывать, опять хмуриться.

Остановились во дворе трёхэтажного кирпичного дома с балконами.

– Вон мой балкон и окно. На третьем этаже. Может быть, зайдёте? Евгений Семёнович? Чаю попьём?

Табашников смотрел вверх. Куда показали. Словно прикидывал, как будет уходить. Крышей или сразу с балкона.

– Нет, Маргарита Ивановна. В другой раз.

Тогда женщина стала приглашать к себе в библиотеку. На улицу Таманскую. Евгений Семёнович! Всего в трёх кварталах от вашего дома. А? Недалеко ведь.

Уже знает мой точный адрес. Наверное, приходила тайком и осматривала дом. С ничего не подозревающим женихом внутри. Вот Агеев трепач!

Неожиданно спросил, что нужно, чтобы записаться в библиотеку. Здесь, в городе.

– Ничего, ничего вам не нужно. Приходите, я так вам выдам любую книгу, Евгений Семёнович!

– Я не об этом. К примеру, у человека казахский паспорт и нет постоянной прописки, а только РВП. Запишут его? Выдадут книгу?

– Ну не знаю...

Ага! И тут дискриминация! И тут рогатки! Табашников уже не слышал женщины. Табашников переживал за всех мигрантов. Особенно за книжечеев из Средней Азии и Кавказа.

Через неделю, будто бы так и не выйдя из обиды, пришёл всё же в библиотеку на Таманскую. Сдался. Но только книги! И ничего больше!

7.

Маргарита Ивановна Кузичкина быстро готовила себе завтрак. Металась от плиты к столу и обратно. Боялась опоздать на машину в Краснодар. В областной коллектор. Думала о Табашникове. Страшной, как говорила мама, но добрый. Яичница начала хлопаться на сковородке, брызгаться маслом. А, чёрт тебя! Сдёрнула. Выключила газ. Села, стала пилить вилкой белок. Откусывала хлеба. Левой рукой наливала из чайника. И ведь не взял даже под руку. На море, когда поднырнула, чтобы поиграть, шарахнулся как от акулы. Станный. А дом у него действительно неплохой. Агеев не обманул. Пришёл в библиотеку вроде просто так. Даже и не из-за друга. Очаровал сразу всех трёх баб. Общительный, остроумный. Белый венец вокруг лысины. Как у избранного. Однако всё разузнал. Хотите, я познакомлю вас с писателем, Маргарита Ивановна? С настоящим? Гордеева и Колодкина не соперницы – замужем. Хочу, Геннадий Андреевич, конечно хочу! Обрадовалась как девчонка.

Перед тем как надеть носки, мазала мазью и быстро массировала шишки на ногах. Наказание божье. Так и не вылечили. Нигде. Куда только не ездила! Сколько денег не выкинула! Тоже, наверное, забрезговал. На пляже. Отводил глаза. А как скроешь? Да и зачем. Лучше сразу. Во всей красе. Любуйся. Где такие ещё увидишь. Надела, наконец, носки. Надёрнула джинсы. Застёгиваясь, глянула на себя в зеркале. Скоба. Кривоногая. Джинсовая. Ещё и замуж хочет. С ложки затолкала ноги в мягкие, но всё равно тесные туфли. Типа тапочек. Сначала шишки не болят, нормально. К концу дня – начинают ныть. На работе вытягиваешь ноги под стол. Сняв обувь. Чтобы читатели не видели. И сидишь, мухлюешь ногами, как жулик. И лишний раз боишься встать. Чтобы не поймали. Ну, всё. Плащ на всякий случай. Сумку на руку. На выход.

Шофёр нанятого микроавтобуса имел ветхое, как гоголевская тряпичка, имя – Евсей. Евсей Петров сын. Однако даже встав сегодня в четыре, был бодр, весел, разговорчив:

– Опять мы с вами едем, Маргарита Ивановна. Я рад! – смеялся он, выруливая на повороте.

Он рад, видите ли. Содрал в прошлый раз пять тысяч и рад. Маргарита Ивановна сердилась, подпрыгивала на ухабах.

– Евсей Петрович, мне выдали на сегодня только три тысячи. Я вам сразу говорю. Если что – давайте назад и разойдёмся.

– Ничего, Маргарита Ивановна! – смеялся кудлатый пройдоха в кепке, опять круто выруливая. – Дорога длинная – договоримся!

Как по заказу промчал по Широкой мимо Табашникова у ворот. Кузичкина чуть не выпала из машины: привет, милые ноздри! Смотри-ка, рано встаёт. Шести ещё нет, а уже метлой машет.

– Знакомый, Маргарита Ивановна?

– Знакомый! – рассмеялась Маргарита Ивановна.

В большом городе катались с постоянно тормозящими стадами машин. Пустые недостроенные дома напоминали брошенные пустые соты. Солнце металось в них как

угорелое. В коллекторе ругалась, не хотела брать явную макулатуру. Всучили всё-таки. Пришлось расписаться. Сама таскала связки и упаковки книг на улицу к машине. Евсей складывал прямо на пол в проходе. Берёг, хитрюга, сидения. На выезде из города остановились у автозаправки. Сидела, ждала. К окну придвинулась кудлатая весёлая мордочка: «Маргарита Ивановна, надо? Я уже». Кивнул на плоский проходной магазин неподалёку. Полезла наружу. Брезгуя садиться, в туалете стояла в позе козы, упершей передние копытца в тощие ляжки. Тщательно вымыла руки. В буфете взяла два больших чебурека и бутылку тархуна. Отъехали от заправки и остановились у обочины. «Балуете вы меня, Маргарита Ивановна», – молитвенно принял халявный чебурек Евсей. Жадно ел. Скуповат всё же Евсей Петрович. За дорогу ни рубля не истратил на себя. Ни игрушку внукам, ни платок своей Маруське. Как и не был в большом городе. «Ну, домой, Маргарита Ивановна?» Пошёл выруливать на трассу.

Въехали в городок, когда солнце вдали качалось как пьяное. Никак не могло улечься на ночь. Окна в доме на Широкой отблескивали. Хозяин в тощих трико и галошах вышел, чтобы опустить ставни. Вываливаться из машины и махать рукой не хотелось. Кудлатый Евсей тоже молчал.

Глава третья

1.

Валерий сидел на крыльце. Под летящим осенним небом думал. Что бы такое сегодня замастрячить, чтобы жена и тёща восхитились? Сказали молодец Валерий!

Увидел в воротах тестя в шляпке, засовывающего ключи в карман плаща. Пришёл, гад. И следом друган большемордый его лезет. Тоже в шляпке.

С проворностью кота Валерий тут же умёлся в дом. У себя в закутке упал плашмя на диван. Дверь не закрыл. Приоткрытой оставил. Слушал, как два голоса разгуливали в кухне, а потом в комнате.

Слышал про себя нехорошее:

– ...Наверное, на рынок сегодня упёрся. Бахвалиться. Поучать продавцов железа и инструментов. Как надо работать с металлом. Сколько у него всяких слесарных корочек. Дипломов. Заодно, как правильно делать замесы. Под беседки и фонтаны...

Валерий не выдержал. Начал хлопать ладошкой по тумбочке. Как в борьбе. Будто ему загнули салазки. Дескать, дома я, козлы! Не сплю! Всё слышу!

В дверь сразу просунулась лысая башка:

– Ты дома? Извини. Мы ненадолго. Сейчас уйдём. Отдыхай.

И дверь прикрылась.

Козлы.

Агеев искал документ для ФМС. Справку. Ирина сказала, что она в её столе. Ага! Вот она, справка, что мы с Машей не рыжие.

– Мы ушли!.. – крикнул Валерию.

В ответ что-то пробубнило. Будто в Диогеновой бочке. Поставленной за дверью.

Опять шли к воротам по разбросу и бардаку под ногами. Агеев тихо матерился.

– Это всего лишь художественный беспорядок, Гена, – смеялся Табашников. – Беспорядок художника. А ты возмущаешься.

В ФМС сидели у 9-го. Рядышком. Как всегда – ни одного просителя у кабинета Кугель.

Кугель упала как с неба. Опять с папками. Того и гляди посыплется на пол. Суёт в замок ключ:

– У меня неприёмный день.

Сказала в дверь, не оборачиваясь. Зашла, захлопнулась.

Агеев – не Табашников: спокойно постучал. Ничего не дождался. Тогда открыл, спросил «можно?» и вошёл без приглашений.

Табашников вслушивался в бубню за дверью. С преобладающей женской. «Отчитывает», уважительно говорил себе. Как лапотный крестьянин в присутственном месте.

– Вот гадина! – ругался Агеев, когда шли к остановке. – Специально не положила в нашу папку копию документа. Специально! Понимаешь? Ещё раз хотела сгонять нас с Машей в Краснодар. Не вышло! Всё, дорогая, поезд с нами ушёл. Ту-ту. Не догонишь, зараза. – И без всякого перехода: – Ну, а теперь к Маргарите Ивановне? Ко сколько ты говорил? Вот и замечательно, есть полчаса в запасе.

По дороге у рынка купили цветы. Сам Табашников ходил вдоль высокого безмолвного ряда букетов на грудях у женщин. Внюхивался, выбирал. Возвращался к началу ряда. Нетерпеливому Агееву хотелось поддать его ногой. Как пацанскую лягу.

Во дворе жених показал на окно и балкон на третьем этаже. Дескать, прикинь, Гена, как будем уходить. Агеев посмотрел, прикинул: пожалуй, лучше сразу вниз, с балкона.

Звонить не надо было – в распахнутых дверях их встречала хозяйка в кокетливом фартучке. Табашников сразу вручил цветы. Конечно, ужалась в смущении. Что вы, Евгений Семёнович! Такой дорогой букет. Так потратились. Это ничего, бывает, бормотал жених, оглядывая дикими глазами прихожую.

Разделись, сняли обувь. По коврикам прошли в большую, тесно заставленную бабьим уютом комнату. Заставленную до потолка, под самую завязку. Ну что же, ничего, ничего, вполне.

Сели за стол в длинной белой скатерти. Уже с вином на ней, водкой и закусками. Хозяйка всё подносила и подносила. Наконец тоже села, сняв фартук. Была она сегодня со вздыбленными волосами и в чёрной кофте с блестками.

Агеев, записной тамада, поднялся с рюмкой:

– Ну что ж, Маргарита Ивановна, покоя и счастья вашему тёплому дому. Чтобы таким он был всегда – полной чашей, и телесной (посмотрел на библиотеку за стеклом), и интеллектуальной (совсем зарпортовался, подумал Табашников). Чтобы всегда в нём был женский уют и благоденствие (какая графомания!). Ваше здоровье, дорогая Маргарита Ивановна!

Чокнулись рюмками и бокалом, выпили, стали закусывать. Начался оживлённый, ещё трезвый разговор. В котором Агеев всё выпытывал у Маргариты Ивановны. Всё докапывался. Та посмеивалась, говорила про себя, видимо, откровенно. Библиотечный окончила в Новосибирске. По распределению попала сюда. Работает в библиотеке на Таманской с её основания. Больше двадцати пяти лет. Купила вот эту квартиру. Ну что ещё? Была замужем. Муж пил, трепался. К тому же считал себя пупом земли. Выгнала. (Ого! – переглянулись жених и сват.) Были и ещё кавалеры, но всё как-то мимо. А как у вас, Евгений Семёнович? Были женаты? Был, коротко ответил жених. Гражданским браком. Продолжал объедать куриную лапу. Только чтобы не говорить. Разошлись, всё же добавил. Да, из такого крючьями надо вытягивать слова, несколько разочарованно подумала невеста. Однако вновь оживилась, заговорила. Теперь о книгах за стеклом. Уж тут он точно клюнет. Торжественно звучали имена: Борхес! Алехо Карпентьер! Набоков! И даже современные Шапко и Курчаткин! (Кто такие? Почему не знаем? – переглядывались писатели. Но всё равно – начи-итанная.)

Агеев смотрел на вздыбленные волосы тараторящей женщины, на её блескучий стеклярус на чёрной кофте и забывал говорить сам. Не получилось с ней летом. Так, может быть, теперь сложится. А то жених сидит бука-букой. За час трёх слов не сказал. Может, когда сойдутся – потеплеет, заговорит.

За чаем женщина вдруг стала показывать на плазменный телевизор в углу, про который и забыли:

– Смотрите, смотрите! Евгений Семёнович! Геннадий Андреевич!

И сама сразу подперлась кулачками.

Агеев тоже отвесил улыбчивый рот:

– Ух ты! Во дают! Волосья друг у дружки повыдерут!

Табашников напрягся, покраснел. Ему не нравились такие передачи. Он их ненавидел. С гадливостью всегда вырубал. Точно вляпавшись в нечистоты. Поражался, как вообще такое может быть – на самом дне русской жизни находят необразованных, примитивных, некрасивых людей – мужчин, женщин – привозят в Москву и выставляют в телевидении на всеобщее посмешище и позор. И те, не смущаясь ни света юпитеров, ни наезжающих камер – с готовностью начинают кричать, материться и драться друг с другом. И поразительно, что громче всех всегда базлают женщины, царапаются с соперницами, площадно ругаются. Всё никак не могут поделить кобелей. А те всегда сидят очень прямо. Гордо. Но тоже вступают в дело. В нужном месте. Махаются кулаками, пинают друг друга. Примитивизм, бескультурье, грязь! Самое дно! И, как говорит всегда одна выдра на такой же передаче: «Вся страна замерла в ожидании! Отвечайте: муж он вам? Сожитель? Или хахаль?» Господи, куда я попал!

– Ты что? – сунулся к лицу Агеев. Нахмурился: – Ну прямо красна девица. – Мол, ты отстал, старик. Ты не в бренде.

Маргарита Ивановна мгновенно уловила другую мелодию за столом – плазменный выключила:

– Так надоели, так надоели. Одно и то же, одно и то же. Ещё чайку, Евгений Семёнович?

Как бы то ни было, мужчины по-доброму выпили на посошок. И женщина с ними жажнула. Водки. Передёрнулась аж вся: ух!

В прихожей ворочались, одевались. Оба в одинаковых шляпках. Агеев и невеста ждали. От Табашникова. Тот всё возился с ботинком. Агеев даже пару раз подтолкнул. Мол, давай, говори. Приглашай к себе. Но жених умел прикинуться дурачком, от всей души стал трясти ручку женщине, благодарить за чудесный вечер. С тем и откланялся. Агеев с возмущением – за ним.

Шли в темноте по домам. Курили. Агеев не терял надежды, всё нахваливал:

– Смотри какая! Не просто женщина в библиотеке при книгах, а начитанная женщина при книгах в библиотеке. Чувствуешь разницу?

Табашников молчал.

Но на перекрёстке, пожимая руку, спросил:

– А кто такие эти Шапко и Курчаткин? Ты не в курсе?

2.

В детстве Жека Табак любил делать своими руками модели кораблей и подводных лодок. Не один год он ходил на Станцию юных техников в судомодельный, и у него неплохо там получалось.

В первый раз десятилетним, уже покуривающим, его привёл туда отец, чтобы оградить от улицы. В старинном двухэтажном здании на втором этаже Жека увидел человек пятнадцать ребят в большой комнате, которые углублённо работали над своими моделями. Ребята даже не посмотрели в их сторону, хотя отец и Жека сказали «здравствуйте». Так им, кружковцам, было интересно строгать и точить. Но Жека не обиделся, ему сразу понравилось здесь – только пацаны и никаких девчонок.

Один мальчишка подошёл к двери в стене и стукнул три раза. Паролем. Вышел лысоватый мужчина в сатиновом халате, какие носят грузчики, посмотрел поверх очков и спросил: чего надо? А тут ещё какой-то старик-ветеран из-за спины его поспешно

поковылял мимо на выход. Странно вообще-то, удивились отец и Жека. Не вовремя мы, что ли?

На просьбу отца лысоватый ответил:

– У меня полный комплект. Пятнадцать ребят. Недобор в авиамоделльном. Идите туда. К Дугину. – И добавил с сарказмом: – К Генеральному конструктору самолётов. – И без разговоров ушёл за дверь в стене.

Однако, как встречают здесь детей! Отец был возмущён. Потасил сына на первый этаж, к директору. Мимо двери которого уже проходили.

Директором оказалась казашка. Гульнара Ахметовна. Сразу полезла из-за стола, повела отца и сына обратно. На второй этаж.

– Они специально перегоняют детей. Чтобы досадить друг другу. Но я сейчас им покажу, – тяжело взбиралась по ступеням грузная женщина. – Они у меня оба сейчас попляшут.

Дальше в большой комнате прямо при детях началась разборка между лысоватым в очках и каким-то длинным дядькой без очков. (Жека и отец ничего не могли понять, вертели головами.) В очках гнул своё, у меня больше учеников, длинный парировал, призывал в свидетели директоршу, он врёт, Гульнара Ахметовна! Наконец, той надоело:

– Ну вот что, милые мои. Если сейчас же не договоритесь, я прикрою все ваши лавочки. Ни ветераны ходить сюда больше не будут, ни хозяйки с кастрюлями и рваными сумками. А ты, мальчик, в какой кружок хочешь ходить?

Жека твёрдо сказал – в судомодельный.

– Понятно? – повернулась к лысому.

Длинный победно пошёл к двери, а лысоватый сквозь очки прямо-таки испепелял антагониста. Потом вроде бы опомнился, похлопал Жеку по плечу:

– Ладно, малый. Скажи мамке, чтобы сшила фартук. Вон, как у ребят. И приходи тогда.

Так Жека попал к Фролову Василию Парфёновичу. К дяде Васе.

Василий Парфёнович был неплохим наставником ребят, умел научить работать и стамеской, и лобзиком, и подпилком. Но часто бросал учеников, и те оставались один на один со своими яхтами, парусниками, корветами и колёсными пароходами. И всё потому, что под крышей «Юного техника» Василий Парфёнович устроил свою мастерскую. Полуподпольную. Для участников Великой Отечественной. Единственный в городе, он делал им из прозрачного пластика колодки под разноцветные планки орденов и медалей. Ну и набивал колодки потом этими планками. И заслуженными, и незаслуженными. Ветераны шли к дяде Васе косяками. И те, которые опирались уже на палочки, и здоровые. Стучали в дверь в стене три раза. И дядя Вася запускал. Кружковцы уже привыкли к этому, не обращали внимания. Так только, если какой-нибудь с палочкой заблудится в комнате, подводили его к двери. Ну и стучали за него. Три раза.

В «Юный техник» ходил и Герка Глобус с соседнего двора. И у него тоже неплохо получалось.

До Станции Жека и Герка или дрались, или поочередно били лягу. (Это когда человек будто подкачивает что-то в районе своего живота, правой ногой.) Снова дрались, или курили в сарайке Глобуса. Как бы раскуривали трубки мира. На передышку. И только в «Юном технике» помирились окончательно. Вечерами вместе шли домой. Несли по темноте хорошо раскуренные папиросы. Можно сказать, действующие модели ракет. «В кого ты такой?» – услышав голимый никотин в комнате, в беспомощности спрашивала мать. «В свою фамилию», – юморил безнаказанный, никогда не тронутый пальцем Жека. «А как же отец? А дядя Миша во Владивостоке? А я, наконец?» – «А вы боитесь рака», – опять юморил смыслённый Жека.

Через год Жека Табак и Гера Глобус, как самые достойные, стали допускаться в каптёрку Фролова. Он их привечал только двоих. Пил кефир и разглядывал перед собой

два больших кумпола. Одинаковых. Надо же! Но рукастые пацаны. Оба. На них только кружок и держится. Остальные – ни то ни сё. Без рук.

Иногда рассказывал про ветеранов. Участников Великой Отечественной. Совсем не педагогично:

– Они ведь как? Они ведь все хотят побольше наград. Чтоб я им наколотил в колодку. Но у меня не пройдёт. А удостоверение? На этот орден? Или, к примеру, на медаль? А? А ну покажи! А у него и нету.

– И как тогда? – спрашивал Жека Табак.

– Ну «как?». Помогаю...

Табак и Глобус переглядывались – помогает ветеранам, не бросает в беде.

Раз в год, на День Военно-морского флота, шли всем кружком на озеро в парк. На соревнование между Станцией и Домом пионеров.

Три квартала до озера шагали прямо по улице. Не обращали внимания на сигналы машин. Каждый нёс свою модель или модельку. Глобус и Табак шли со своими моделями впереди, рядом с Фроловым. Тот был всегда в белой рубашке с коротким рукавом, но почему-то в осенней толстой кепке.

Возле озера играл духовой, толпились на берегу зеваки из парка, сидело жюри за длинным столом в красной скатерти, стоящим прямо на траве.

Модели Глобуса и Табака почти всегда побеждали. Подводная лодка Жеки свободно уходила на дно, ползла там где-то в темноте, и когда уже думали, всё, каюк, амба, с концами – всплывала под аплодисменты зрителей. Большой линкор Глобуса носился. Стопорил. Делал всевозможные маневры. Вперёд, назад, в стороны. Тоже под крики и хлопки.

Потом было награждение. Великовозрастные лбы с моделями из Дома пионеров толкались вокруг Жеки и Герки на пьедестале, но устанавливались и всюду лыбились телевизионщикам. Герка и Жека стояли среди них как малолетки, уставшие от наград. Гордый Фролов поглядывал на длинного Дугина без кружка своего сегодня и моделей. Обязанного здесь быть. Гульнара приказала. То-то, гад. Где твои первые места? Всё пятые да десятые. А, горбыль хренов?

Однажды вечером Жека один шёл через парк и увидел Фролова. Дядя Вася сидел на скамейке и, больно морщась, плакал.

Жека тут же выкинул сигарету. Подбежал: что с вами? Что случилось? Дядя Вася!

Фролов заговорил высоким, срывающимся голосом:

– Женя, сын мой жив. Жив. Его видели.

Ребята в кружке знали, что у дяди Васи сын в драке убил кого-то, попал под расстрельную, и год назад его расстреляли.

– Где видели, дядя Вася?

– Под Кызылордой, – всё плакал Фролов. – На рудниках Хорасана. Живым. Уран грызёт под землёй.

– Да кто, кто вам сказал?

– Ветеран. Милицейский. Капитан. Я ему сделал колодку за это. Бесплатно.

Даже двенадцатилетний Табак понял, что дядю Васю гад капитан просто развёл. Чтобы тот сделал бесплатно колодку. Но ничего несчастному отцу говорить не стал. Помог подняться, как слепого, за руку, повёл домой.

Слушал потом на крыльце частного дома, как за дверью выли уже два голоса. Дяди Васи и его жены. Видел их тени, которые падали по занавешенным окнам.

Через полгода Фролов умер. Жека со всеми кружковцами был на кладбище. Слушал стоны оркестра. Смотрел, как закапывают. Как мечутся галки над осенними деревьями.

Больше на Станцию Жека не ходил – в кружке уже распоряжался Дугин. Прихватил ставку Фролова. А заодно и весь его инструмент. Герка Глобус метался сперва,

не зная куда, но скоро привык и даже стал Дугину помощником, учил новичков. Когда тот не успевал. Перебегать по коридору. Из авиамодельного в морской. И обратно.

3.

Табашников опять шёл жёлто-зелёной Партизанской. Нырлял под низкую листву и вновь выходил к небесному свету.

В этот раз полкан у чужого забора поданную кость закусил со слезами на глазах. Как будто заставили. Как будто его сейчас будут кастрировать. А обезболивающего не вколют – уличным не положено.

– Заболел, бедолага?

Табашников гладил голову пса. Словно не знал, что с ним делать.

На людной Свердловка снова увидел печальное – навстречу передвигался бледный инсультник. С ногой – как с хоккейной клюшкой. Примерялся ударить ею, пасануть Табашникову.

Евгений Семёнович опустил глаза: и ведь лет сорок всего мужику. Оборачивался. Инсультник всё загребал, всё примерялся ударить...

С матерью инсульт случился в пятьдесят три года. В январский мороз она пришла к гриппующему сыну на квартиру, принесла продукты. Собиралась приготовить что-нибудь, покормить, прибраться в двухкомнатной, которую сын получил всего месяц назад. Ещё слушая с дивана её голос из прихожей, Табашников почувствовал неладное. Никогда не выпившая лишней рюмки, бокала – мать говорила как пьяная. Вошла в комнату, покачиваясь, словно не узнавая её. Не сняла ни сапог, ни шапки. Тяжело села на стул. На все вопросы испуганного сына отвечала невнятно, смазанно. Лицо под песцовой шапкой пылало. Было слегка перекошено, точно она пьяно говорила «а, ерунда». Гипертонический криз? Инсульт?

Табашников бросился в прихожую. Высыпал всё содержимое материнной сумки на тумбочку, выхватил из лекарств каптоприл. Снова в комнату. «Ну-ка давай под язык». Стал совать таблетку в скошенный безвольный рот. Поднял мать и осторожно повалил на свой диван, прямо на простыню и подушку, в одежде, в сапогах, шапка слетела. Ещё одну подушку подсунул. Только после этого стал звонить в скорую. Опытный. У матери случались кризы. Гипертоник. С многолетним стажем. Но такого состояния – никогда.

Ждал. Мать что-то лепетала. Гладил её длинные седые, как белесая пряжа, волосы.

Приехали довольно быстро. Определили сразу – предынсультное. «Что давал из лекарств? Воду не пила? Не ела? Всё правильно (молодец)». Сделали уколы, повезли. В машине Табашников держал мать за руку. В тесноте скорой никак не мог достать из своего левого кармана под зимним пальто носовой платок. Чтобы вытереть ей слёзы, тёкшие из закрытых глаз. Достал. Вытер. Но слёзы набегали вновь. Он их вытирал и вытирал.

Приехали к зданию с толстыми колоннами, больше похожему на дворец культуры, чем на больницу. Быстренько завезли больную на каталке по въезду в приёмный покой. Там у Табашникова сняли показания. Фамилия, имя, отчество заболевшей. Год рождения. Домашний адрес. Телефон. Дальше мать повезли по коридору, а сын побежал домой, к отцу, чтобы собрать ей домашнюю одежду и скорей вернуться с ними назад.

Странно вёл себя отец. Когда вместе приходили к больной в палату, пенсионер стоял в изголовье жены в каком-то диком серьёзном почётном карауле. Или держался там за спинку кровати, точно собрался везти жену на кровати домой. Табашников кормил мать. «Сядь, отец, сядь! Не маячь!» На что пенсионер отвечал: «Ничего, я постою». Лежащая пластом больная, казалось, не воспринимала их обоих. Уже не говорила. Сомнамбулически приоткрывала край косого рта, принимала ложки с какой-то кашей.

Впрочем, на улице, возле колонн, отец переключал тумблер. В положение 2. Становился деятельным, активным. По заданию сына спешил или в аптеку, или на рынок за свежим творогом и сметаной для жены.

В самом начале, после развития осложнения, когда больная уже не вставала, – ухаживал за ней сын. Один. (Отец умудрялся исчезать. Для поисков санитарок.) Поворачивал на бок, менял памперсы, пытался вытирать салфетками, мыть ноги.

Главврач, вошедший однажды с белой свитой, – увидел. «Это что такое! Где санитарки?» Две санитарки забегали, начали всё делать. Вытерли, помыли. (Исхудалые обнажённые ноги больной перекидывали как серые оглобли.) Забили свежий памперс. «Всё, Эдуард Генрихович». Сунули испачканную простыню себе за спину. Табашникову. Как замели все следы. «Смотрите у меня!» Крупный мужчина в белом халате и шапочке присаживался сначала к старушке у стены. Тоже с косым ротиком. Стукал её молоточком, чиркал иглой. (Его сопровождающее белое большинство обиженно безмолвствовало: не доверяет, везде лезет сам.) А потом к молодой девчонке в спортивном костюме. И сразу начинал ругать её, что та опять выходила к ухажёру на мороз с непокрытой головой, без шапки. «У тебя арахноидит, дура ты чёртова. Для чего ты ему будешь нужна калеккой?» Наконец подсел к Табашниковой. «Ну как, милая, наши дела?» Больная молчала, смотрела в потолок. «Пора говорить, милая, пора». Пошевелил пальцами над своим плечом. Тут же получил карточку с назначениями. Углубился. «Почему сняли пирасетам? Немедленно вернуть». Ему пошептали. «Ну и что, что у нас закончился? В аптеках есть. Сын найдёт, купит. Чтоб завтра же зарядили в капельницу. Никаких аналогов». Погладил плечо больной: «Поправляйтесь, милая, поправляйтесь». Поднялся. «А вы смотрите у меня!» – ещё раз пугнул санитарок. На прощание. А те уже вовсю выслуживались – одна драила подоконник, другая с кометом – умывальную раковину.

Но каждый день Эдуард Генрихович в палату не приходил, и Табашников бегал, упрашивал жадных тёток с половыми тряпками. И всегда потом платил. И только когда больная начала вставать, добираться с его помощью до туалета, до ванной комнаты, всё более-менее наладилось, обходились без тёток.

На работе в НИИ над Табашниковым сгустились тучи. Потому что постоянно слинивал. Или прямо с утра, или после обеда спешил к больной. (Обеденный перерыв не совпадал с приёмными часами в больнице.)

Прикрывала Рая Тулегенова. Активно внушала Суслопарову за стеклом. И тот, загнипнотизированный ею, действительно видел возле одинокого покинутого кульмана две тени. Две тени вроде бы Табашникова. (Что за чертовщина!) И даже его плавающее над чертежом большое довольное лицо.

Снова возникла в квартире Табашникова. В новой теперь квартире. До этого два раза возникала в квартире родителей, где Табашников до получения своей постоянно жил. Отец и мать полюбили её, ждали от сына решения. Деликатно подталкивали, направляли. Но сын, чурбан бесчувственный, так и не сделал предложения. В этот раз Рая помогала готовить, приносила свежие продукты с рынка. На руках (машинки не было у любимого) стирала обгаженные простыни и рубашки его матери. По ночам, чувствуя себя обязанным (чувствуя себя подлецом!), Табак обнимал одной рукой льнущее к нему гладкое тюленьё тело. Рая после близости строила планы: вот мама поправится, тогда мы... Понятное дело, таратился в тёмный потолок Табак.

Выписали мать в конце февраля. Она волочила, загребала левой ногой, поджав кисть руки. Говорила плохо. Дома в растрёпанной седой пряже своей походила на ведьму. Если сын заходил перед работой, отцу уже ничего не говорил – сам причёсывал. Вечерами Рая подключалась. Вместе мыли в ванной. Виноватый отец метался с банным полотенцем. Все трое надеялись.

Повторный инсульт случился глубокой ночью. Она вдруг захрипела в темноте. Отец растерялся. С включённым светом не мог найти лекарство. Искал по коробкам в комнате. Хотя таблетки лежали на тумбочке у тахты. Руку протянуть. Пока, подвывая, переворачивал, тряс коробки, пока звонил сыну, пока ехала скорая, Наталья Сергеевна Табашникова умерла. Было ей на момент смерти неполных пятьдесят три года.

«Из-за меня она умерла, Женя, – плакал на кладбище отец. – Из-за меня». Табашников прижимал к груди большую пылающую голову, сам плакал, смотрел вверх. Сквозь слёзы видел тех же черных галок, что метались здесь над деревьями двадцать лет назад, когда хоронили Фролова.

4.

Перед переездом Агеевых из Казахстана сын Андрей обещал помочь с квартирой. Чтобы была своя. Чтобы смогли жить отдельно. Добавить к деньгам, которые привезут. Однако прошёл год, и будто не было разговора с матерью по телефону. Больше того, деньги, которые привезли (от продажи жилья), сразу забрал. Пустил, как сказал, в дело. Как объяснил – для их же пользы. (Для пользы кого? Их, стариков, или денег?) «Мама, тебе разве плохо у нас. Комната у тебя с отцом самая большая. Живите, ни о чём не думайте». Как будто впарил. Внушил. Как в передаче на телевидении: «А вот эта зелёная таблетка вам, чтобы не думать. Примите её и не думайте».

И Мария Никитична Агеева не думала. Месяца три или четыре. Ишачила. На всю семью. Стирала на всех, готовила, бегала на рынки с весёлой девчончишкой в коляске. Сама, как и муж, с техническим образованием, помогала тугодуму Ване по математике. Невестка вечерами наносила кремы, пилила ногти, сын разгуливал в гостинной, хлопал живот помочами, ждал от матери (домработницы) ужина, заодно продумывая комбинации для пользы денег. Ну а преподобный муженёк всё время шастал. Был то у Табашникова, то у Ирины с Валерием, то теперь новую моду взял – у Маргариты Ивановны. (Правда, с Женей.) Являлся домой с темнотой.

Всё чаще и чаще в кухне Мария сидела, сложив ручки на коленях. И весь вид её говорил: зачем мы тут? Зачем приехали сюда?

Но муж был туповат. Как все мужчины. Не понимал её состояния. Не понимал, что она потеряла свой очаг, гнездо, потеряла безвозвратно, что здесь у неё ничего нет, здесь она приживалка.

– Ну что ты, Маша, опять. Не буду я с ним ругаться. И ходить туда не буду. Сказал же.

Мария Никитична смотрела на мужа: и правда – дурачок. Спыхватывалась, гнала от себя всё, начинала хлопотать в чужой квартире, в чужой кухне. Незаметно смахивала слёзы.

До переезда не видели сына три года. Приехали – не узнали. Сын, как говорят сейчас, – поднялся. Четырёхкомнатная просторная квартира в центре, новая машина, жена, как богатая цыганка, вся в мехах, кольцах и серьгах, сам с запонками, подтяжками и дорогими часами, евроремонт заделал недавно, мебель не мебель, кинотеатр на стене, космодром лупит с потолка. Знатно живёшь, сынок. И всё это на зарплату рядового диспетчера в морском порту? Удивительно.

Андрей Геннадьевич через месяц-другой уже не стеснялся родителей. Нередко за ужином хвастался, что опять провернул удачную сделку-комбинацию на пару с каким-то Штукиным. Жена смотрела на мужа с гордостью, подкладывала ему самое вкусное. («Благодарю, дорогая», – мычал в нос новоиспечённый лорд, аристократ.) А Марии Никитичне сразу хотелось спросить у томного комбинатора: что же ты на квартиру-то нам, старикам, жмёшься? Или сразу обеднеешь? Но – только в мыслях всё. Вслух – ни звука. Не смела. Так же, как и отец. Который всегда начинал как-то втихаря давиться над тарелкой, кашлять. Как деликатный кот, который проглотил что-то непотребное и сейчас его вырвет. Впрочем, тут же переключался на Юльку. Как всегда, начинал щекотать, строить всяких коз и кикимор. (Вот не хочет человек знать, что сын стал нечист на руку, не хочет – и всё.) Ах ты, моя золотая! «Не лезь! – грубо обрывала Мария. – Мешаешь кормить!» Толстенький Ваня спокойно напивался. Мама сказала: когда я ем, то должен быть глух и нем.

Нередко грудь сжимала тоска. Особенно когда днём оставалась в квартире только с Юлей. Когда ребёнок спал, а сама сидела рядом и продолжала безотчётно баюкать. Всё думала о теперешнем, безрадостном. Мучило, что сын стал таким жадным, расчётливым. Деньги на продукты выдавал ей под список, где всё уже было подсчитано на калькуляторе. Накидывал лишнюю сотню, если старуха, не дай бог, где-то даст маху, просчитается. (Сказал бы кто ей в Казахстане, что так будет – посчитала бы сказавшего сумасшедшим.)

На день рождения отца подарил имениннику авторучку. Ну как же – большой писатель. У того тёплая куртка давно вылиняла, вся в пятнах. Ходит по городу как облезлый воин-афганец. У самой обувь дырявая, всё время мокрые ноги. Но этого не видят. Авторучки дарят. Да ещё букет цветов. Имениннику. Папе. От любящей невестки: с днем рождения, дорогой папа! Эх-х.

С дочерью тоже не складывалось. Второй муж достался с большим приветом. Шизоид. По её доверительным словам, сказанным однажды, рос в деревне, в большой семье. Где его чуть ли не с младенчества считали дураком, по-всякому унижали. Начиная от деспота-деда, старших братьев и кончая матерью, которая разрывалась между семью душами. (Отец, печник, можно сказать, сельский аристократ, ни в чём не участвовал, вольно шабашил, а когда бывал дома, подвыпив, с удивлением рассматривал дурного отпрыска, удерживая его коленями.) Всегда звучало в доме для Валерки: не лезь! Не трогай! Не умеешь! Сломаешь! Положи на место, дурья башка! И с тех пор, как освободился из семьи и окончил ФЗУ, Валерий и жаждал похвал, признания. Из кожи лез и лезет вон, чтобы его похвалили. Так было всю жизнь на производстве, так осталось и сейчас на пенсии. Признание, только признание. Похвала. Ай, да какой ты молодец, Валерий! От кого угодно. От случайных забулдыг в пивной. От продавцов железа. От тещи, от жены. От соседей, наконец.

Дочь видит всё это, понимает. Стыдится его на людях. При гостях не даёт говорить, хвастаться. Сама тараторит без остановки, только бы он молчал. Однако – прикипела. Родной. Никому не даст в обиду его. Даже отцу. Который лезет и лезет. Учит. Сам дурак – другого дурака.

– Куда опять ходил? Где болтался? Почему с ребёнком хотя бы не сидишь? Я что, одна должна тут разрываться?

Агеев смотрел на немолодую злую женщину, на её вывернутый выкрас волос, корни которого всё равно пробила седина, и не узнавал в ней своей жены. В Казахстане ладнее была, спокойней. Снимал плащ, шляпку:

– Так спит же Юлечка в это время.

– А проснётся?

В общем, досталось. Попал, как говорят сейчас, под раздачу. Пришлось и с Юлечкой сидеть, и Ване помочь с математикой, и в магазин два раза сбежать, а вечером с женой мыть ребёнка в ванночке. Потому что родители, как нередко делали теперь, упёрлись в гости. Всё свалив на Машу.

5.

На другой день на крыльце дома под высоким орехом Агеев привычно слягнул резиновые галоши – сперва одну, затем другую – и в носках вошёл в дом.

Друг передвигался по кухне, согнувшись в три погибели. Как баба обернул поясицу шерстяным платком.

– Радикулит? – спросил Агеев.

Услышав ответ, мгновенно дал лечение, рецепт:

– На стакан водки – две капли воды. Как рукой снимет!

Друг совсем переломился. И от боли, и от смеха. Махал рукой: уморишь!

Уже серьёзный, Агеев сказал, что сгоняет по-быстрому за действенным средством. Больному приказал не болтаться, прилечь на диван и ждать. Выскочил на крыльцо, вбил ноги в галоши и рванул на Комсомольскую, домой.

Вернулся через полчаса. С «алмагом». С лечебным аппаратом, смахивающим на ленту чемпиона с очень крупными медалями. Усадил больного на диван и наградил этой лентой. Правда, не через плечо, а обернув ею поясницу. Подключил к электричеству. Медали загорелись, замигали. Табашников и впрямь засиял как чемпион. Поможет ли, сомневался. На сто процентов, заверил специалист. Через час-полтора отправишься на свидание с любимой. Никаких затруднений при этом самом. Будешь работать как качалка.

– Ну ты скажешь: как качалка, – смущался Табашников. Однако смотрел на шмяляющую ленту вокруг себя с большой надеждой.

После алмага и таблетки анальгина больному явно полегчало. Немного распрямился. Ходил, правда, осторожно. Как будто учился ходить. Опять с шерстяным платком на пояснице.

Агеев распоряжался в кухне. Разогревал и первое, и второе. Потом позвал к столу.

Пообедав, пили чай. Больной раскраснелся, повеселел. В телевизоре над холодильником что-то мелькало. Агеев взял пульт, прибавил там всего.

Ведущий в большой студии сидит. Сидит в кресле небрежно, откинувшись на локоть. Он – центр внимания. Этаким отвязный современный мессия. Судия. Имеющий право всех поучать. Над головой у него какие-то каббалистические знаки. Два. Висят справа и слева на заднике студии. Что-то вроде переkreщенных молотков с фуражки железнодорожника.

Мессия учит жить молодого парня, который накосячил с девицей, но не признаёт теперь получившегося ребёнка своим. Не хочет. Никак. Парень что-то мямлит на насмешливые припирающие слова судии, потеет, вытирается платком. Остальные участники шоу, сидящие кругом, смотрят на парня с осуждением и даже злорадством: попался, голубчик! Со стороны происходящее в студии выглядит как засолка свежего огурца, попавшего в банку к маринованным. Так сказать – опытным.

Агеев резюмирует, кивая на ведущего: «Вот таким надо быть в наше время. Самоуверенным, наглым. Судить всех и вся. У самого жен было несколько. Детей настрагал пять или шесть. Любовниц не счесть. Но судит, указывает, как другим жить. А, каков гусь!»

– Да ты-то откуда знаешь про жён и любовниц?

– Так из интернета. Сейчас же ничего не скрыть. Особенно таким как этот.

Потом незаметно как-то Агеев стал подворачивать к Маргарите Ивановне. (Никак не успокоится.) Опять начал нахваливать женщину. Невесту. Глаза его бегали. Втюхивал залежалый товар. Оказывается, есть не только женщины-свахи, но и мужики. Вот он. Старается.

– Ты что, не видишь, что я больной? Что не могу никуда пойти? (Что качалка не работает? – хотел добавить.)

– Так и не надо, Женя. Она сама придёт. Навестит тебя. Я ей уже позвонил, когда бегал домой. Она тебя полечит. У неё есть чудодейственная мазь. А, Женя?

Вот трепло так трепло. Ну как с такими бороться?

Геннадий Андреевич второй раз позвонил вечером. В шесть: «Маргарита Ивановна! Всё в порядке. Он ждёт вас. Поторопитесь. Завтра мне обязательно позвоните. Ну, удачи! Пока!»

До конца работы оставалось целых два часа. По графику сегодня доработать, досидеть их в пустой библиотеке должна была сама. Может прийти зануда Лямкин, пенсионер, потребовать детективов. (Круглыми сутками, что ли, читает? Уносит по три-четыре книги и является через день. И чаще вечером: «Прочитал! Давайте новых».) Но подруги замахали руками: «Иди, иди, Рита! Лямкина обслужим, не волнуйся!» И

захихикали, радуясь за подругу-начальницу. Конечно, тут же смотаются, как только выйду за порог. К своим мужьям и детям. И Лямкин не получит книг. Ну да ладно, не до него. Пока, девушки!

С Таманской до дома добежала за пятнадцать минут. Быстро разделась догола. В ванную. Голову мыть не стала, времени нет.

Перед зеркалом надевала пояс с резинками и чулки с широкими узорами наверху. Терпеть не могла все эти женские конские сбруи. Но – надо: мужчины любят. Представив большую голову Табашникова, уткнутую и внимательно разглядывающую эти узоры – принялась истерично хохотать. Хватит, хватит! Никаких истерик. Взять себя в руки. Надела комбинацию. Тоже с выпендряльными гербариями. На груди и внизу. В длинном облегающем платье перед зеркалом стояла – как стояла бы снулая сельдь на своём хвосте. Но тоже ладно, чёрт с ними. (С кем? С мужиками?) Всё можно вынести.

Металась, искала чёртову мазь. Которую брала у Колодкиной. Когда подвернула лодыжку. Мазь вонючая, но помогла. Да где же она! Ага, нашла. Завернуть баночку в газету. Ну вот, порядок. Теперь быстро одеваться для улицы. И на выход.

В доме на Широкой горело только одно окно. С краю. Деликатно постучала. Костяшками пальцев. К стеклу сунулось испуганное лицо. Поиграла пальчиками: это я, я, Евгений Семёнович! Переступала с ноги на ногу. Захотела вдруг сильно в туалет. Лицо за стеклом, точно поняв это, забубнило, что дверь в воротах открыта, вся дорожка освещена. Заходите, Маргарита Ивановна. Металась в освещённом дворе, не зная – куда. Скрылась за каким-то домиком типа баньки. Начала задира́ть плащ, потом платье. Узкое платье не поднималось. Да чёрт тебя! Расставила, наконец, ноги. Чувствовала себя волчицей, воющей на луну: зачем я пришла? для чего?

Хозяин в длинной, какой-то бабьей шерстяной кофте на пуговицах походил на беременного головастика. Разводил ручки, приглашал. Извинялся, что не встретил у ворот. Вот, приболел маленько. Принял плащ, одной рукой повесил. Согнуться, чтобы подать тапочки, не смог. Я сама, сама, Евгений Семёнович! Чуть ли не под руку повела хозяина на его же кухню. Всё было приготовлено на столе. Скромно, правда. Две тарелочки и винегрет. И графин. С водкой, конечно. Вина почему-то нет. Налил в две рюмки. Поднял свою: «Ну, ваше здоровье, Маргарита Ивановна! Рад вас видеть у себя». Тоже дёрнула с ним. Водка – пусть будет водка. Стала закусывать. Вообще-то как в забегаловке всё. Графин, винегрет. Пожадничал. Но ошиблась. Пока бормотала и осматривалась, появилась под носом тарелка картошки с подливкой и гуляшом. Что вы, что вы, так много! На ночь! Однако вкусно. Умеет готовить. Где вы простудили поясницу? Оказалось, на огороде. Работал, убирал участок. Вспотел, снял куртку, и быстро прохватило. Уже вечером поясница заныла. А утром не мог разогнуться. Говорил, что радикулитчик со стажем. Ещё в Казахстане прихватило в первый раз. Холодильник тащил. Холодильник сняли со спины, асам грузчик так и не разогнулся. Пошёл куда-то вроде тележки. Посмеялась. С юмором дядя.

Над холодильником маленький телевизор работал. Присмотрелась. Точно по времени там уже базлали скандалистки. Специально включил, подвёл к ним? Чтобы уколоть за тот случай? Мол, какой я правильный, а вы, Маргарита Ивановна, без всякой культуры. Но по лицу непонятно. Жуёт себе. Ещё налил в рюмки. Поднял свою. Прозит, Маргарита Ивановна! Старалась не смотреть в телевизор. Закусывала, говорила. А там (специально, что ли?) всё прибавляли и прибавляли. Матюги бабёнок уже пронзались то короткими, то длинными звуковыми сигналами. Евгений Семёнович, вы бы выключили. (Мол, я не такая.) Разве мешает, Маргарита Ивановна? Глаза глупы, невинны. Но махнул пультом, выключил. Опять наливал и пододвигал тарелки. Зачем такому жена? Всё сам готовит. Не хуже любой бабы. Какое у вас всё вкусное, Евгений Семёнович – пальчики оближешь! Зарделся. Как девица. И сразу опять налил. Куда гонит? В постель?

В большой комнате удивил низкий абажур из советского времени. Дымящийся над махровой скатертью. Поэтому темновато вокруг. Но всё расставил с умом. Диван, два

мягких кресла с боков. Четыре скандинавских стула вокруг стола под абажуром. У одного окна журнальный столик. У другого – у стены – книжный шкаф. Правда, без книг, но забитый красивой посудой и зеркалами. «Всё осталось от прежней хозяйки», – объяснил мужчинка с пузцом, уже с расстёгнутой кофтой.

«А вот здесь мой кабинет и спальня, Маргарита Ивановна». Откинул портьеру, включил свет. Вошла. В упор не видя стол с компьютером у окна, сразу двинулась к широкой тахте у стены. Склонилась над ней. Из волчицы под луной – превратилась в выдру, обнюхивающую медвежье гайно. Хотелось открыть атласное одеяло и посмотреть простыни, на каких медведь спит. Но тот уже выдавливал из спальни. Которая вообще-то больше кабинет, чем спальня. Но этого не захотела признать. Создалось будто бы двусмысленное положение. Дама в спальне у холостого мужчины. Хотя пора, наверное, приступить к делу, резонно думала. А? Но сегодня медведь явно не может. Радикулит выдумал. Опять шли в кухню. В голове красно шумело. Напоил-таки. Специально только водку выставил. А в спальню больше не пускает. Опять в кухне стал наливать. А я не буду! Никогда! Ладонью прихлопнула рюмку. Нужно уходить. Сваливать, на молодёжном сленге. Ну, мне пора! Серьёзных приглашений в спальню сегодня не было и не будет. Поднялась, покачиваясь. В дурацком своём селёдочном платье. «А как же мазь, Маргарита Ивановна?» А, мазь. Вот она. Хлопнула на стол газетный свёрток. Вонючий. Всю сумку завонял. На ночь её. На поясицу. Будет сильно вонять. Не обращать внимания. Утром – как огурец.

Помогал с плащом. Надела. Обувь уже на ногах. Сумку закинула на плечо. Ну, до свидания. Спасибо. Подумала – и поцеловала. Влепила поцелуй. Куда-то в большое лицо. Как в тугоплавкий чугун. Но это ничего. Похлопала щёку чугуна. Пока, молодец!

По тёмной Широкой шла, покачиваясь. Напоил-таки, подлец. Специально. Вино не выставил. Только водку. Хотелось то ли плакать, то ли петь. Я люблю ти-бя жи-исть! Собаки сразу залаяли. Всё, молчу. Палец к губам. Почувствовала под локтем чью-то руку. Это что ещё такое! «Это я, Маргарита Ивановна. Я, Табашников. Не пугайтесь. Я вас провожу». Странно. Ты же дома. Откуда здесь взялся? А?! Дальше – провал.

Очнулась среди ночи. От сильного позыва в туалет. Застарелый цистит. Как ещё не опрудилась. Пошатываясь, пошла. На унитаже испуганно соображала. Вернулась в комнату. Ночник включён. Разложена тахта. Без простыни. Только подушка. В ногах тонкое одеяло. Сама в платье, в чулках. Все сбруи на месте. Неужели привели? Затащили на третий этаж? Но кто? Табашников больной. Тогда – Агеев? Мгновенно покрылась потом. Присела на тахту. Опять соображала, пыталась вспомнить. И вспомнила – висела на перилах у своей двери. А Табашников изо всех сил удерживал, а другой рукой пытался открыть ключом дверь. Разрывался на части. Господи-и! Как вышел потом Захаров-сосед, и вдвоём они справились, втащили пьяную бабу в квартиру... И что теперь – как жить?

На работу первым позвонил Агеев. «Ну как, Маргарита Ивановна? Как всё прошло? Почему не звоните?» Не знает, сваха чёртот. Ничего не знает. Сделала сладкую мину, засмеялась: всё нормально, Геннадий Андреевич. Больной чувствовал себя хорошо. Посидели, поговорили. Я оставила ему мазь. Всё объяснила. Но старикан что-то почувствовал, молчал. Не отключался. Слышите, Геннадий Андреевич? Всё в порядке, говорю, у него! «А кто же вас проводил? Евгений должен был позвонить, чтобы я это сделал, и не позвонил». Так он сам и проводил, Геннадий Андреевич. Сам. Я ему говорила, что не надо, что сама добежу. Но он настоял. Всё в порядке, Геннадий Андреевич. Твердила и твердила, как заводная. Господи, Мюнхгаузен отдыхает! Сказочник Гофман молчит! Агеев, наконец, отключился. Стыдно было до слез. Ну вот, лицо уже суксилось, потекло. «Ты что, Рита, что?» Колодкина и Гордеева. Лезут, заглядывают, утешают. «Ну-ну, вытри слёзы и рассказывай скорей. Что он с тобой сотворил? Этот гад большеголовый». Давилась слезами, икала: он ключ, ключ даже бросил, ключ. Полный презрения ко мне-э. «Какой ключ? Где бросил?» Мой ключ от двери. На тумбочку. Полный презрения-а...

К Табашникову Агеев примчался сразу же после разговора с Кузичкиной.

Евгений сидел на диване в алмаге. На этот раз как очень больной раджа в сверкании надоевших бриллиантов. Было видно, что радикулиту его стало хуже.

– Что же ты попёрся провожать-то? А? Больным? С больной спиной?

– Так ведь неудобно, Гена. Женщина. Ночь. Тёмная. Особенно у нас, на Широкой. Надо было.

– Да я-то для чего? Ведь договорились. Почему не позвонил?

– Ты тоже не мальчик. Ещё сломаешь что-нибудь в такой темноте. Ногу там, руку. И будем тогда сидеть здесь. С алмагами. На пару.

Посмеивался больной, но глаза уводил. Что-тоне договаривал.

– Ладно. Как мазь Маргариты Ивановны? Помогла?

Распирало от смеха, но поспешно успокоил: помогла, помогла, очень помогла.

– Позвони Маргарите Ивановне. Поблагодари.

– Обязательно!

Сваха чёртвов уже пятился к двери, а всё смотрел с подозрением. (Да иди же, иди! А то сейчас лопну от смеха!)

Снял наконец алмаг.

На кухне ел утреннюю кашку. Поясницу поламывало, но терпимо. Не так, как ночью. Когда вернулся домой. После силовой игры на площадке Кузичкиной. С живым женским телом, которое могло полететь вниз, – и закрытой дверью, которая никак, зараза, не открывалась.

В телевизоре рекламный кот бежал. Будто прямо на тебя. Встряхивал длинной шерстью, длинной, как у яка. Припал к кормушке. Заслужил.

После кота за богатым папиком, идущим к богатой машине, замельтешила ножками девица-содержанка с чемоданом на колёсиках. Наверное, думала, что мельтешит за ним кокетливо, красиво. Так бегут мелким шажочком, выламываются женщины только в современных фильмах, в сериалах. В жизни такое вряд ли увидишь. Да, грустно это. Подпёрся кулаком. Как быть с Маргаритой Ивановной теперь? Как вести себя с ней? После всего, что произошло. Да, полный тупик.

Глава четвёртая

1.

Агеев понимал, что должен смириться с дурацкими работами Валерия. Смириться, не лезть в них, но ничего с собой поделывать не мог – разносил упрямого стоеросового дурака в пух и прах: «Ну для чего ты опять железо здесь нагородил. Для чего оно здесь, зачем?! Разве до этого сейчас? У тебя по двору не пройдёшь, в грязи утонешь. Почему плитку всю испохабил, а новую не положил? За три года! Почему?»

Уходил по Котова и не мог вместить в голову: как? Как его дочь, умница, окончившая пединститут с красным дипломом, филолог, могла выйти замуж за этого болвана, за этого безграмотного самовлюблённого нарцисса, который и расписаться-то толком, наверное, не умеет. Как? И всё это – после первого мужа. После незабвенного Игоря Петровича. Невероятно!

Когда в 2010-ом дочь позвонила и сказала, что выходит замуж, – с Машей как-то растерялись, даже не поверили. Дочери было к тому времени уже 36, никакими мужьями и даже хахалями до этого и не пахло. Думали, вообще старой девой останется. А тут как обухом по голове: замуж выхожу!

Вместо того чтобы обрадоваться за дочь и поздравить, стали спрашивать и точно нудную заполнять анкету: да сколько лет? да где работает? да был ли женат? Если был, то сколько детей за спиной (удальцу тоже как минимум под сорок, наверняка настрого)? На

всё это Ирина только посмеивалась: письмом, милые родители, письмом! И отключила телефон.

В тот же день по электронке получили письмо. Узнали, что зовут Игорем Петровичем. Фамилия Камышов. Что работает первым заместителем директора банка. (Ого, какую рыбину зацепила!) Что вдовец. (Это сколько же ему лет? Старик? Молодой? Тогда сколько деток за руки его держатся? Ничего о возрасте не написала!)

Сильно опоздали с прилётом, поэтому свою дорогую мартышку увидели прямо на свадьбе. В каком-то местном ресторане. Она сидела рядом с крупным лысоватым мужчиной за шестьдесят. Который подошёл и какое-то время рассматривал тестя и тещу весёлыми карими глазами. Потом по очереди обнял, похлопал по спинам своих одноклассников: «Здравствуйте, дорогие мама и папа!» Повёл к невесте. Человек тридцать за длинным столом закрыли рты, захлопали и закричали.

Оглушённые мать и отец оказались по правую руку от зятя. По левую (возле невесты) уже сидели вместо родителей жениха – сам директор банка и его породная супруга. Шесть персон рядом. Полный комплект главных свадебных персонажей во главе весёлого длинного стола.

Дальше приглашённые гости кричали «горько», и невеста в подвенечном платье, как положено, сомлевала в объятьях крупного жениха в потной белой рубашке.

Потом этот крупный дядя ещё придумал номер: под музыку танго стал водить (носить?) маленькую невесту вместе с подвенечным платьем. Круто разворачивал, опрокидывал к полу, снова выравнивал, всячески вертел. Натурально, как безвольную мартышку. Ну а гости дружно хлопали крупному дяде. За такой его номер.

В чужом доме лежали вдвоём на чужих простынях. В темноте чутко вслушивались. «Он же старше даже тебя. На целых пять лет. Куда она смотрела?» За стеной слышался смех мартышки и глухая бубня дяди. Будто вдвоём они что-то распиливали.

Утром за завтраком, никаких «пап» и «мам» больше не было. Только по имени-отчеству: Мария Никитична, Геннадий Андреевич. Вежливый, предупредительный. В какой-то старинной тужурке с кистями. Интеллигент из фильма. В десятом поколении. «Не желаете, Мария Никитична? А вы, Геннадий Андреевич?» Ирина металась, носила на стол. В фартучке, с румянцем на щеках. Гордая за мужа. «Сядь, Ира, сядь!» – приказал муж. И она послушно села. Маленькая, пряменькая рядом с этим громилой. С этим так называемым интеллигентом.

Уводили глаза от молодых, проглатывали какую-то еду, пытались осмотреться. Байбак в тужурке встал, включил свет. Помимо воли уставились на вспыхнувшую люстру. Вспыхнувшую не сразу – какой-то волной. Как вспыхивает снежная королева на спектакле для детей. Довольный произведённым эффектом, байбак продолжил насыщаться. Сегодня он ел только манную кашку. У него был гастрит. Он и так вчера позволил себе лишнее.

Словом, в первую встречу зять не понравился.

Андрей, брат Ирины, тоже не принял Камышова. Решительно. Был Андрей тогда ещё холостым. Только начал работать в порту. Жил на съёмной. Денег не хватало. Стал бегать с плакатами на протестные акции. («Долой! Вперёд!») Один раз крепко навалили дубинками и чуть не выгнали с работы. На свадьбе сестры ни к чему не притрагивался – сидел с одним бокалом вина, полный презрения ко всем этим толстосумам. Тридцатилетний ещё, тощий, голодный.

Мать и отец съездили к нему на съёмную квартиру. Сын сидел в полупустой комнате, на раскладушке, в трусах и майке и ненавидел весь мир. «Поедем домой, сынок», – робко попросила мать. В ответ на неё посмотрели мучительные медные глаза бомбиста-смертника, который не струсит (мама!), который (ма-ма! ых!) пойдёт до конца.

Уехали из приморского городка с тревогой. И за неудачника-сына, которого зря переманила из Новосибирска Ирина (работал бы и работал там в речном порту), и за неё саму, с её скоропалительным, отчаянным каким-то замужеством.

Через год у дочери обнаружили рак молочной железы. И тут Игорь Петрович стал неузнаваем. Несмотря на отговоры врачей, сразу повёз жену за границу. Где в одной из лучших клиник Германии ей сделали операцию. Хотя опухоль была ранняя, обнаружили её при плановом обследовании, операция была бы несложной, и её спокойно бы сделали в краевой больнице. Но – нет: повёз.

Как только вернулся домой, позвонил тестю и теще. Пригласил приехать. Навестить дочь. Предваряя колебания пенсионеров (где деньги искать на билеты?), сказал, что всё оплатит. И к нам, и обратно. Не волнуйтесь. И добавил со счастливым смехом: «дорогие мои папа и мама».

Признали денег, быстро собрались, полетели.

Увидели свою дорогую мартышку сидящей в постели, обложенной белейшим одеялом и вроде бы от этого посвежевшей. Как будто вернулась она домой с бело-розового курорта. Припали с боков, заревели. Агеев трубил, выводил носом. Ну-ну, успокаивала дочь, будто малых детей.

Игорь Петрович смотрел, улыбался – устроил для жены праздник. Полный сериал!

Восстанавливающейся больной требовались перевязки. Сначала через день, дальше через два. Для этого нужно было ходить в поликлинику. Но Игорь Петрович разве допустит такое? – медсестра (самая лучшая) стала приезжать прямо домой, на Котова. В первую процедуру, не обращая внимания на протесты Ирины, все трое следили за действиями хмурой тощей женщины с длинным обескровленным носом. Точно стремились поймать на мошенничестве. Но та делала всё быстро, щадяще, профессионально. Игорь Петрович сам проводил её до машины с красным крестом. Видели, как тощая в белом халате и пальто сильно смутилась, когда он вручил ей крупную купюру. Досталось и шофёру, висящему на руле. С которого мгновенно слетела пожизненная скука. Больше напоминать медсестре с длинным носом о больной на Котова не надо было – являлась на машине с красным крестом ежедневно. Ровно в двенадцать. «Ещё бы! – как за своё ворчала Мария. – Ей за таких пару купюр нужно полмесяца пахать в своей процедурной. Теперь будет ездить. И надо, и не надо». «Да ладно тебе, – срывался, чтобы встретить сестру, супруг. – Пусть зарабатывает». Всегда оставляемые Игорем Петровичем деньги тоже вручал с благодарностью. Тощая цапля милостиво брала и лезла с баулом на сидение к шоферу. Тот, втихоря поширив ладошками (иэхх!), быстренько трогал.

Сама больная всегда спрашивала из спальни, покормили ли Валентину Ивановну (медсестру). Время-то обеденное. Как же, будет такая обедать здесь, всё ворчала Мария. Ей бы только деньги ваши. «Какие деньги, мама?» Агеев толкал жену. Та входила к дочери и сразу переводила стрелку: «Ну-ка, давай вставай! Хватит с книжкой сидеть. Ходить тебе надо, ходить». – «Ну мама, Игорь же сказал, чтобы я больше отдыхала», – капризничала дочь. «Игорь». «Сказал». Игорь скажет. Игорь знает больше врача, сердилась почему-то и на зятя Мария, застилая кровать.

За те два месяца, пока дочь восстанавливалась, пока помогали ей, хорошо узнали и Игоря Петровича. Тот не называл жену ни зайкой, ни лапкой, ни сусликом, ни даже мартышкой, дурацким именем, которое любимой дочке прилепил ещё в детстве Агеев. Но видно было сразу, что крупный мужик 65-ти лет крепко любит свою молодую жену. Что жизненные, любовные силы в нём не иссякли. В чём убеждались почти каждую ночь, слушая стук в стену кровати с мартышкой. Но иногда из ненасытного любовника он разом превращался в испуганного дедушку своей любимой. Стоило мартышке не так чихнуть, не так пукнуть, сразу начиналась паника. (Как узнали позднее, он просмотрел начало болезни у своей первой жены, которая умерла от рака.) Вызывался на дом врач, ставились уколы и втаскивались капельницы. От испуга, от тревоги за жену человек становился невменяемым. «Как вы думаете, Мария Никитична, вот это лекарство Ире поможет? А вот это? Импортное?» Вечерами дедушка дежурил у кровати «заболевшей» (насморк, небольшая простуда), засыпал, бодался, но поста не покидал. В такие дни стук в стену,

понятное дело, прекращался. Ехидная Мария в кровати толкала мужа, говорила, что Ирка специально прикидывается. Чтобы обуздать как-то ненасытного. Защитить себя. «Ну, ты скажешь!» – смеялся Агеев. Ему зять как мужик, у которого всё до сих пор в порядке, был симпатичен. Пытался даже подражать. «Куда? Я тебе полезу, старый хрыч!» От смеха хрыч падал с кровати.

На следующий год опять пригласили Агеева и Марию к себе, в дом на Котова. Чтобы те хорошо отдохнули, покупались в море, поели фруктов, ну а сами отправились в Испанию. И не валяться на каком-нибудь пляже, а путешествовать. Притом самим, без всяких турфирм. Побывали в нескольких городах. И больших и маленьких. Ходили в музеи, любовались готическими соборами и средневековыми замками. Пробирались в тёмных и тесных улочках, как в штанинах без солнца. Всегда выходили потом на солнечную площадь. Рядом с очередным собором или музеем. Игорь Петрович имел два высших образования. Неплохо разбирался в живописи и архитектуре. Любили музыку. И классическую, и джаз.

Вернулись домой путешественники посвежевшими, полными впечатлений. Дня два только и было разговора за столом об увиденном. Агеев и Мария невольно завидовали – помимо регулярных постукиваний в стену, супругам всегда есть и будет о чём поговорить.

Словом, от первого впечатления о зяте на свадьбе не осталось и следа – Игорь Петрович нравился всё больше и больше.

И вот этот полный жизни гигант однажды рухнул. Упал прямо на улице. После трёх с половиной лет жизни с молодой женой. Оторвался тромб, образовавшийся в сонной артерии. Мгновенная смерть.

Через полгода после похорон нашлись, конечно, и наследники разных мастей. От трёх племянниц до троюродного брата. Но в завещании чёрным по белому было написано: всё, что нажил и скопил – жене. Ирине Геннадьевне Камышовой. Хотя для птицы такого полёта, каким был Игорь Петрович Камышов, осталось, в общем, не много. Скромный, из трёх комнат, дом на Котова да тысяча триста денег. Честный был или не умел, ломал голову Агеев.

И теперь даже это скромное всё слесарь-придурок хочет пустить в распыл, до конца испохабить. Знал бы Игорь Петрович, во что превратили его усадьбу.

2.

Как всегда вдвоём шли к Табашникову. Из ФМС. Где от Кугель Евгений получил очередную вздрючку. Через неделю опять нужно ехать в Краснодар, там проходить дактилоскопию. Требовался высший уровень проверки. По новейшим технологиям. Чтобы мигрант уж точно не отвертелся. Шли отметить эту новость, не особо и расстроенные. «Не забыть бы тебе прихватить с собой мочу и кал, – озаботился Агеев. – В двух разных баночках. Впрочем, я прослежу». Хохотали, представив, как Геннадий будет «прослеживать». Заглядывать сбоку. Чтобы всё было по-честному. Ха-ах, хах-хак!

Шли, успокаивались, вытирали глаза.

По дороге летел, мёлся за машиной крепкий пёс. Пытался цапнуть колесо. Переднее. Никак не получалось. Отстал. Перебежал дорогу, помчался за другой машиной. В другую сторону. Табашникова сразу ударила метафора – «недающееся колесо». Которое невозможно цапнуть. Сказал Агееву. Однако тот ничего не понял, давай разъяснять общеизвестное: «Собаки как и люди. Бывают глупыми, дурными, вот как этот, и очень умными». В доказательство стал рассказывать байку: «У меня сосед в Казахстане был. Еня-пьяница. Упадёт, бывало, где-нибудь, не дойдя. Его пёс Архар никого не подпустит. Даже милицию с вытрезвительной за спиной. Тем убивать пса жалко. Преданный. Так и уедут ни с чем. Если зимой Еня упал в снег, особенно ночью – Архар рядом нервничает, скулит. Понимает, хозяин может замёрзнуть. Через десять-пятнадцать минут не выдерживает, мчится домой. Взлетает на пятый этаж и начинает лаять, булгача весь дом.

Скрестись в дверь. Маруся Енина матерится, но собирается, идёт за псом поднимать, тащить. Вот какие псы бывают. Все возвращённые мухтары вместе взятые, с их гав-гав по командам из-за кадра, ногтя не стоят настоящего умного дворового пса».

Хорошо рассказал, интересно. Однако думалось: захватывающе рассказывать байки где-нибудь в компании и скромно, но складно царапать перышком на бумаге – две, как говорится, большие разницы. (О себе думал скромно: царапаю всего лишь перышком, рассказывать не умею.) Удивляло всегда, что друг так замечательно травит байки, а пишет занудно, неповоротливо, тяжеловесно. Что всё тянется в повестях его – *как в жизни*. Как в нескончаемом сериале фильмов на триста. Да ещё сшитом белыми нитками. С бесконечными разговорами: монологами, диалогами. С объяснениями в них каждого чиха героев. Чтобы, не дай бог, читатель чего-то не понял.

Об этом прямо говорил любителю опупей:

– Длинно, Гена, всё, очень длинно.

На что писатель отвечал:

– Настоящий графоман всегда чувствует благодать письменного стола. И строчит, и строчит, и строчит. – И заканчивал со смехом: – Пока ему не дадут по башке и не позовут обедать.

Недавно с очередной такой рукописью пришёл печальный. Оказалось, побывал в местном лито. В здании Дворца культуры. «Там, Евгений, довольно суровые собираются графоманы. Особенно суровые к новичкам. Там твою рукопись они могут разнести в пух и прах. Готов ли ты к таким судам? Нужны они тебе?» – «А я и не собираюсь никуда, – ответил тогда Табашников. – Мне и здесь хорошо. – Показал на раскрытую общую тетрадь с авторучкой и на экран компьютера: – Здесь всё моё. И ничьё больше».

Обедали на кухне. В телевизоре шла передача. По определению Агеева – «Звёзды звезданутые сошлись». Не обращали внимания. Но в перерыве у звезданутых, в рекламе, Агеев вдруг оживился:

– Смотри, смотри! Как впаривать! Как надо работать!

Рекламируют какое-то лекарство. Сперва показывают зрителям пузырёк с таблетками. И сразу весёлая девушка стучит в невидимое толстое стекло. Коротко. Костяшками пальцев: тук-тук! Прямо тебе в череп. И исчезает. Снова пузырёк. И снова девушка костяшками: тук-тук! И исчезает.

– А? И ведь достучится! Будут покупать! – смеялся Агеев. – Талантливые ребята рекламу выдумывают. Поэты. Писатели.

Вот и тебе надо бы к ним, подумал Табашников, там у тебя лучше бы получалось.

Сам начал писать в сорок лет. После случая, произошедшего с ним и пасынком Вовкой на рыбалке. Об этом и написал свой первый рассказ. Себя, отчима, обозначил родным отцом Вовке. Но имя мальчишки изменил. Тот стал в рассказе Юркой.

Отправились тогда в устье Ульбы и Иртыша на самом рассвете. Прошли узким берегом Ульбы вдоль насыпного вала старинной крепости. Расположились, размотали удочки на гольце, на своём уловистом месте. Метрах в пятидесяти от слияния двух рек. У отца с его длинными удищами, положенными на рогатки, почему-то не клевало. Ловил один Юрка. На свою короткую удочку. Выбегал с ней, казалось, прямо из речки. То с окуньком, то с чебачишкой. Длинные удища отца даже не шевельнулись ни разу. Было завидно. «А ты бы ещё длиннее дубины поставил, – ехидничал юный рыбак. – Рыба-то сейчас вся у берега». «Рыба». «Вся у берега». «Зато я вытащу сейчас одну – твоих сотня будет». – «А ты вытащи, вытащи сперва, а потом хвались!» – бил по больному мальчишка. Отец окутывался табачным дымом. Так прошло время почти до обеда. Солнце уже жарило вовсю. Но отец почему-то продолжал ждать рыбу. Настоящую рыбу. Вдруг кончик одного удища сильно задёргался. Отец кинулся, подсеёк, но разочарованно повёз длинную лесу к берегу – на поднятом крючке болтался ершишка размером с сопельку. Отец поверх очков его внимательно рассматривал. Юрка опрокинулся на голец, задрыгал ногами: «Пацаны, зырь, тайменя поймал!» В общем, у отца не было рыбалки никакой. В чём дело?

почему? – вновь окутывался дымом старый рыбак. Юрка уже ныл, звал домой. Начал баловаться. Пулять камни. Прямо под удилища отцу. Отпугивал от него крупную рыбу. Которая должна подойти. К серьёзному рыбаку. «Ты что, сдурел? Не даешь подойти рыбе». – «Где она, твоя рыба, где?» – не унимался маленький засранец, пуляя. «Иди, искупайся. Охолонись. Да не здесь, не здесь! Куда полез под удилища! Вон – у крепостного вала».

Дальше рассказ шёл от лица мальчишки десяти лет. Босой, приседая на остром гольце, тот двинулся в сторону крепости, куда указали. В длинных трусах, с кривоватыми ножками, узкоплечий. Видел, как напротив вала купаются солдаты из воинской части, расположенной в крепости. Смуглые туркмены или узбеки. Которые и плавать-то толком не умеют. Однако плещутся на мелководе, и даже вроде бы играют в догонялки. Юрка полез в воду, погрёб до середины речки. Нырнул. А тут солнца! Полная река! Отблескивает от донной гальки, слепит глаза. Вынырнул и сразу лёг на спину. И распахнулось небо. Раскинув руки, крестом сплывал с течением в сторону Иртыша. В ушах, будто песок, рассыпалась река. «Куда прёшь на удочки! Куда?!» Рыбак. Ждущий крупную рыбу. Пришлось обогнуть дурацкие дубины, почти достающие до середины, и вылезти на берег пониже. «Ну и как – поймал?» Но отец, забыв про удилища, смотрел куда-то вверх по Ульбе. И вдруг побежал. Неуклюже вскидывая ноги в резиновых сапогах. Влетел в речку, упал, вскочил, по пояс погрёб к другому берегу. И мальчишка увидел – у противоположного берега медленно плыло смуглое тело кверху спиной. Течение поворачивало тело то в одну, то в другую сторону и вновь тащило прямо. Утопленник! Отец подхватил, взял тело с безвольной головой себе на грудь. Попятился. Хотел тащить к своему берегу. Опрокинулся с безжизненным таджиком. Вскочив, вновь подхватил. Левая, недавно сломанная рука отца не могла удерживать, скользила. Повернул мокрое лицо: «Юрка, помоги!» Юрка попятился, замотал головой. «Ну! Мать-перемать!» – стегнул матом отец. Юрка истерично взвыл и побежал в воду. Вдвоём подхватили под руки, плавом повели тело к берегу, с водой вытащили на гальку и упали рядом с разинутыми, без воздуха, ртами.

И началось: верхом на таджике толкал грудь его и дул в рот. Пасынок Вовка бегал с котелком за водой, брызгал, обливал лицо утопленника. Во главе с капитаном в форме прибежали купальщики таджики и устались на собрата, лежащего на гальке. Капитан с конопатым русским лицом опомнился, приказал качать утопленника вниз лицом. «Вниз лицом! Понимаете, дурьи головы?» Таджики ни черта по-русски не понимали. Только прибыли неделю назад в стройбат. Наконец вместе с капитаном подхватили, стали раскачивать. Но ничего, кроме длинной слюны, утопленник не отдавал. По отмашке капитана тело положили, наконец, на землю, на гальку, вверх лицом. «Всё, конец», – сказал капитан. Таджики, как один, заныли, стали отворачиваться. Жалкие, в вислых мокрых трусах. Погибший был голый совсем, без трусов, с длинной свежей царапиной наискось по груди. Видимо, нырнул в неглубокую ямку и зацепился, запутался в тросе. В одном из многих, которые по вёснам бросают плотогоны в реку. Перед самым устьем, где мелкие плоты они сбивали в крупные. Трос стащил и трупы. Вовка вдруг начал тоже отворачиваться, плакать. «Ты чего, сынок?» – «Папа, я же мог спасти его, освободить от троса. Он же боролся где-то рядом со мной. Я же мог увидеть его. А я, а я плыл и смотрел в небо». Обнял мальчишку, который впервые увидел смерть, гладил, успокаивал.

Сидели, курили с капитаном, ждали машину из крепости. «Как же ты теперь?» Капитан судорожно, глубоко, затянулся. «Да что я. Человек погиб». Да, пропал капитан. Разжалуют, посадят. Зато прогуливался с барышней на крепостном валу. Цветочки ей срывал. Пока таджики без его присмотра волохтались внизу у крепости. Да, пропал мужик.

Приехал бортовой грузовик. Открыли борт, подняли, положили погибшего на грязные мазутные доски. Капитан заорал. Тогда подвели под тело брезент. Не менее грязный. Закрыли борт. Сели вокруг погибшего. Капитан нырнул в кабину. Тронулись.

Отчим и пасынок смотрели вслед. Потом стали собираться.

Заканчивался рассказ предложением: «Юрку знобило». Прямо по Чехову – «Мороз крепчал». Но – напечатали. В одном из региональных сибирских журналов. Ничего даже не выкинув. И на этом – всё. Сколько ни бомбил потом редакцию другими рукописями – ответ приходил один: сыро, банально, неинтересно. Работайте, мы в вас верим.

Надо было завязать, бросить всё на корню. Но уже заболел. Графомания заселилась, влезла, чувствовала себя в дурацком кумполе вольготно. Выдавал и выдавал тексты. За два года накатал три повести и несколько рассказов. Однако куда бы ни совался, отовсюду, что называется, – «восторженное письмо редактора с отказом».

Постепенно начал понимать, что реальные истории, не одобренные вымыслом, плохо выглядят на бумаге. Солить, перчить нужно прозу. А перцу, соли как раз и не хватало. (Хоть беги к соседям-графоманам и проси.) Протоколы о происшествиях не проходят. Не в милиции.

Об этом не раз говорил Агееву. Однако тот, походило, вообще не понимал, о чём это друг – медленно, но исправно, как неповоротливая громоздкая машина асфальт, выдавливал и выдавливал из себя графоманские полотна.

Тогда уже входил Интернет. Посылал, конечно, и в электронные журналы. И в двух-трёх напечатали. Но там быстро всё задвигали в чулан, на задворки. И славы, понятно, не было.

Хотел открыть свой сайт. Однако вовремя одумался – это всё равно что скворечник повесить в тайге. Никто его, кроме самого скворца, не найдёт и искать не будет. По горло залез было в социальные сети, но тоже скоро все отверг – в невероятном количестве пошли на почту кошечки, собачки, бантики, розочки. Мусор.

И как итог – стал ходить к таким же неудачникам. В лито на берегу Иртыша. Которое въедливый Агеев моментально обозначил – «Отдушина графомана». Требовал даже от Чуваткина-председателя, чтобы табличку такую над входом влито непременно повесили.

3.

С матерью Вовки Табашников познакомился на работе. В НИИ «Казцветмет».

Когда получил свою отдельную квартиру, им активно стала интересоваться одна бухгалтерша из бухгалтерии института. Елизавета Гербер. То в столовой подсядет с подносом, весело поговорит, то окажется, что после работы им точно по пути. И куда ж тут от неё! Некрасивый мужчина с большой головой был удивлён. Он знал свою медную цену как жениха и даже как любовника. Случайные связи, конечно, бывали, но действительно случайные, когда после пьянки просыпаешься и видишь возле себя такое же большое мурло, только женского пола. А тут всё вроде бы серьёзно. В театр приглашают сходить. Во Дворец спорта на приехавший балет на льду. Постепенно стал даже переживать, когда опаздывала. Бегал на базар, покупал, преподносил цветы. Гербер тоже была далеко не красавица. Но как-то по-немецки. Когда не поймёшь, правильные черты у немки или нет. Узкий лоб или широкий. Опять же если сравнишь лоб с выступающими как сёдла скулами. Подбородок скошен. Губки маленькие. И глаза. Серые, в очках. Будто микроскопы без души. Только изучают всегда тебя. Как букашку.

Пришлось пригласить домой.

Даже не сняв плаща (только обувь), Гербер сразу начала ходить по всей квартире. Как чёрный ризлтор. Мысленно записывала в блокнот. Длинный коридор–прихожая. Комнаты раздельные. Направо – спальня. Налево – гостиная. Кухня среднего размера. Балкон из неё на восток. Из гостиной лоджия на запад. Туалет и ванная раздельные. «Так. А тут у вас что? Ага. Кладовки. Две». Так и запишем.

Пили чай. В гостиной. Об алкоголе Табашников вроде бы слыхом не слыхивал. Однако немке, похоже, было не до вина и водки – всё оглядывалась, мысленно записывала. Хозяин следил за ней, по возможности пояснял.

При прощании, уже одетая, вдруг сильно придавила лицо Табашникову. Поцелуем. Слегка стукнулся даже о вешалку. Темпераментная!

Ещё пару раз приходила. Всё пили чай. Немка о квартире всё знала, теперь ждала вина на столе. Для разогрева тестостерона. Чтобы жених осмелел, наконец. Табашников упорно вино не выставял. Держал всё на тормозах. Пусть мнёт одно лицо. Нужно подготовиться, решиться.

Дошло, наконец, до спальни.

В первый раз она оседлала любовника. Работала как пилорама. Ритмично и неотвратно. Удивлённый Табашников не узнавал своей спальни. Часы над ковром превратились в его перекошенную сладострастную рожу. Только с усами.

– Ты доволен, милый? – чисто по-немецки спросила она в перерыве. Нависнув над ним, разглядывала. Как валяющегося на дне пропасти, на камнях.

– Да, – прошептал несчастный.

Пилорама заработала вновь. Теперь любовник удивился ещё больше – он превратился в маленький будильник, подпрыгивающий в ногах на тумбочке. Тоже с усами. Вернее, с усиками.

– Ты доволен, милый? – неотвратно спрашивали его.

– Да, да, – шептал несчастный, опять, как шизофреник, не узнавал многих предметов в своей спальне. Которые преображались в него самого! Которые все тряслись и подпрыгивали!

Когда через час она начала быстро одеваться, хватать пояс, чулки, бюстгальтер, рубашку – он протянул руку. С кровати. Как Ромео:

– Куда же ты (милая)?

Оказалось, что в детском садике её ждёт шестилетний сынишка (будущий рыбак Вовка), что нужно бежать за ним. За месяц знакомства немка сумела ничего не рассказать о себе.

Позже узнал: в город этот она удрала из Павлодара. С одним чемоданом и ребёнком за руку. От деспота-мужа, который держал её в ежовых рукавицах и часто – избивал. (Трудно было поверить, что она, немка, так попалась.) Сразу нашла работу в НИИ. Жила сначала у подруги. Потом стала снимать квартиру. В институте помогли с садиком для Вовки.

Вовку увидел через два дня, как узнал о нём. Шестилетний мальчишка смело, как и мать, стал ходить по квартире. Юный риэлтор. Достойный ученик своей мамы-риэлторши. Однако в гостиной раскрыл рот, остановился как вкопанный: на шифоньере под самым потолком увидел детские модели Табашникова. Целое кладбище кораблей и подводных лодок на небе! Затянутых тенётами и паутиной с пауком. Вот это да-а. Сразу потащил стул, уже полез, чтобы схватить какую-нибудь, но мама сдёрнула на пол. А сам дядька, хозяин моделей, стал обещать, что покажет все корабли и подводные лодки. Вот только приберётся там, ну на кладбище, потом снимет модели и покажет. Поверил на слово, дал увести себя дальше, на кухню. Где всё уже было приготовлено на столе, где сразу сели пить чай.

– А где я буду спать? – практично спросил смышлёный малый на улице. – Ты в спальне. С ним. А я где?

– Обожди. Не торопись, – как взрослому, ответила мать. Мол, всё у нас впереди. Не спугнуть бы только.

– А подводную лодку подарит? – съехал обратно в детство Вовка.

– Подарит. Куда он денется, – шла и рассеянно отвечала мать. – Все чурки будут твоими. Надо бы только отмыть их как следует. С порошком. – Дескать, засрался моряк.

Уже через неделю Табашников корячился на лестнице, таскал в квартиру коробки с вещами и посудой. Помогал шофёр нанятого грузовичка. Коробок было немало. Немка пересчитывала, указывала, куда ставить. Вовка в осеннем пальтишке высоко носил по гостиной длинную подводную лодку под названием «Щука». Включал и выключал мотор

её. Винт «Шуки» вертелся по-настоящему. Дядька (дядя Женья, вообще-то) не обманул. Сам дядька стоял в прихожей над коробками и удивлялся, как за полгода жизни в съёмной квартире можно накопить столько вещей.

Через день он удивился ещё больше (часто начал удивляться!) – в квартиру тащили новую тахту. Купленную Елизаветой в мебельном. Старая, видите ли, расшаталась, скрипит. Ну конечно! Если так прыгать на мужчине. Какая кровать выдержит?

В кухне тоже всё поменяла. Всю посуду, кастрюльки, сковородки. Почему, Лиза? Загажены, не отмыть. Коротко и ясно. Хотя за кухней своей всегда следил. Тщательно мыл тарелки, а сковородки чистил. Тёркой, чёрт побери!

Теперь по субботам, прямо с утра шли генеральные. Шарахались с Вовкой и моделями от режущего старого пылесоса (не успела ещё поменять) или от шпыняющей мокрой лентяйки. Самого регулярно выгоняла с коврами во двор. Лупить.

Однако по ночам так же регулярно звучало «ты доволен, милый?» – и было хорошо. Дневное сразу сглаживалось. Побеждал всегда немецкий педантизм. Который был везде теперь – в уборке, на кухне, в постели.

Изредка приходил отец. За столом в гостиной новая хозяйка заглядывала ему в глаза, всячески угождала («Попробуйте вот этого, Семён Андреевич. Или вот этот штрудель с яблоками. А? Как он вам?»). Отец, ещё в здравом уме в то время, ел за обе щеки, нахваливал, гладил дикую голову Вовки, не терпящую панибратства, но осматривался в чужой уже квартире, мотал на ус. При прощании в прихожей всегда тихо говорил. В сторону от пьесы: «Держи ухо остро, сын». Что он хотел этим сказать, было не совсем понятно, но Табашников согласно кивал, буду держать остро, папа, не волнуйся.

На суд в Павлодар Лиза страшно боялась ехать одна. Пришлось взять без содержания и отправиться с ней. Вовку с подводной лодкой и садиком оставили деду.

У здания суда после развода «деспот» схватил Табашникова за грудки. Но Табак не потерял пацанских навыков, быстро навалил тщедушному мужичонке в глубокой кепке и плащике. И, как герой в конце фильма, повёл рыдающую свободную невесту, что называется, к новой жизни. А если точнее, на автовокзал. «Милый, милый!» – твердила и твердила невеста, на ходу обнимала, обливая его слезами. Благодарными, понятное дело.

Теперь Табашников стал замечать, что по утрам за завтраками серые глаза стали смотреть на него как-то по-другому. Очкастый микроскоп не столько изучал, сколько ждал от него. Какого-то движения, полёта фантазии, что ли. Ну! ну! я же свободна! Но Табак умел прикинуться шлангом – нахваливал её гренки, говорил «благодарю, дорогая», поскорей начинал собирать Вовку, чтобы вести того в садик. Какого ещё чёрта тебе надо! – косился на немку, натягивая её сыну бумажные колготки. А немке надо было только одно, чтобы этот трусливый чурбан с квартирой брякнулся, наконец, на колени и воскликнул: «Будь моей! Навек!» И начал бы шарить по карманам кольцо. Которое из-за разгильдяйства никак не мог бы найти. Ага! Вот оно! Нашёл! Извини! Обдул бы его, как от табака конфетку, и протянул: «Навеки! Я твой!» Немка горько смеялась. На удивление чурбану с квартирой. И даже сыну Вовке, который был без квартиры. Но зато со своей подводной лодкой. Правда ведь, дядя Женья?

Словом, Табашников оказался на распутье. Жениться? Или – ни в коем случае! А тут ещё отец всё время возникал, как пограничник: «Смотри в оба, сын. Оттяпает». Понятно, квартиру.

Как это часто бывает, лучшая подруга Елизаветы под большим секретом шепнула на улице: уедет с сыном в Германию. Уже собирает документы. Можете потерять квартиру, Евгений Семёнович. Тоже, как и отец, мол, смотрите в оба! Табашников сказал спасибо лучшей подруге, у которой Елизавета после побега из Павлодара жила какое-то время. Теперь он знал планы своей сожительницы, а значит, был вооружён.

Однажды, тоже за завтраком, его прямо спросили, думает ли он оформить отношения. В загсе. Получалось, немка с сынишкой и всеми своими вещами висела в

корзине воздушного шара на приколе. Почвы не было под ногами. Не было и движения. Ни в какую сторону. Пора рубить канат, в конце концов. Эй, воздухоплаватель! Уснул?

– Ты же собралась в Германию? – Дескать, зачем тебе воздушные шары здесь и корзины.

Елизавета на миг растерялась: узнал! Вот Светка сволочь. Однако овладела собой:

– Так ты же можешь поехать с нами. Как официальный муж. А?

– Нет. Я отца не брошу.

– Да какой отец! Он здоров как бык! И потом, есть дома для престарелых. А, Евгений?

– Нет, Лиза. Поедешь только с Вовкой.

Когда сожитель увел Вовку в садик – на кухне рвала и метала: чурбан, гад неблагодарный.

Больше в загс не тащили, но наступили не очень приятные времена. Скачек по ночам для Табашникова больше не было. Отселили в гостиную на диван. Недовольный Вовка перебрался в спальню к матери на новую купленную детскую кровать. Создалось вообще-то интересное положение: квартиранты вели себя как хозяева, хозяин превратился в квартиранта.

Впрочем, к мальчишке уже привязался. По вечерам мараковали вместе над моделями. От грохота кастрюль с кухни вздрагивали, но старались как бы не слышать. На диване, приобняв малого, рассказывал ему разные истории. Пока того не утаскивали в спальню. «Ну ма-ама. Дядя Женя не дорассказал». «Завтра доскажет. Он много басен и сказок знает. Заслушаешься».

Так длилось месяца два. К счастью (для Табака), у немки не складывалось что-то с документами на отъезд. Где-то она, наверное, пока не могла доказать чистое немецкое своё происхождение (так предполагал, об этом ни звука от неё). Поэтому решила пока отступить. Переждать у Табашникова. (И, как оказалось, ожидание растянулось на три с половиной года.) Вернуть всё к началу. Вовка с радостью перебрался обратно в гостиную, куда кровать уже перетаскивали. Чтобы быть всё время с дядей Женей. Даже спать с ним рядом. Чтобы рассказывал, сколько его ни попросишь. Пока не заснёшь. Но однажды утром проснулся, а дяди Жени на диване не было. Ни постели, ни его самого. Переманили. Из спальни. Позвали как котика: кыс-кыс. И дядя Женя побежал. Эх, дядя Женя.

4.

В телевизоре у Табашникова шла религиозная передача. Показывали торжественное богослужение. Весь в золоте главный священник водил пятью длинными свечами, и гулкий голос его улетал под своды храма. Тесная озарённая паства, в основном женская, в платочках, со слезами на глазах принимала благодать.

Агеев ел, но уже рассуждал. Видимо, о себе:

– Как только у верующего возникнут вопросы к священнику – вера его кончается. Религия – очень удобный закуток, куда можно спрятаться от жизни. От всех своих неурядиц, незадач, несчастий. Поэтому она вечна. Всегда были и будут люди, которые боятся брать заботу о самих себе. Религия – это высшая форма рабства, Женя. Только духовного.

Табашников хмурился: ишь, ты, какой умный. Сам относился к вере пока сложно. Ни в ту, ни в другую сторону. То верил, то сомневался. А этому всё ясно – вещает. Слушайте тут его.

Пошла реклама. Другая теперешняя религия. Религия еды, лекарств, вбиваемого конформизма. Агеев и тут пошёл резонёрствовать. Накат у него сегодня. Вдохновение. Заодно обсасывал куриное крылышко:

– Мы рабы своих привычек, Женя. Заблуждений. Своего невежества, в конце концов. Нам говорят: загорать сейчас вредно, очень сильное солнце, радиация, опасно для кожи – мы упорно загораем. (Особенно жещины на пляжах фикстулят. Встают в позы.) До

черноты загораем, до новообразований на ней. Нам твердят: нельзя есть то-то, то-то – мы едим именно это, с наслаждением обжираемся. Да вот, как этой колбасой! – Ткнул вилкой в кружок на тарелке: – Копчёной, канцерогенной!

– А ты не ешь, – советовал Табашников.

– А-а. Легко сказать. А если вкусно. – Забыв про полезную курицу, Агеев уже наслаждался колбасой. Копчёной, краковской. Которую сам же купил и принёс. Дома диетологи погнали бы с ней на улицу, чтоб где-нибудь в беседке поедал её, как пёс бездомный (было один раз такое), а здесь – можно. Он покупал и тащил к Табашникову всё, что в дом к Андрею нести запрещали: любимый зельц с прозеленью, казавшийся тухлым – дёшево и сердито, Женья. Постоянно колбасу. Копчёную и варёную, в которой ни грамма не было мяса, как утверждал всегда Наш Потребнадзор. Иногда замахивался на ветчину или окорок (а! где наша не пропадала! Грамм триста, любезнейшая!). Ржавую дешёвую селёдку тащил килограммами. И всегда яйца. В картонных упаковках. Холестериновые яичницы в кухне у Табашникова хлопались постоянно. Агеев в фартуке сам работал у плиты. Как снайпер пули, вкидывал в дрожащий не завязавшийся белок краковскую. Нарезанную кубиками. И, подав на стол – перчил от души. Наяривал рукояткой перчилки. Увидели бы домашние (диетологи) – попадали бы.

Перед тем как отправиться в город, спокойно покурили на скамейке у крыльца.

Прошёл мимо соседский кот. Будто сторож в ватных штанах. Хвост – вертикальная берданка. В щели под забором превратил себя в шар и исчез.

Агеев нащупывал ассоциацию.

– Ушёл в щель, как ты. От Маргариты Ивановны.

– Да почему это я-то сразу! – возмутился Табашников.

– Похоже. Тоже ушёл будто в ватных штанах. И с берданкой. Сторожить свой дом, – смотрел перед собой Агеев.

– Тьфу!

Поднялись, затушили окурки в специальном ведре с водой, вышли, наконец, за ворота.

После двух кварталов по Широкой свернули на улицу Седина.

Показался кирпичный одноэтажный дом. Явно нежилой. С закрытыми облезлыми ставнями. Рядом с воротами, на железном заборе, неожиданно увидели аршинные изломанные буквы. Напрысканные из баллончика чёрной краской:

ЭТОТ ДОМ ПО ПОДЛОЖНЫМ ДОКУМЕНТАМ АРЕСТОВАЛ И ПРИСВОИЛ СЕБЕ СУДЬЯ МЕРЗЛЯКОВ.

БУДЬ ТЫ ПРОКЛЯТ, ГАД!

Агеев повернулся к другу:

– Вот это да-а, и жильё отобрали, и теперь ещё и посадят. Ты видел эту надпись раньше? Ты же здесь ходишь.

– Нет, не видел.

– Ну всё. Уже ищут несчастного. Точно. В какое время мы живём! Что творится вокруг, Женья!

Уходя, долго оборачивались. Беспокоились о судье Мерзлякове. И что теперь делать ему? С забором? Затирать надпись или весь забор сразу красить? А если диверсанта не поймали – тот ведь снова напишет. Большой геморрой теперь у судьи Мерзлякова, мать его!

– Да ещё и в сеть видео выложат, – добавил беспокойства Табашников. Дескать, геморроя-то Мерзлякову сразу резко прибавится. А?

– Точно!

Уже посмеивались. А потом и хохотали. Хоть так гадов прищучивают! Хоть так достают! Впрочем, прославляй всех теперешних мерзляковых, не прославляй, с них – как с гуся вода.

– Как с десятков тысяч гусей вода, – тут же подсчитал и выдал полные цифры Табашников. Прямо бухгалтер. С дипломом. (Въедливый.)

– Точно, Жень.

Наконец дошли до магазина строительных материалов.

Внутри ходили вокруг ванны с ножками. Настоящей ванны – чугунной, матово-белой внутри, прочной. Лежи в ней, как в люльке. Купайся, от радости хлопай воду!

Агеев быстро обмерил всю – точно встанет на место душевой кабины, которую к чёртовой бабушке! Даже зазоры у стен будут. Ну, Жень? В кассу?

Но Табашников колебался.

– Нет, Гена, – сказал наконец. – Дорого для меня.

– Да бери! Поставим вместе за день!.. Давай половину я добавлю, возьму у Андрея и добавлю. Потом отдашь. А?

Табашников представил Андрея, как тот хмурится, прежде чем дать отцу деньги – поспешно сказал:

– Нет. Не по зубам. Извини.

– Так какого ты чёрта тащил меня сюда?

Табашников говорил в оправдание, что просто цен теперешних не знал. Добавил:

– Да я уже и привык к кабинке. К душевой. Заскакиваю в неё как козлик. Помнишь твоё пожелание?

– Дурак ты, Жень. Честное слово.

Вернулись к Табашникову. В кухне Агеев сидел в плаще, молчал, но домой не уходил. Точно из упрямства. Никак не мог отойти от облома в строительном. День насмарку. Ведь договорились же купить!

Табашников чувствовал себя виноватым. Молчком гоношил обед, зная, что Агеев никуда не уйдёт, пока не выговорится. В телевизоре, понятное дело, – передача.

Видимо, полулегально, подняв старые связи, опять появился на «Культуре» человек нелояльный к властям, изгнанный со всех федеральных каналов. Кучерявый, упитанный, сидел в кресле косо, ухватом, со скрещенными ножками. Ранее всегда весёлые карие глаза цыгана грустили. (Человеку надоело бороться, вбивать дуракам простые истины.)

Табашников отставил сковородку, оживился:

– Послушай, послушай, что говорит!

Агеев посмотрел:

– А, этот... Такой грустной жопой весело не пукнешь.

Табашников захохотал: ну ты скажешь!

– Не я это сказал – одна умная женщина. А если серьёзно – конечно, тоже умный, конечно, хорошо образован. Однако всё у него почему-то по верхам. Хватается за что угодно. За политику, за искусство, за литературу. Кто-то сравнил его с человеком-оркестром, работающим на бульваре. Одновременно он и поёт, и в губную гармошку дует, и бренчит на банджо, и барабан с тарелками у него за спиной ухает.

– Да ты послушай его. Верно же говорит.

– Возможно, Жень, возможно. Только я тебе отвечу словами такого же диссидента, как и этот говорун. Не совсем точно, по памяти: «Не бойтесь мора и глада, а бойтесь только того, кто скажет: я знаю, как надо!»

Потом обедали. В телевизоре опять дрались, матерились необразованные примитивные некрасивые люди. Мужского и женского пола. Люди русского дна.

Табашников хотел выключить. Но Агеев придержал его:

– Погоди. (Ликбез Агеев не закончил.) Ты вот не любишь такие передачи. А ты не задумывался, почему показывают всё это в прямом эфире. Почему идёт такое бесстыдство сейчас на телевидении. Почему находят и привозят таких людей. И выставляют на позорище всемирное? (Табашников, естественно, не задумывался. Куда ему!) А всё просто, Жень – для рейтингов телеканалов. Чтобы привлечь как можно больше зрителей с

разинутыми ртами: ух ты! во дают! Чем больше людей смотрят такое, тем выше рейтинг у телеканала – тем дороже реклама на нём. Деньги там крутятся немалые. Деньги. Понимаешь? (У Табашникова будто сдирали душу – две бабёнки рвали друг у дружки волосы.) Все телеканалы дерутся между собой за рейтинг. Вот как эти две тётки. А как его поднять, как привлечь зрителей? Только низким, грязным. Высокое, чистое, вечное – не катит уже. Давно его похоронили. Ещё в 90-е. Цензуры никакой. Показывай, что хочешь. Вот всю грязь и вытащили на экран.

Агеев смотрел на дерущихся и разнимающих:

– Раньше подобное смотрели только про артистов, про звёзд. Про их скандалы и интриги. А сейчас кто-то ушлый придумал и двинул новую тему. Оказывается, простой человек любит смотреть не только про звёзд, но и про таких же, как сам. Целые группы телевизионщиков рыскают по стране, выискивают необразованных глупых простых людей, привозят в Москву, и те выворачиваются наизнанку, до белья, до потрохов, до полного позора перед всем миром. Ну а рейтинг во время таких программ у каналов резко подскакивает. Рекламодатели лезут, дерутся за место в них. Денежки каналам текут. Текут рекой. И как итог всего –телевизионные бонзы потирают руки. За кулисами. Вот и фокус весь. Деньги правят на этом балу, Женя. Только деньги. Ну а теперь – выключай.

5.

Наутро Агеев пришёл весёлый:

– Сегодня сложное магнитное поле. Всем гипертоникам, всем аллергикам прятаться под кровати! Зажмуриться там и не выглядывать! Ни в коем случае!

Пить чай отказался, дома попил, но сидел за столом и продолжал выдавать:

– Я шёл к тебе и придумал хорошее название к американскому фильму – «Обыкновенный засранец». Правда, оригинально?

Табашников смеялся. Но как-то больше по обязанности. Был чем-то озабочен.

Хохмач решил добавить:

– Как ты думаешь, можно это название продать? Купят его в Голливуде?

И тоже – только ухмылка у Табака. Странно. Тогда Агеев взялся за старое – как сваха подпёрся кулаками:

– Когда же мы женим тебя, Евгений? Ведь мужик без жены – что дуб без дятла?

Оценивающе смотрел на кумпол друга. Пожалуй, на целый ствол дуба не потянет, а за добрый кусок его да с дуплом –сойдёт вполне.

– А, Евгений?

Табашников сказал наконец:

– А ты про себя подумал? Ведь если я женюсь – не будешь здесь особо расслаживаться и разглагольствовать.

– Точно – дятел сразу шлагбаум поставит. Как же я это упустил?

Курили. Опять на скамейке у крыльца. Агеев не умолкал: «У меня работал бригадир Коля Рыбин. Так тот вполне серьёзно уверял всех в перекурах, что тряска рук у стариков и старух (старческий паркинсон) – это им наказание божье. За то, что в молодости занимались рукоблудием. Ага! Бог сказал им: теперь трясите башкой и рукой до самой смерти, придурки! Как тебе такое научное умозаключение простого бригадира? Ха-ха-ха!»

Соседский собачонок-пустолайка тоже заливался, лаял у соседа Ивана. Где-то за забором. Просто так. Целыми днями. Словно чтобы лай свой не забыть.

– Тебе он никого не напоминает? – спросил Табашников.

– Ты о ком? – не понял Агеев. Даже заоглядывался.

Ясно. Не допёр. Болтун семиламповый. Табашников плюнул на окурок. Вдобавок бросил его в ведро с водой.

– Ты сердисься на что-то, Женя? Я что-нибудь сказал не то?

– Не в тебе дело, Гена. Мне надоели все эти кугели, все эти краснодары. Похоже, мутотень эта не закончится никогда. Опять видеть завтра все эти канцелярские рожи – край! – Чиркнул рукой по горлу.

– Давай я поеду с тобой? Всё будет веселей.

– Нет, Гена. Ты уже наездился. И с Машей, и со мной. Сам справлюсь.

Пошли к крыльцу. Табак продолжал говорить: «Можно вынести всё, Гена: эти поездки, маршрутки, когда ты сидишь с ногами, будто схваченными на многие часы колодками. Все эти игривые указания около трёх берёзок “девочкам налево, мальчикам направо”, когда даже коровы не узнают своего луга, уставленного жопами со спущенными трусами. Всё можно вынести, Гена, всё. Но видеть опять эти непрошибаемые канцелярские рожи...»

Агеев торопился за тёмной спиной друга, пропадающей в снях, за его словами. Веселье и беспечность разом слетели.

Одетым в плащ и шляпку, с сумкой на ремне, вышел к дороге напротив дома в половине третьего ночи. Ходил, покуривал. Глядел в безлунную ночь, на вымершую Широую, на раскидавшиеся в крепком сне домишки.

Заползал по улице свет фар – маршрутка. Приближалась. Подошла. Влез в открывшуюся дверь. Поздоровался (шофёр ни звука), назвал свою фамилию. Сел на первое возле двери место. Сумку сразу на колени. Повезло. Ноги не затекут. Когда тронулись – повернул голову. Как у проснувшихся собачек, мерцали глазки только двух женщин. Маршрутка ещё пустая.

Кружили по тёмному, еле освещённому городку из улицы в улицу. Люди по одному, по двое подсаживались. Говорили свои фамилии с именами и отчествами, шофёр ставил галку в списке. Некоторые то ли не знали порядков в маршрутке, то ли забыли их со сна, доставали сразу деньги, чтобы рассчитаться. И тогда шофёра как подменяли, оживлялся, к пассажиру поворачивалась мордочка со смеющимися, нарочито испуганными глазами:

– Ни-ни! Ни в коем случае деньги давать шофёру! Для этого есть специально обученный человек с высшим образованием. Он не спит, уже поджидает вас в тридцати километрах от Краснодара. В специальном месте. Шофёру – ни-ни.

Наконец загрузились полностью. Шофёр, включив в салоне свет, высунулся, пересчитал понурых баранов в тесных высоких креслах. Сразу выдал инструктаж приказным тоном: во время движения не вставать, местами не меняться, ни завтракать, ни обедать, воду пить можно, но туалет только два раза – первый «девочки налево, мальчики направо», второй на автозаправке перед Краснодаром. Вопросы есть? (Понурое стадо молчало.) Вопросов нет. Можно спать. Свет выключаю.

Уже когда совсем рассвело, стояли у железнодорожного переезда. У закрытого шлагбаума. Здесь всегда почему-то скапливалось много машин. Тётка в оранжевом жилете, смахивающая на толстый апельсин, стояла на высокой приступке будки, с торчащей трубкой жёлтого флага в кулаке. Вроде капитана на капитанском мостике. Уставшему товарняку, казалось, не будет конца. Постукивал и постукивал. Наконец громкий стук оборвался, и замыкающий вагон утащил с собой гаснущий стукоток.

Тётка сразу начала накручивать колесо, поднимать шлагбаум. Тронулись. Перевалили через переезд, поехали, прибавляя и прибавляя скорости. Опять пошли кружить заледенелые, в обширных лужах поля и проноситься голые чёрные перелески.

Неожиданно пролетела мимо целая роща обкорнатых до последней ветки, сучка деревьев. Сразу метафора ударила. Изуродованная теперешняя жизнь. Превратили в таких же чёрных монстров-уродов. Взывающих к небу, не знающих как жить. Долго оборачивался, тянул голову.

Пожилая женщина, сидящая наискосок от Табашникова, поднялась со своего места и хотела протиснуться к шофёру.

– Сидеть на месте! – рывкнул тот и прибавил скорости.

Чуть погодя женщина опять приподнялась:

– Товарищ шофёр, остановитесь, пожалуйста.

– А, чёрт тебя! – Шофёр резко затормозил, выехал на обочину и открыл дверь. За женщиной, как по её команде, полезли наружу ещё несколько человек. И женщин, и мужчин. И старых, и молодых.

– Куда? Куда поёрли? – Шофёр подмигнул Табашникову, как соучастнику: – Во бараны! – Власть недоумка при руле была полной. Нетерпеливо начал сигналить. Люди выскакивали из разных мест, бежали или волоклись к маршрутке. На ходу приводя себя в порядок.

Когда все вроде бы залезли и сели на свои места – властитель высунулся, пересчитал головы. Пошёл рулить обратно на дорогу. И сразу погнал. Опять полетели назад поля во льду и висящие, как дырявые корзины, высокие деревья в перелесках. Изуродованных рощ больше не было.

Часа через два въехали на большую автозаправку с плоским зданием магазина за площадью.

– Внимание! – с подъемом начал шофёр. – Всем проснуться! Сейчас вас встретит специально обученный человек с высшим образованием. Приготовьте деньги. Специально обученный человек объяснит вам на пальцах, сколько надо платить. Он долго учился этому. У него два высших образования. Внимание! Специально обученный человек с высшим образованием! Встречайте!

В раскрытую дверь полезла грузная женщина лет сорока пяти.

– Ох, смотри, Семёнов. Дотреплешься. Полетишь с работы. Я долго терплю. Смотри.

Выхватила у проказника список, повернулась к пассажирам:

– Приготовьте, пожалуйста, деньги за проезд. Называйте, пожалуйста, свою фамилию и где сели в маршрутку.

Начала протискиваться вглубь тесной мышеловки, принимать справа и слева деньги и пометать в списке. «Вы где сели, бабушка? Как ваша фамилия?»

– У специально обученного человека всегда без ошибки! – не унимался юморист впереди. – Не волнуйтесь, граждане. Лишнего не возьмёт.

– Да заткнёшься ты или нет? – не выдержала грузная. – Мне что, Антонову всё рассказать? О твоём юморе?.. – Стала сдавать пассажирке сдачу: – Извините, пожалуйста. Он один у нас такой пламенный. На всю бригаду. Доиграется.

Злой юморист (стукнула-таки по носу, толстая стерва!) заправлялся бензином. И можно было нормально постоять в очереди в туалет. Переминаясь с ноги на ногу. В нормальный грязный туалет при магазине.

Ну а дальше ещё час катались по самому Краснодару. Пока не въехали наконец на автовокзал. На напутствия Семёнова «не лезть по головам! Распродажа ждёт вас завтра!» уже не обращали внимания, поскорей выбирались наружу.

У подножия грандиозного, как «Титаник», здания ФМС оказался в половине восьмого. Словно застопорившись на очень длинном трапе, понуро стояла длинная очередь моряков. Парни лет 20–25-ти. Почти все так называемой кавказской национальности. Ни одной девушки или женщины среди них. Встал, понятно, в самый хвост.

Из-за утреннего холода и начавшегося дождя дверь открыли раньше времени – без пятнадцати. Моряки, не толкаясь (опытные, наученные), потянулись по трапу наверх к входу в корабль. Потом все ждали восьми в бетонном придавленном накопителе, смахивающем на подземный платный гараж.

После того как отстоял ещё одну получасовую очередь на четвёртом этаже к стеклянному окну, где доложил, что прибыл для дактилоскопии, – получил талон в 325-й

кабинет. Вся процедура снятия отпечатков пальцев в этом кабинете заняла меньше пяти минут. Хмурая женщина с чубом и в погонах валиком нанесла чёрную краску на подушки пальцев, каждый палец прижала к белой карточке, затем обе ладони на обратную сторону карточки – всё.

Оттирал краску поданной салфеткой. Внезапно пробило: а почему, собственно, ему не сняли отпечатки дома, в местном ФМСе? Есть ли какая-нибудь разница в этой процедуре? Вежливо спросил об этом.

– Какая ещё разница? – На Табашникова смотрели глаза цвета мутного винограда. – Процедура везде одна.

Значит, это была очередная хорошая оплеуха от Кугель.

Видя, что мужчина медлит, с чубом крикнула мимо него:

– Следующий!

Обдумывал всё в каком-то зале. Сидел на сидении в коротком ряду. Как бы на кораблике небольшом. Как бы с борта его побалтывая ножками. Рядом и за спиной сидели такие же мореплаватели. Тоже обдумывали свою судьбу. И средних лет люди, и пожилые. Молодые теснились у стекла, у окон с обеих сторон зала. Появлялись ушлые *димоны* и *егоры*. Посредники. Кавказцы их сразу окружали, показывали свои бумаги, заглядывали в глаза. Подсовывали деньги. Как перцу женщинам под подол. Димоны и егоры тут же улетали. Чтобы без мыла пролезть куда надо.

Как ни странно, обратный путь показался короче. Никаких хамских поучений и клоунад Семёнова больше не было – двухчасовую маршрутку вёл другой шофёр. Нормальный. На автозаправке за городом «специальный человек с высшим образованием» спокойно собрала деньги, пожелала доброго пути. Если кого припирало, пробирались к шофёру, тихо просили, тот останавливался без разговора. У любого кустика или лесопосадки. Половина пассажиров дремали, другие от души закусывали, разворачивая еду на коленях. Табашников писал в блокнот с натуры за окном. Летящей, всё время меняющейся. Пока не стало темнеть.

Переезд миновали, пропрыгали – уже весь в огнях. Женщина-апельсин с флажком на капитанском мостике казалась раскалённой, словно светилась изнутри.

6.

На другой день за завтраком решил окончательно – нужно жениться. А что, на самом-то деле! Сколько можно! («Сколько можно» – что? Ездить в Краснодар? Гражданства не иметь? Или – просто любви женщины?) Агеев прав. Пора.

Часов в десять отправился на Таманскую. К Маргарите Ивановне. Журнал сдам. Да и новое что-нибудь возьму. Был одет в плащ стального цвета (в плащик), подпоясанный ремнём (ремешком). Из-за шляпки с бортиками – с резко увеличенными щеками, делающими лицо весомой гирей. В общем – жених.

Солнце в небе не радовалось, еле тащилось сквозь облака, словно тоже всё в гирях, но на душе у Табашникова было легко, грудь дышала свободно.

Чтобы скостить путь до Таманской, свернул на Седина. Интересно, закрасил Мерзляков свой забор или нет. Закрасил! Весь! Свинцовой краской! Но что за чёрт? Опять чёрная распылённая надпись. Свежая. Но оборванная прямо на слог:

ЭТОТ ДОМ ПО ПОДЛОЖНЫМ ДОКУМЕН...

Вот это да-а. Табашников смотрел то на надпись, то на занавески в окнах дома, где Мерзляков уже живёт. Фантазия поскакала, рисовала картинки: непойманный диверсант только начал работать в темноте, подсвечивая себе фонариком, как на него навалились, скрутили, нараскорячку погнали к сразу подошедшей машине: попался, гад! И кипящий Мерзляков у ворот (почему-то в белеющих шерстяных носках и галошах – радикулит, подагра?) грозил кулаком вслед: я тебе покажу, мерзавец, мать-перемать! Пока его не

увела в дом молодая жена (почему именно молодая?). «Успокойся, милый, успокойся. Тебе нельзя волноваться, у тебя давление». – «Я ему покажу! Мать-перемать!»

Поднялся наконец на крыльцо библиотеки.

При виде кавалера в шляпке и со щеками Колодкина и Гордеева привстали и осклабились. Как две тайные бля... с волоокими глазами.

– Рита! Маргарита Ивановна! – крикнули за спину, не сводя глаз с красавца. Словно чтобы тот не отступил, не удрал. А щекастый топтался на половичке, кивал, забыв про шляпку на голове.

Кузичкина выбежала из-за стеллажей и чуть не под руку повела Табашникова к библиотечной стойке (к Гордеевой и Колодкиной), тараторя:

– Проходите, проходите, Евгений Семёнович! Здравствуйте! Рады вас видеть! Рады! Давно не были у нас. Забыли к нам дорогу?

– Да нет, что вы. Читал повесть, которую вы мне рекомендовали, – смущался читатель, по-прежнему не догадываясь снять в помещении головной убор: – Вот, принёс журнал.

Речь шла о повести молодого писателя, уроженца Белоруссии. Который надёжно засел в Москве. Который поймал волну. Мелькал на телевидении, в газетах. Для понта к своей украинской (не белорусской) фамилии приставил имя-псевдоним – Саша.

– Ну и как вам эта повесть? Как вам писатель? – Кузичкина повернулась к товаркам: мол, слушайте, что сейчас скажет.

Читатель в шляпке (как припаяли её ему!) начал говорить:

– Да понимаете, вся проза у него какая-то царскосельская. С первых строк думаешь, что это изнеженные фрейлины и пажи перед тобой разгуливают. А оказывается – это современные новые русские якобы так отдыхают за границей. Хотя, конечно, всё сделано мастеровито. Но – не мой писатель.

Кузичкина с гордостью посмотрела на подруг – а! как разложил всё! – и увела критика за стеллажи, вглубь библиотеки, к своему столику. Товарки хихикнули и приставили к губам палец. Один на двоих. Потом, забыв про каталожные карточки, которые нужно раскладывать, вслушивались, что происходит за стеллажами. А там то еле слышно говорили, то подолгу молчали. То вдруг слышался Риткин придушенный смех. Обжимает он её, что ли? А? Или уже вставил?

Вышли оба из-за стеллажей часов в двенадцать. Он по-прежнему в шляпке! Но с новым журналом и книгой. Она – вроде бы смущалась и даже оправляла платье. Сняла с вешалки свою куртку, надела:

– Девочки, я на обед. Если тоже пойдёте домой, всё закройте.

– До свидания! – сказал щекастый и вышел за пассией.

Вот так писатель. Вот так интеллигент. Шляпку даже не хватило ума в помещении снять. В библиотеке! Так и работал, наверное, за стеллажами – с голой ж..., но зато в шляпе.

Когда вошли во двор Кузичкиной, уже по привычке посмотрел на балкон её и на крышу. Опять прикинул, через что лучше уходить. В случае чего. При форс-мажоре.

В прихожей снял, повесил плащ. И наконец-то шляпку. Рукой поправил волосы. Хотел пройти в кухню, но пригласили сразу в комнату. Где фантастически пошли исчезать разные женские штуки, раскиданные везде. Смятая комбинация, тёплые зимние панталоны и даже коричневый чулок. Почему-то один. Похожий на сдохший раструб. Разгильдяйка вообще-то, если честно. Как и большинство женщин. Сюда бы немку часа на два привести. Та навела бы порядок.

Пригласили обедать. Ел и почему-то опять сравнивал уехавшую в Германию молчаливую Гербер с этой говорливой женщиной. И сравнение было не в пользу говорливой.

Однако готовила Маргарита Ивановна хорошо. С удовольствием съел и первое – борщ, и второе – вкусную котлету с картофельным пюре. А ведь женщина не знала, что он придёт в библиотеку, а потом сюда, заранее не готовила всё. Значит, такая вкусная еда у нее каждый день. Это большой плюс.

Кузичкина говорила не останавливаясь, но поверх потока слов, словно самостоятельные, неуправляемые выскакивали вопросы. Вопросы к мужчине, сидящему напротив. Как он обходится без женщин? Ведь не старый ещё. Неужели занимается непотребным? Хотя на таких неполноценных мужчин, о которых вычитала в интернете – вроде бы не походит. Не истеричен, руками не суетится, ничего не теребит, глаза не бегают, спокоен. Уверен в себе. От людей не прячется. И всё же почему? Почему один?

– Евгений Семёнович, вы бы рассказали о себе. Я ведь ничего о вас не знаю.

Табашников подумал какое-то время и как на лыжах с горы ринулся, начал рассказывать. Сразу о своей семейной жизни. Что женщинам больше всего хочется выпытать у мужчин. Летел с горы на раскоряку, но выруливал от одного сюжета к другому. Как познакомился и сошёлся с немкой, как с ней жил, как потом расстался, из-за чего. И особенно много говорил на финише о сыне её, Вовке, своём пасынке, к которому прикипел душой.

Большие ноздри мужчины вдруг засопели. Как сопла:

– ...Он называл меня уже папой. Понимаете, Маргарита Ивановна! Папой! А я... а я...

– Ну, ну, Евгений Семёнович. Успокойтесь.

Мужчина достал платок и стал вытирать глаза:

– Извините.

Кузичкина пропустила извинение, ей хотелось дальше слушать сериал, дальше:

– И что было потом? Больше вы с ним не виделись? Не съездили к нему в Германию? Ведь можно было уже в те годы, наверное.

– Куда я поеду? На какие шиши. Да и в качестве кого. Мы не были даже с ней расписаны. Неполноценный отчим. Который ходил когда-то с её мальчишкой на рыбалку. Из Германии Вовка, правда, писал сначала. Года полтора. Потом перестал. На мои встревоженные три письма – не ответил. Как я узнал потом у русской подруги его матери, – Гербер почти сразу вышла там замуж. За какого-то местного фермера. По имени Вилли. И они, видимо, запретили Вовке писать мне. Так и батрачит сейчас, наверное, на этого Вилли.

Кузичкина на удивление молчала. Глаза её ушли в себя. Рука забывчиво шевелила ложечкой в стакане. Табашников уже жалел, что рассказал про себя, что вывернулся наизнанку.

– Вы извините меня, Маргарита Ивановна, что нагрузил вас всем этим.

– Ну что вы, что вы, Евгений Семёнович! – сразу оживилась Маргарита. – Кому же рассказать о личном, как не женщине. Сострадательной женщине. Мужчины разве поймут?

Действительно – не поймут.

Оделись, вышли опять во двор и дальше, на улицу. Вела Табашникова озабоченно. Под руку. Как больного. Которого нужно срочно лечить. Строила планы лечения. В которых преобладал всего лишь один: нужно найти вам женщину, Евгений Семёнович, полюбить. Сойтись с ней. Себя словно бы даже не брала в расчёт, ни-ни. Просто психотерапевт, психолог Кузичкина. Больной соглашался, кивал.

На углу расстались. Кузичкина побежала обратно в библиотеку. Табашников – с большим оптимизмом пошагал домой. С книгой и журналом под мышкой.

– Обязательно позвоните, Евгений Семёнович! – оборачивалась Кузичкина. Мол, продолжим лечение.

Глава пятая

1.

Табашников смотрел в телевизоре на грызню украинских и российских пограничников в Азовском море, как захватывают они друг у друга судёнышки с понурыми, ни в чём не повинными рыбаками, и думал: Господи, куда меня принесло! Ведь переехал не куда-нибудь, а в самое пекло. Если, не дай Бог, что-нибудь начнётся.

Не выдержал, набрал Агеева:

– Ты смотришь телевизор?

– Не сунутся, – успокоил Агеев. – Бошки оторвём. Всё государство медным тазом накроется.

– Чьё государство, Гена? Чьё? Ракеты полетят сразу к нам в городишко. Лёту-то через лужу 30-40 километров, Гена. Куда побежим? Где будем спасаться? Все донбасы детским садом покажутся.

Агеев считал себя знатоком современной политики. Постоянно смотрел все ток-шоу. И на НТВ, и на России 1. Поэтому свернул все дела, если точнее, бросил ругающуюся Машу и поспешил на Широкую. Вправить другу мозги.

Однако тот метался по кухне, был неузнаваем. На все спокойные, взвешенные доводы Агеева – вдруг вспылал:

– Да пойми ты (дурья башка)! Если ружьё повесили на стену – оно выстрелит. Рано или поздно. Выстрелит! Понимаешь? И такие, как ты, его и подвешивают постоянно. На твоих любимых ток-шоу. С такими же базлунами, как ты. («Да почему я-то сразу!»)

Продолжал бегать по кухне:

– Какого чёрта мы припёрлись сюда? Нам что – было плохо в Казахстане? Там хоть умный, осторожный человек правит. А здесь? Подводные лодки твои, всякие линкоры постоянно на воду, всякие «булавы», «кинжалы»?

Да-а. Запущенный случай. Прямо и не знаешь, с чего начать. Но Табак не давал начинать – его несло:

– Все ваши пенсионные реформы – только для одного: деньги у предпенсов отнять. Триллон, другой. Не стало денег хватать. На ваши лодки, «булавы». На саранчу чиновников, силовиков, на армию. На все ваши сирии, донбасы и крмы. И что удивительно, постоянно идёт клоунада для дураков: правитель с народом, за социалку (но вынужден пойти на реформу, вынужден! граждане!), а его же карманное правительство – против: хватит сидеть у государства на шее! Протаскивает и протаскивает всё исподтишка. Не мытьём, так катаньем предпенсов берёт.

– Ты упрощаешь, – начал было Агеев. – Не в правительстве дело...

– Да очнись, кремлёвский мечтатель. Капитализм давно на дворе. Капитализм! Высунься в окно. О какой социалке, о какой справедливости речь? Волки кругом давно. Волки. И бараны в их кольце. А мы, пердуны, никак не хотим этого понять. Всё рыпаемся. («Долой! Грабительской реформе скажем нет!») Да пойми ты, телевизор всё равно вправит народу мозги, куда власти надо. Всё равно! Всё равно рай капиталистический наступит. Что называется, победит повсеместно. Ну а нас, не вымерших динозавров-стариков, окончательно затупят сериалами да орущими скандалистками с блядскими ртами. Так что раньше надо было думать, Гена. Раньше. Не бегать с плакатами в 90-е. Не рваться в западный мир. Получили то, что хотели. По полной.

Табашников высказался. Брякнулся на стул. Сидел как порванный мяч. Воздух шёл из всех дыр.

– Да ты же опасен, Женя, – стал оглядываться Агеев: – Тебя нужно срочно отправлять назад. К казахам. Ты же экстремист. Как ловко ты скрывал своё подлинное лицо. Ах, как ловко. Даже я не смог разглядеть его. Твоё лицо матёрого экстремиста.

Табашников ощупал лицо. Точно – матёрая морда экстремиста. Хохотали оба. Освобождались. Тут же появилась бутылка на столе. А к ней и закуска.

– Ну, давай, за твоё выдворение. Экстремист!

Выпили, стали есть.

– А если серьёзно, ты прав в одном: слишком много стали болтать о войне. Притом о ядерной. Слишком много ружей подвесили. Прямо спорт какой-то начался. Кто больше подвесит. То в одном месте, то в другом. Дрищем уже от страха, а всё подвешиваем. Нам всё нипочём!

Табашников сдался, покорно слушал свои же слова, которые теперь Агеев говорил. Пусть его открывает Америку. Он всегда любит осёдлывать чужих коней и скакать как на своих.

В телевизоре давно шло другое. Медицинское.

Ведущая с круглым лицом и жёлтыми лепестками волос походила на круглую ромашку в очках с большими диоптриями. Увеличенные глаза её будто белены обвелись – были мутны, бессмысленны. С добровольцами (почему-то больше женщинами) обращалась как с неразумными даунами в детском саду. Поучала, направляла чуть не за руку, запрещала трогать медицинские муляжи. Постоянный кореш её в синей робе врача, лысый еврей из Израиля, вторил ей. Но на свой лад – с ужимками, с прибаутками. Они переглядывались между собой со смехом в глазах. Как двое полноценных, нормальных среди всё тех же даунов из детского сада. Которые упорно вели себя неправильно, неразумно.

Без всяких обсуждений Табашников переключил канал. Но нарвался на оппозиционный. И оба друга замерли, забыв о поднятых рюмках.

Ведущий, толстенький, как гоблин, всё время смотрел на собеседника поверх очков. Губки у него походили на только что завёрнутый пельмень. Его постоянный оппонент – сивобородый, лысый, с косицей на затылке – сидел очень прямо, со сжатыми кулачками на столе, как сокол, вцепившийся в ветку. На всё у него был готов ответ.

Гоблин пытался вывести сивобородого на нужный ракурс темы, но тот спокойно гнул своё самодовольным голосом.

Агеев смотрел:

– С этим козлом с косицей говорить – всё равно что с непойманным браконьером на берегу. О разведении осетровых рыб. Выключи ты его к чёртовой матери. Вместе с гоблином.

Выпили. Дальше закусывали. Табашников достал холодца и остатки винегрета.

Как бы то ни было, бутылку прикончили. Несколько окосели. Ни о каких ракетах через лужу уже не помнили, забыли. Лысая голова с горбатым носом соловела, плавала над столом. Больше, чем голова с ноздрями. Явно хотела спать.

– Ты бы прилёг на диване в комнате, – посоветовал Табак, крепче на водку, устойчивей. Помог подняться, проводил.

Агеев брякнулся на спину и сразу завсхрапывал. Старик вообще-то, смотрел Табашников. Раскрытый ротик часто дышит. Боится не догнать своё же дыхание.

Вернулся в кухню, убрал со стола, стал мыть посуду.

Заползал, засипел на чистом столе мобильник Агеева. Табак открыл экран – Мария.

– Да, Маша.

– Ты где опять шляешься! – накинулась «на мужа» Мария. – Юльку нужно купать. Я что, разорваться должна?

– Маша, – мягко прервал Табак, – я это, Евгений. Гена отдыхает. – Мол, тише, не кричи – разбудишь.

– Что это ещё такое!

– Гена притомился маленько. Извини его. – И Табак выключил мобилу. Хихикнув. Как нашкодивший пацан. Дескать, обманул.

Не тут-то было – снова мобильник заползал, зазудел.

Табак на цыпочках понёс пластиковую включившуюся бомбу в комнату. Водил ею над ухом притомившегося.

– Что, что! – вскинулся тот на локоть.

– Маша, – шёпотом предупредил друг. И отдал бомбу.

Агеев мгновенно преобразился. Бодро ответил:

– Да, Маша, слушаю тебя! – Дескать, всегда на посту.

Табашников вытирал посуду в кухне, невольно слышал, как друг оправдывается, защищается («Ну что ты, Маша, просто прилёг на десять минут, да трезвый я! трезвый!») и, не узнавая себя, уже злорадствовал – несчастный лысый дуб, по его же поговорке, как раз был с дятлом, с навек привязанным на верёвку дятлом. Который долбил и долбил его сейчас. Отлетал на длину верёвки, прилетал, и снова долбил. Хихихихи!

2.

В армию на перроне вокзала девятнадцатилетнего Евгения Табашникова провожали родители и невеста. Галина Голубева.

Как и положено призывнику, Евгений был хорошо поддат, но озабочен – он потерял где-то кепку. Всё время поворачивал по сторонам большую серую голову, остриженную под ноль, искал. Был он в тонкой, уже воинской телогрейке (ещё отцовой), в кедах, с рюкзачком на плече, а вот головного убора на голове – не было. Непорядок.

Галина висла на любимом, плакала, только что не выла, будто на войну провожала. Интеллигентные родители смущались. Не знали, как вести себя в подобных случаях. Впрочем, Наталья Сергеевна не выдержала, тоже прижала голову сына. Прижала как большого ребёнка, раскачивая его и плача. Евгений успокаивал, бурчал на широкой груди: «Я в порядке, мама, в полном порядке».

Прозвучала команда «по вагонам!», ударил духовой местного гарнизона, и полупьяные призывники вяло полезли в третий и второй вагон, теряя за собой, как багаж, невест и родителей.

«Не плачь, девчонка, пройдут дожди! – маршеобразно лупил оркестр, – солдат вернётся! ты только жди!»

Евгений так и уехал без кепки.

На первом же построении по прибытии в часть, возле учебки старший сержант Зубцов сразу обратил внимание на невысокого призывника с большим обритым кумполом. Серым, как туман.

– Почему без головного убора, призывник?

– Потерян в неравном бою, товарищ старший сержант! – громко выкрикнул призывник. – В бою с зелёным змием!

Шеренга грохнула.

– А-атствить! Однако ты юморист, – со смехом в глазах разглядывал призывника сержант Зубцов. – Не хочешь ли поработать на кухне?

– Так точно, товарищ старший сержант! Очень хочу! – опять выкрикнул большеголовый под хохот шеренги.

Так Евгений Табашников в первый же день службы, едва ступив на территорию части, получил свой первый наряд вне очереди. Не дойдя даже до казармы. Не захватив даже, как хотел, кровать у окна.

Зато под присмотром другого сержанта, Чижова (Зубцов – Чижев, Чижев – Зубцов – футболисты), самым первым переодевался в каптёрке. По-быстрому напяливал хэбэшку и кирзачи. И получил, наконец-то, пилотку самого большого размера, какой был.

Повернулся к сержанту Чижову:

– Я готов, товарищ младший сержант! – Дескать, прошу препроводить меня на кухню.

Младший сержант Чижов не узнал новобранца – пилотка на голове у малого сидела вроде кораблика на серой воде. На серой воде водоёма. Сказал наконец:

– Ну, ладно. Пошли, что ли. – И добавил: – Голова.

Так Евгений Табашников получил в армии сразу и новое прозвище – Голова. У него хватило ума не обидеться на Чижова, ну и на товарищей, которые тут же подхватили прозвище. Посмеивался вместе с ними, раскуривая папиросы в специально отведённом месте рядом с плацем. Месте вроде детской песочницы, с низкими лавочками вокруг неё. Курил, посмеивался себе, юморил. Поэтому изгоем в армии не стал.

Евгений Табашников попал на службу в Забайкалье, прямиком в городок Борзя-3 у границы с Китаем, в мотострелковый полк. В первые два месяца до принятия присяги как положено проходил «курс молодого бойца». В учебных классах заучивал наизусть устав и шустрил с разборкой и сборкой АК. А на плацу «тянул носок» – это когда человек тридцать замирают с поднятой вытянутой ногой и по команде опускают её, задирают другую ногу и снова ждут, когда скомандуют опустить, напоминая с такими ногами падающих бестолковых гребцов на галерах. Которые никак не могут понять элементарного. С точки зрения Зубцова и Чижова. (Зубцов – Чижов, Чижов – Зубцов – пасующие футболисты). «Курсант Табашников, бегом арш!» (Чижов). «Курсант Табашников, пятьдесят раз отжаться!» (Зубцов). «...сорок один, сорок два... Да куда пошёл, куда! Назад! Вон туда иди, там казарма. Голова!» (Всё тот же Зубцов).

В день принятия Военной присяги весь полк выстроили на плацу. Новобранцы стояли в центре шеренги двумя отделениями. Кто стоял впереди, тому доверили автомат на грудь.

Полковник Самохвалов под знаменем полка обратился к новобранцам с краткой речью. Он походил на самовар в золотом поясе. Он напомнил новым воинам, что принятие воинской присяги есть почётная и ответственная обязанность, которая возлагается на военнотружущих по защите Отечества. Затем по списку громогласный старшина Голотов начал вызывать воинов, которые должны принять присягу. И каждый воин, чеканя шаг, выходил с автоматом на груди, поворачивался к строю и, удерживая левой рукой большой буклет, кричал, пищал или басил текст присяги. Наизусть. Потому что всё равно в буклете, кроме слившихся строк, ничего разобрать было нельзя. Расписывался в амбарной книге (ну, что прокричал), поворачивался и чеканил шаг обратно в строй. Отдавал автомат следующему. А сам вытирал пот со лба за спинами у товарищей. Во всяком случае, так было у Табашникова.

После того, как оба отделения приняли присягу и Самохвалов коротко поздравил их, прозвучала команда громогласного старшины: «Полк, смирр-на-а!» И сразу громко подвесил первый аккорд гимна военный духовой.

«Союз нерушимый республик свободных», –плескал плавными руками дирижёр, чернявый грузин в парадном фурагане и со шнурами на кителе.

Весь командный состав полка и воины сразу вытянулись и зашевелили губами. Будто бы запели. Однако старшина Голотов выводил очень громко, вроде протодьякона. Поворачивал голос то направо, то налево. Как бы заставлял остальных начальников петь по-настоящему, не халтурить.

Потом был проход всего полка торжественным парадным маршем.

Со знаменем и командиром во главе, под ударяющий оркестр (чернявый взмахивал тамбурштоком вверх-вниз, как скальпированным индейцем) полк проходил плац строевым. Проходящие две галеры, принявшие присягу, шлёпали вёслами слаженно, чётко. Как одна. (Вот она, школа Зубцова и Чижова!)

После парада – сразу в столовую, на праздничный обед. Вина, конечно, не было, но газировки – от пуза. Виноград, яблоки в вазах, по плитке шоколада на нос. Не говоря уже о сытном вкусном первом и втором. И до самого отбоя все были свободны. Несколько человек отправились в увольнительную в саму Борзю, где их ждали родные, но большинство ребят просто болтались по казарме. Кучковались вокруг записного

анекдотчика или хохмача. Серьёзные очкарики вздрагивали от хохота над ухом, но читали. Голова и Колокол (Колоколов) играли в шахматы.

Табашников и Колоколов подружились после того, как навалили трём дедкам, которые однажды, как коты, пробрались в учебку, чтобы хорошенько пощипать у салаг перья. В виде рублёвок, трёшек и даже красных десятков. В умывальной крупный Колокол бил наотмашь. Дедки вlepплялись мордочками в кафельную стенку, марая её кровью. Голова не отставал, работал на опережение, коротко, но сильно поддевал подбородки. Досталось, понятно, и самим хорошо. У одного (Головы) сильно надорвали мочку уха и зажгли хороший фонарь слева, у другого (Колокола) нос от прямого удара превратился в сизый шлем. Однако салаги героев сразу сильно зауважали. Особенно те, которых дедки всё же успели пощипать. В новой казарме, куда перебирались после учебки, забегали вперёд и предлагали героям любые две койки. На выбор. И Голова и Колокол заняли самые лучшие, у окна. Один наверху, чтобы кренделем сидеть и смотреть на закаты, вспоминать невесту Галю Голубеву, другой внизу, под ним, чтобы лежать руки за голову и тоже мечтать. Правда, неизвестно о чём.

Невеста Галина Голубева приехала к солдату, когда тот уже достаточно заматерел. На учениях, как крот, закапывался в полевые окрестности Борзи, строчил из автомата, бегал в атаки, с такими же гавриками в касках удерживался, не осыпался со скачущего по оврагам БМП и даже три раза прыгнул с парашютом, ни разу не нажав в штаны. Словом, перед невестой предстал обветренный мужеством солдат, к которому она припала как лоза и заплакала. (Голова не проронил ни слова, не уронил слезинки. Гаврики с КПП свидетели. Только по-отечески похлопывал невесту по спине.)

Однако в гостинице города Борзи, в отдельном номере не мог прободать пещеру невесты. Пещеру хорошо знакомую, изученную. В которой до призыва бывал не раз и не два. Пещеру как будто заложили камнем. Или, мягче сказать, зашили. «В чём дело, Галина?» – спросил солдат. «Не обращай внимания. У меня была операция. С осложнениями». Дескать, пытайся ещё.

У Галины Голубевой был аборт, пока жених полгода служил. От другого мужчины. И действительно после него начались осложнения, из-за которых кое-что ей потом сильно ушили. Внутри. Но Евгений этого не знал. Смотрел в меняющийся от машин потолок, ощущал себя ничтожным импотентом. Пещеру так и не прободал, и невеста уехала.

Долго не решался, но рассказал Колоколу. Мише. (Дело было на дежурстве в КПП, вышли покурить наружу.) Колокол прикурил от зажигалки друга и сказал, что Голубева ему не понравилась. Сразу, как увидел и познакомился. Мутная какая-то. Глаза припухшие, блядовитые. Ты извини, старик, но не для тебя она. Да и потом, ты полгода уже в армии, а она приезжает к тебе после аборта. Да ещё с большими осложнениями. От кого пришлось делать аборт-то? Так что думай, старик.

И Табашников думал. Вечерами смотрел с верхней кровати на закаты и подсчитывал недели и месяцы беременности Голубевой. Когда она почувствовала себя в положении? Проще говоря, – залетела? Вскоре после отправки его в армию, когда неделю жила уже у него, ночевала в его комнате и с пещерой у неё всё было в порядке? Или намного позже, когда он бегал с автоматом по окрестностям Борзи? Ответа не было.

Осенью к солдату приехала мать. Наталья Сергеевна Табашникова. Сидели в кафе у городской площади. Наталья Сергеевна всё время заказывала еду, подкладывала сыну. Сын сильно похудел. Думала, что от плохого питания. Остались только глаза и голова с армейским чубчиком. Однако Женя уверял, что кормят хорошо. Тогда отчего же, сынок? – спрашивала мать. Сын уводил глаза к большому окну, смотрел на ревматоидную руку Ленина, на гоняющих на великах пацанов. Расспрашивал об отце, о друзьях с завода. О Голубевой ни звука. Наталья Сергеевна уже знала всё. Тоже молчала.

Ночевали в местной гостинице. В темноте мать долго говорила сыну. Пыталась смягчить как-то всё. Уверяла, что свет клином на Голубевой не сошёлся. Что всё ещё у

сына впереди. Что будет у него и девушка верная, и любовь. И жена потом, и дети. Но сын будто провалился в чёрном углу. Вместе с диваном. Будто его не было в номере.

На другой день съездили в часть, и Наталья Сергеевна слышала только хорошее от Самохвалова и Голотова. Которые благодарили её за воспитание сына, отличного солдата. Однако душу ломало. На вокзале перед посадкой в вагон – плакала.

Когда поезд пошёл, тянулась из окна, махала.

Сын остался стоять на перроне как маленький сиротка Ленин. С большой головой. С крохотной пилоткой на темени.

3.

Кузичкина и Табашников встречаться продолжали, но дело на лад не шло. Не пахло ни загсом, ни даже диваном в комнате. Куда жених мог бы запросто невесту... усадить. Табак осторожничал, выжидал. Придумывал для себя отговорки. В загсе тоже нужно ждать. Ну штамп в паспорте. То ли два там, то ли три месяца. Какой же смысл во всей этой затее? Получалось – никакого. Вид на жительство можно и без женитьбы получить. Без женитьбы на россиянке Кузичкиной. Только чуть позже.

Кузичкина принимала жениха, угощала, тараторила. На столе была всегда вкусная еда. (Одни раз даже фаршированная утка из духовки!) Но жених ни тпру ни ну. И было видно, что женщина уже сердится. Сам Табак был как всегда – на чистом глазу. Вот прямо не видит ничего и не понимает. Знай нахваливает фаршированную утку: «М-м, какая вкуснота, Маргарита Ивановна! Обязательно дадите мне рецепт».

Однажды за столом Кузичкина вдруг начала говорить о мужчинах. О мужчинах вообще. Как о феномене природы. Говорила на удивление чётко, не тараторя, опустив глаза. Табак сперва не понял, к чему это. Но постепенно начало доходить: женщина раскрывала ему, мужчине, всю тайну остальных мужчин. Всю их сущность, всё их нутро. Оказывается, делятся они только на два вида. Мужчины, которые женщину считают своей ровней и много ждут от неё. Ждут серьёзных отношений. Тут и женитьба, и рождение детей, их воспитание, и чистый, ухоженный дом. И мужчины, которые смотрят на женщину как на забаву. На существо гораздо ниже себя. Как недоделанных пустышек балуют, снисходительно позволяют тянуть деньги, но ровней себе не считают и в серьёзные игры свои никогда не допустят. И такие мужчины постоянно обманывают своих женщин. Изменяют им. А то и просто выкидывают как надоевшие игрушки. Чтобы тут же заменить новыми.

Кузичкина высказалась. Хмуро ждала.

Табашников растерялся: вот тебе и простенькая, недалёкая. Вся беспечность и болтливость её – дымовая завеса. Перед ним сидела проницательная, умная баба. Но... но ведь это тоже плохо. Зачем такую? Сразу захотелось ехидно спросить: а его, Евгения Табашникова, к каким мужикам она относит? К первым или ко вторым? Но удержался – лишнее.

Судорожно начал подниматься из-за стола. Точно уже пойманный на измене, разоблачённый.

Женщина спокойно смотрела:

– Куда же вы, Евгений Семёнович? Так рано?

– Пора, Маргарита Ивановна, пора. – Дескать, в дорогу дальнюю. Быстро надевал ботинки, шляпку, плащ. Дескать, махну серебряным тебе крылом.

При прощании в дверях не было ни «обязательно позвоните», ни «обязательно приходите». Просто сказала «до свидания, Евгений Семёнович» и закрыла дверь.

Вот так номер! Табашников, как отпущенный большой мяч, рывками спрыгивал по лестнице вниз. Что это было? Конец? Полный разрыв?

Со стеснением в груди быстро шёл куда-то. От обиды хотелось выть. Ощущал себя потерявшейся собакой, которую недавно видел. Потерявшимся бульдогом. Который бежал из улицы в улицу. Который потерял хозяйку, дом.

Только часов в шесть вечера «нашёлся» возле своих ворот. Уставший, опустошённый.

На кухне горел свет. На кухне хозяйничал Агеев.

– Где ходишь? Час жду. Давай садись к столу.

«Час» он ждет, раздевался Табак. Без болтовни человеку просто смерть. «Час» у него пропал. Без пустой болтовни.

Сели к столу. Табашников был сыт. Всем. По горло. Однако дёрнул водки. Слушал растопыренного над тарелкой Агеева вполуха. Всё думал над словами Кузичкиной. Особенно о мужиках второго типа. Это был намёк. Злой намёк ему, Табашникову. Мужчине говнюку. Вдруг спросил:

– Гена, ты когда-нибудь изменял своей жене?

Агеев вздрогнул. На удивление, покраснел. Не разучился. Ну и вопросик от друга!

Помялся:

– И вроде бы да. И вроде бы нет.

– Как это?

– Ну, ещё до Маши была у меня одна женщина. Когда учился в институте. Месяц жил даже у неё. Звали – Таня Танцева. Симпатичная была. Собирался жениться.

– Ну и при чём тут Маша. Какая же это измена?

– Так Маша была с параллельного потока. Знала Таню Танцеву.

Агеев даже вспотел от признания. Вытерся платком.

– Ты что, с двумя, что ли, с ними жил?

– Да нет же, нет! Только с Таней Танцевой.

– Ну и чем она тебе была плоха, чем не угодила?

– Да понимаешь, придёшь на кухню, ну завтракать там, обедать, так она не скажет тебе просто «колбаса». Она скажет тебе – «колбаска». («Хочешь колбаски, милый?») Не скажет просто сыр. Скажет «сырчик». Скажет «рыбка», «кефирчик», «огурчик». «Помидорчик!» Все продукты в уменьшительном виде. В общем – культ еды. Культ «кефирчика» был. Ну я и ушёл. С Машей стал ходить.

– Значит, Маша с параллельного курса оказалась лучше Тани с твоего?

– Так, получается, – каялся Дон Жуан и всё вытирал пот.

– Ну ты и ходок! – смеялся Табашников.

Однако, это как? – всего две женщины было у семидесятилетнего Агеева? За всю жизнь? И верилось, и не верилось. Смотрел на смущающегося друга. Рекордсмен. Навыворот. Вверх тормашками.

Думалось уже, как же Маша и Таня делили потом Агеева. После его «измены». Царапались? Рвали друг у дружки волосы?

Спросил у жениха. Оказалось, что всё это было уже на последнем курсе, перед выпуском. После распределения Маша с Геной уехали, а бедная Таня осталась со своим «культом кефирчика».

Агеев наелся, от души наболтался, ушёл. После него, не помыв даже посуды, лежал у себя, смотрел в меркнувший от заката потолок. Видел почему-то глаза Маргариты Ивановны, когда она сердито говорила за столом. Глаза были не прибраны, не подготовлены к встрече. Словно женщина уже устала, смертельно устала привлекать мужчин. Один глаз начала подкрашивать и бросила, второй вообще был нетронутым кисточкой. Во время монолога смотрел как голый птенец. Женщина будто была не в себе. Сейчас от этого сжимало душу.

На другой день маялся, ни к чему не мог привязать руки. Позвонить? Или не надо?

Решил пойти на Таманскую. Да, пойти. Сдать журнал и книгу. Имею право, чёрт побери.

Оделся, пошёл.

– А Рита заболела, – сразу сказали Колодкина и Гордеева. – Она вчера ещё заразилась от Лямкина (есть тут у нас один, полчаса кашлял, гад). А сегодня уже высокая температура, уже вызвала врача. Лежит дома.

Табашников попятился. Никак не ожидал услышать такое. Сказал будто не сам, а какой-нибудь отъявленный канцелярист:

– Спасибо за информацию. – И увалился за дверь.

Через двадцать минут звонил в дверь на третьем этаже. Секунды тянулись. Наконец дверь приоткрылась.

Кузичкина была с растрёпанными волосами и с завязанным горлом.

– Нет, нет, нет, Евгений Семёнович! Ко мне нельзя. Ни в коем случае. Я заразна, вас заражу. Ни в коем случае.

Табашников начал было, что к нему зараза не пристаёт...

– Тогда только в маске. В медицинской. Купите в аптеке. И мне тоже маску, и мне. И ещё пакет молока и масла. Пачку.

Дверь закрылась.

Окрылённый (ему дали задание!) Табашников помчался выполнять. В аптеке купил несколько масок, а в маркете набрал полную сумку продуктов.

На этот раз перед дверью стоял как ликвидатор из Чернобыля – в глухой маске. Впустили и сразу исчезли. Мелькнул только халат и нога в тёплом носке и тапке. В нос сразу вошёл душный воздух болезни.

Раздевался в прихожей. Больная кашляла в полутёмной комнате.

– Включите свет, Евгений Семёнович.

Маргарита Ивановна лежала на высоких подушках, до горла укатавшись толстым одеялом.

– Знобит, – как бы извинилась перед гостем. – Если сможете, согрейте, пожалуйста, молока, и в кружку бросьте чайную ложку соды. От кашля.

Табашников ринулся на кухню.

Поил потом больную горячим молоком. Как она заказала – с содой. Маргарита Ивановна держалась за кружку обеими руками, мелко глотала. Её по-прежнему тряс озноб.

Табашников увидел на тумбочке вытащенный из футлярика градусник, спросил какая температура. Сейчас 38 и 9, доложила больная и откинулась на подушки. Вроде бы с облегчением.

– Так скорую надо, Маргарита Ивановна?

– Уже была. Поставили два укола. Температура должна упасть. Сейчас придёт участковая врач. Я вызвала. Она быстро обычно приходит.

Ждали. Санитар в маске сидел. Больная лежала, кашляла, каждый раз хватая полотенце и закрывая рот. Однако в перерывах между приступами рот её не закрывался. Многословно говорила, как заразилась от Лямкина. Пенсионера. Его ведь ничего не берёт, кашляет, чихает, но всё равно в библиотеку прётся. Давно не приходил. Два дня прошло. Новых детективов, видите ли, ему надо. Без них болеть никак нельзя.

Табашников слушал, посматривал на круглые настенные часы. Часы вдруг напомнили ему собственную рожу. С усами. Как уже было. Давным-давно. С немкой. Надо же – когда вспомнилось. Пожалуй, Маргарита Ивановна так скакать бы не смогла. Хотя вроде бы тоже темпераментная.

В прихожей длинно прозвенело. Табашников бросился, открыл, встретил пожилую хмурую женщину в сверкающей стеклярусом шапке и пальто, из-под которого виднелся белый халат. Принял пальто, повесил. Вязаная шапка со стеклярусом осталась на женщине.

Повернулось лицо с нарисованными тонкими бровями-саблями:

– Вы муж?

Табашников в маске походил на глухонемого. Слов от него не дождались:

– Проводите помыть руки.

Поспешно провёл, открыл ванную, показал. Опять всё молчком. Чернобылец. Глухонемой.

Наконец врач села на стул возле больной.

– Что же вы, милая, опять не уберегились. – Говорила и одновременно доставала из сумки медицинские причиндалы: – Смотрите, муж какой молодец. В маске. (Глухонемой кивнул, подтвердил.) А вы работаете в библиотеке. Это всё равно что в магазине. И никак не защищаетесь.

– Да к нам один Лямкин и... – начала больная. Но её прервали:

– Разденьтесь до пояса.

Забыв о Табашникове в комнате, Кузичкина поспешно начала оголять себя. Сидя. За халатом свезла на живот ночную рубашку, явив белому свету худое серое тело. Пожилая врач, как поп в сверкающей митре, стала крестить больную пипкой фонендоскопа. Приказывала – дышите, не дышите, кашляните.

Табашников отвернулся, но в боковом зеркале трельяжа всё видел. Грудь как таковой у Кузичкиной не было. Были два прыща. Как говорится, замазать зелёнкой и не считать за орган. Опять почему-то переворачивало душу. Какой тут муж! Отец, переживающий за малолетнюю дочку!

Врач уже писала в карточку на колене. Больная, внезапно обнаружив в комнате Табашникова, разом прикрылась. Стала напоминать растерзанную капусту. Глухонемой смотрел на потолок.

– Вот рецепты, – протянули Табашникову три бумажки. – Уколы умеете делать? В мягкое место?

– Нет, нет – он не умеет! – совсем запахла халатом Маргарита Ивановна: – Он боится. Иглу обломает!

Табашников кивнул – он боится, точно – обломает.

– Тогда к вечеру пришлю сестру. А через два дня, если температура спадёт – ко мне на приём. Если нет – опять меня вызовите. Поправляйтесь, милая.

Кузичкина благодарилась и благодарилась, а Табашников помогал врачу надеть на белый халат пальто. Врач поправляла перед зеркалом свою красивую шапку, видимо, недавно купленную или подаренную ей, и давала рекомендации Табашникову. Мужу:

– Маску в квартире не снимать. И по возможности спать раздельно.

Табашников вконец осмелел, – спросил:

– А если вместе – то в маске или без?

Он, Табашников – юморной.

Пожилая мгновенно вспомнила свою молодость. Чёрными саблями на лбу игранула. Дескать, ах ты шалунишка такой!

Бодро вышла из квартиры.

Два дня с утра до позднего вечера Табашников находился возле больной. По первому взмаху её руки, как пёс в медицинской маске, кидался и приносил в зубах разные поноски. (Сквозь маску, что ли, захватывал? Нет-нет, снизу под маску засовывал.) Полотенца, свежие платочки и даже расчёску. Что бы больная ни потребовала. А Кузичкина уже начала капризничать. Обложенная одеялом, воротила мордочку от манной каши. («Не хочу-у, Евгений Семёнович!» – «Ну-ну, за маму! За папу!») Не хотела пить целебные отвары, приготовленные псом. («Ки-исло, Евгений Семёнович!» – «Ну-ну, сейчас кинем сахарку. Вот так!»)

После обеда, когда приходила медсестра – метался из комнаты в кухню и обратно. Стелил на табуретку чистое полотенце для шприцов и ампул. И исчезал. Ждал в кухне или в коридоре. Чутко вслушивался.

После уколов больной нужно было ставить ещё и горчичники на спину и грудь. Тащил для сестры тёплую воду в большой тарелке и опять чистые полотенца. Несмотря на

гневные немые жесты (отвалите, Евгений Семёнович! сгиньте!), никуда не уходил. Стоял как приговорённый с петлёй на шее. Крепко зажмурившись.

Сестра уходила, прикрыв горчичники (и больную) одеялом. «Снимете через двадцать минут».

Двадцать минут ходил на цыпочках. Больная затаилась, готовилась. И начиналась борьба мужчины и женщины. Кузичкина не давала снять горчичники. С груди содрала сама, а со спины ни в какую, зажала на себе одеяло. Нагорбилась. Табак по-всякому уговаривал. Уверял, что не будет смотреть, пытался одеяло спустить со спины. «Нет-нет-нет, Евгений Семёнович!» Пойманная девчонка зажалась на диване. Перед гадким сладострастным развратником.

– Да ведь нужно не только снять бумажки, но и смыть горчицу, – стонал развратник. – Ведь сожгло уже всё, разъедает спину. Чёрт подери!

Кузичкина думала. Это называлось – распустила Дуня косы. Перед молодцом в защитной маске.

– Задёрните все шторы.

Задёрнул. Подкрадывался во мраке. Наощупь стал снимать. Дыхание – задавил. До помутнения в башке. Потом из кухни принёс тёплой воды. Теплой мокрой тряпкой омыл тощую спину. Вытер махровым полотенцем. Хотел и с грудью так же проделать – сразу взвыли в темноте.

– Ладно, ладно. Ухожу. – Нащупал руку женщины. Направил: – Вот тазик и тряпка. И полотенце.

И приходил в себя на кухне, сдёрнув маску и вытирая пот с лица. Какие тут к чёрту спальни, какие скачки в них! Со стыда бы не сдохнуть. И ей, и мне.

4.

Пока Табашников собирался, Агеев докладывал о погоде за бортом: «Сегодня минус 5. На дороге гололёд. Тротуары – костоломы. Люди на них – что тебе трепещущие балерины. В общем – красота!» Сам был в литых калошах. В любимых.

Осторожно шаркались по льду Широкой, но Агеев успевал о своём. О зяте: «Натура дурака нередко бывает сложной. Дурак может даже иногда прикинуться умным. Косить какое-то время под него. Однако скоро снова рушится в дурость. Всё вновь тонет у него в пустых словесах». Табашников тоже косил. Только под глухого. Дескать, не слышу. Озабочен. Как бы не навернуться на таком льду. Агееву лёд не помеха. Поливал.

Да замолчи ты! Под ноги смотри!

Навернулся-таки болтун. Ноги взмыли выше головы, одна калоша полетела в небо, шляпка в сторону. Но старикан изловчился в воздухе и приземлился (приледнился) на локоть и бедро.

– Живой? – поднимал Табашников. Скользя, добрался до шляпки и калоши. Вернулся. Как инвалиду с поджатой ногой, обул Агееву калошу. Шляпку – нахлобучил. Будто пьяному. Подхватил под руку: – Давай к домам. Там хоть вдоль стенок и заборов.

Вдоль стенок и заборов Агеев хоть и цеплялся за друга, хромал, но говорил, не унимался: «Все эти недоделки во дворе и на улице – это памятники его дурости. Останутся, будут стоять века». Да заткнись ты! – опять хотелось сказать Табашникову. Но терпел.

Кое-как дошли.

Сидели в обширном операционном зале банка. С талонами в руках ждали. Всегда неожиданно ударял загробный колокол, спрятавшийся где-то в потолке – и сразу за ним слышался ласковый приглашающий голос. Колоколу и голосу не доверяли, таращились ещё и на электронное табло. Агеев успевал поглаживать вытянутую отшибленную ногу.

– Болит?

– Ништяк. – Прямо опять бесшабашный пацан. Навернувшийся на глазах у других пацанов.

Снова таращились на табло и вздрагивали от загробного колокола.

В последнее время Табак шкурой начал чувствовать, что деньги, которые привёз с собой, катастрофически тают, уходят сквозь пальцы. До пенсии же здесь ему – как до голубой страны за горизонтом. Нужно было что-то делать. Как-то приостановить своё падение хотя бы на время. Как-то отодвинуть полный крах.

– Депозит! – безапелляционно заявил два дня назад Агеев. – Только депозит! Деньги должны работать! – Добавил по секрету: – Умница Маша тоже немного припрятала. Так сказать, в чулок. Не все денежки Андрей у нас вытягал.

И вот они здесь. Два старых дурака. В Сбербанке России. Самом надёжном. Самом выгодном. С целыми тремя процентами годовых!

Прозвучал загробный и вступил ласковый за ним.

– Чего сидишь? Тетеря! Твой номер!

Агеев сразу похромал.

– Да не туда! Не туда!

Агеев исправился. Похромал в другую сторону. И чуть погода гордо уселся перед менеджером. Девичей, похожей на внимательного паучка в очках. С раскинутыми лапками. Лысина говорящего старика – уже золотой слиток Народного банка.

Через минуту дошла очередь и до Табашникова. Табашников несколько оторопел, сев за стол. Прямо напротив него оказался детина из зала бодибилдинга. В белой рубашке с коротким рукавом, с двумя бицепсами размером в арбузы. (Как тебя сюда занесло? – успел подумать несчастный, прижимая к груди пакет с деньгами.)

– Какой депозит желаете? – вдруг детским дискантом пропел детина.

Табашников, когда отходил от стола, – оборачивался.

В кассе ему приказали прямо в ухо. Из динамика перед пуленепробиваемым стеклом:

– Деньги кладите в лоток. Лоток двигайте вперёд.

Поспешно начал класть деньги и двигать лоток. Девушка за стеклом устало, небрежно, как фокусник, совала стопки в машинку, выхватывала просчитанные, хомутала резинкой.

– Распишитесь, где галочки.

– Всё? – сунулся к динамику пенсионер.

– Всё, – сказали ему и отключили динамик.

Агеев, когда сдал деньги, откашлялся и хотел солидно начать с девушкой дискуссию о денежной массе. Как её сохранять. В какой лучше держать валюте.

– Всё! Не мешайте работать! – И тоже отключили динамик. Финансист повернулся к другу: это как?

Истерично хохотали на крыльце, освобождались от пережитого.

И вновь раскрыли рты. Из подъехавшего чёрного лакированного авто вылез невысокий пузан в расстёгнутом пиджаке и представительная Кугель в штатском – в жакетке, белой кофточке и чёрной, смелой юбке выше колена. Которую она, идя к крыльцу, оглядывала и поправляла.

Не сговариваясь, ринулись с крыльца в разные стороны. Будто после крика – «атаас!».

Нашлись в каком-то дворе за зданием банка.

Избегали смотреть друг на друга. Тем не менее Агеев растягивал слова. Как всё тот же мальчишка. Только теперь съехавший, опупевший:

– Вот эт-то да-а. Деньги приехала класть. Много. Большую взятку.

– Точно! – вторил ему Табашников. – Пузатый в сумке дотащил.

Дескать, а мы тут ни при чём. Мы – бедные. Зашли в банк просто так. Из любопытства.

Табашников вдруг сказал:

–А как мы чесанули с тобой, Гена. Любо-дорого было посмотреть. У тебя памперс как, Гена? Сухой?

Опять закатывались. Ходили, гнулись, сучили ногами. Дотужились до того, что и впрямь пришлось бежать и скрыться за чей-то гараж. И уж там отливать.

О походе в банк нужно было отчитаться перед Машей. Сидит, наверное, изводится. Ни звонка ей на мобильный, ни самого шлынды мужа. Не посеял ли деньги, думает. Или вовсе – вырвали, отобрали сумочку. Да ещё дали по башке, подмигнул другу Агеев, доставая телефон. Не успел набрать – мобила зазудела прямо в руке.

– Да, Маша.

– Ну? Где ты? Двенадцать часов! Сходили?

– Всё в порядке, Маша, – захлёбывался от радости супруг. – Операция прошла успешно. Большой будет жить.

– А Женя?

– У него посложнее. Хирург чуть не оттяпал у него лишнее, мужское, мешающее. Но Женя не дался. Тоже остался жив.

– Вот балабол! Давайте скорей домой, обедать. Накрываю на стол, жду.

Отключилась. Схватила внучку и начала кружить: «Ах ты моё сущее наказание! Ах ты моя золотая!»

Андрей Геннадьевич Агеев, приехавший на обед, насторожился – за накрытым столом два старика вели себя как заговорщики. Как будто по лимону выиграли. В подпольном казино. Наликом. И зажали. Перемигивались, со смехом говорили о каких-то хирургах, о каком-то бодибилдинге, а на него, хозяина, не обращали внимания совсем.

Мария Никитична (мать)тоже вела себя странно. Вместо жаркого на двух тарелках, подала жаркое на одной, без салфетки под ней. Нож и вилку положила неправильно. Перепутала стороны. А сама уже подсела к столу и слушала двух темнил, как двух ангелов, по меньшей мере. В чём дело? – включил голову Андрей Геннадьевич, поменяв в руках местами нож и вилку.

Проснулась Юлька, подала из детской голосок. Мать встала, пошла, сразу принесла девочку и забила в детский стульчик, что тебе в колодку.

Вот тоже, постороннего дядю (Табашникова) называет «па-па», а его, родного отца – «го-тя». Или вовсе – «гон-гон». Почти что – «гон-дон». Будто с намёком. Дескать, порвавшийся.

Когда Надежда рожала её, ему по моде пришлось присутствовать при родах (заплатил, кстати, 500 баксов, а дали только прозрачный презерватив на голову да чистый халат). Истошные вопли жены, раздвинутые ноги с застрявшей тёмной бомбой – ладно. Но когда увидел вытащенного, наконец, новорожденного, непонятно какого пола, это бордовое скрючившееся существо, запищавшее к тому же, – закачался. «Ну-ка! Ну-ка!» – совали ему под нос вату с какой-то хренью. «Держаться! Папаша! Не падать! Пап-паша!»

Вывели его тогда в коридор. Под руки, мать вашу с вашими родами. И он дышал, как ишак, приходил в себя, содрал с головы дурацкий презерватив. Стыдно даже вспоминать сейчас.

Что-то у Надежды пошло не так тогда. При родах. Почти два года уже Юльке, а всё только – «па-па» и «гон-гон». И смеётся всё время. Как колокольчик. Мать говорит, что у меня так же было. До трёх лет говорил только одно слово – «ка-ка». И почти не смеялся. Может, и у Юльки наладится. Станет серьёзной. Вон, морду Табашникова опять трогает и говорит – «па-па». И смеётся, перемазанная кашей. А тот счастлив добезума. Как кот-мурлыка зажмуривается. Знай, морду подставляет. Ни жены, ни детей своих. На кой чёрт сюда приехал?

Глава шестая

1.

Зимнее штормовое море ходило вроде ярого пива. Длинно выкатывалось на берег. Теряя силу, становилось разбавленным, жигулёвским, уходило в песок. Оставались только пузыри.

Табашников шёл вдоль прибоя, оборачивался на свои следы, остающиеся на песке. Однако все следы, как и пузыри, быстро таяли, исчезали. Сырая песчаная пустыня уходила назад словно бы нетронутой. Ни чьей ногой.

Стоял на высоком волноломе, ударяемый ветром. Тянул руку вперёд. Под бешеными облаками у кромки горизонта пытался потрогать край моря.

Продрогнув как собака, сидел в каком-то кафе в обнимку со ста пятьюдесятью коньяка. Понемногу дёргал, морщился, откусывал от ломтика сыра на тарелке и снова грел руки о стакан. Время шло медленно. Выпил ещё сто граммов.

Пошёл от кафе, толкаемый ветром, в сторону трёхэтажного дома с Кузичкиной. Хотя и выпил всего двести пятьдесят, но в голове шумело. Утром плохо поел. Считаю, натошак принял. Да и ветер.

– Что у вас с лицом? – сразу же спросила Кузичкина.

А что с лицом. Всё в порядке. Посмотрел в зеркало в прихожей – большая пылающая головня со шляпкой на макушке. Всё нормально. Был на море.

– Да вы же простудились! Разве можно сейчас гулять там?

Понятное дело, простуженного нужно было срочно лечить.

После быстрых перемещений по квартире на столе появился графинчик и моментальная закуска. А вот это хорошо, вяло потер ладошки Табашников. Сам налил и опрокинул в себя большую рюмку. И сразу вторую. Вяло жевал. Оглядывал комнату. Мол, ну и чего ты там про баб говорила? К кому я потом приставать буду?

Кузичкина онемела. Щекастый котёл Табака уже пылал синим пламенем. Будто под спиртовками. А глаза выглядывали из котла как грешники. Мучились. Соловели.

– Что с вами, Евгений Семёнович?

Табашников подумал и сказал классически:

– Я в порядке. – И прямо со стула увалился на диван.

Часа через два проснулся. Укрытый пледом, с подушкой под головой.

Сразу сел.

– Маргарита Ивановна!

По квартире рассыпалась тишина. Может, в ванной?

Быстро стал собираться.

Как вор выскользнул на площадку. Придавил за собой дверь, дождавшись щелчка замка.

Позвонила сразу, как только пришёл домой.

– Почему вы ушли, Евгений Семёнович? Я выходила на минутку к соседям, вернулась, а вас и след простыл. Почему?

Табашников начал извиняться. Оправдывался, пытался что-то объяснить:

– Был у моря, Маргарита Ивановна. Как говорится, на берегу пустынных волн. Стоял я. То есть он. Вспомнилось там многое. Ну и в кафе потом. Выпил. Как оказалось, лишнее. И зачем-то к вам попёрся. Простите меня, Маргарита Ивановна.

Кузичкина пропустила извинения, сразу засыпала вопросами: голова горячая? знобит? кашель? насморк начался? температуру мерили? Сейчас я приду, принесу лекарства, никуда не выходите, укутайтесь одеялом и ждите.

Сюжет повернулся на 360 градусов: если несколько дней назад мужчина лечил женщину, то теперь женщина будет лечить мужчину. И ничего её не остановит. Вот так.

– Да нормально всё, Маргарита Ивановна! Я здоров. Не волнуйтесь. Не надо ничего.

– Нет-нет-нет! И не говорите ничего! Я сейчас буду!

И отключилась.

Да чёрт тебя! –уже злился Табашников. Вот ведь. Только бы повод найти! «И что теперь делать с тобой?» – спросил поверх многих-многих домов у настырной бабы.

Торопливо начал прибираться в доме. Хотя всё было на своих местах. Нигде ничего не разбросано. Но прошёлся веником и тряпкой. За окнами уже начало темнеть. Хотел задёрнуть шторы. Но оставил как есть. Чтобы видела, куда стучать.

Из холодильника достал всё, что готовил вчера. Не густо, но ладно. Поставил разогревать. Включил чайник. Кинулся, сдёрнул с телевизора агеевский разгильдяйский фартук. Последний штрих художника на картине.

Сел и стал ждать. Прислушивался к себе.

Постучали в окно комнаты. Уже? Накинул пальто, побежал открывать калитку.

– Да вы же опять горите! – воскликнула Кузичкина, едва раздевшись. Тронула рукой его лоб: – Да вы же кипяток!

Уже рылась в сумке, искала градусник.

Табашников потрогал свой лоб. И правда очень горячий. Хотел сказать, что с похмелья это у него. Но уже сидел с градусником под мышкой. Отражение своё видел в зеркале прихожей. Прикидывал, как лучше бы смотрелось, вот так – градусник под мышкой, или –сидеть с градусником изо рта? Пожалуй, с градусником изо рта было бы красивше.

Пока сидел, принялась хозяйничать в его кухне. Агеевский фартук даже нацепила. Смотрите на неё – полная хозяйка. Не рано ли?

Выдернула градусник. Опять ахнула – 38 и 5! А что ночью будет, Евгений Семёнович? Смотрела на него во все глаза. Как на начинающего моржа-дурака. Который без подготовки залез по горло в зимнее море.

– Может быть, мне опять дёрнуть? Как у вас? Маргарита Ивановна? У меня – есть. А?

Шутку не оценили:

– Ни в коем случае, Евгений Семенович.

И началось лечение. Лечение по Кузичкиной.

Маргарита Ивановна притащила всю свою аптеку, оставшуюся от недавней болезни, когда она заразилась от Лямкина. Все таблетки, настойки и капли в пузырьках. Горчичники. Банки медицинские. И даже кучу шприцев с ампулами. Неужели будет ставить? В жопу? В голую?

Решительно выдвинул руку:

– Нет, Маргарита Ивановна. Я привык сам. У меня свои методы. Пожалуйста, ничего не нужно.

Началась перепалка. В конце концов, простуженный согласился на аспирин и капли в нос. И то – если потечёт. И то, если температура поднимется ещё выше. А так – пусть организм сам борется.

Кузичкина решила отступить, выждать. Через час-другой не то запоёт. Когда начнёт кашлять и чихать. И температура наверняка подскочит. А сейчас нужно его как следует покормить. И только калорийным, жирным. Как раз свиные котлеты принесла и большой кусок торта. Однако и тут не дал развернуться, оттеснил от плиты. У него, видите ли, всё приготовлено и уже разогрето. Доверил только накладывать в тарелки и подавать на стол. Ладно, хотя бы это отвоевала.

– Как вы прекрасно готовите, Евгений Семёнович, – подпускала леща за столом.

Однако сегодня Табака почему-то трудно было купить лещью:

– Да обыкновенно. Что особенного в картошке с мясом, любой приготовит.

– Не скажите, Евгений Семёнович. Многие мужчины не умеют даже картофелину ножом очистить.

– Я жил один, – сказал Табашников. – Не мудрено научиться.

Разговор пошёл опять как-то не так, не в ту сторону. Кузичкиной хотелось выведать, о чём вспоминал мужчинка на берегу моря. Хотелось расшифровать его короткую обмолвку, которая вылетела у него – «многое мне там вспомнилось». Зашла со стороны:

– А как вы оказались на берегу, Евгений Семёнович? Свидание кому-то там назначили?

И опять не тот тон. Игривенький, пошлый.

Табашников наморщился:

– Просто у воды, у моря лучше думается. Многое видится за горизонтом. И хорошее, и плохое. Какое свидание? Нужно было просто побыть с самим с собой. Вне дома. Советую ходить иногда к морю. Одному. Одной.

Кузичкина слушала разговорившегося молчуна, опустив голову. Чувствовала себя виноватой. Смутно ощущала, что есть у мужиков уголки в душе, в которые лучше не лезть.

После ужина хотел пойти покурить. Во двор.

– Вы с ума сошли! – сделали страшные глаза.

Пришлось сглотнуть слюну и смириться.

Смотрели телевизор. Посуда была брошена горой в раковине. Забыта кое-кем. Табашников не решался к ней двинуться. Терпел. Как будто не видел. Однако и другая забота уже висела рядом. Вроде катаракты. Как быть с Кузичкиной? На улице давно темно, девять часов. А она никуда не торопится. Конечно, помогла. Конечно, спасибо. Но нужно же и меру знать.

– Смотрите, смотрите, Евгений Семёнович! – затыкала пальчиком. – Моя любимая артистка. Гандболдина! Она ужасно смешная в этом сериале.

Артистка Гандболдина ещё и рта не успела открыть, а Маргарита Ивановна уже смеялась. Как бы авансом артистке. Поворачивалась к Табашникову.

Табак не смеялся. По-прежнему был озабочен. Грязной посудой, брошенной в мойке, и Кузичкиной.

А, где наша не пропадала!

– Маргарита Ивановна, оставайтесь ночевать! Куда вы сейчас пойдёте? В такую темень?

– Вы думаете? – Кузичкина разом забыла Гандболдину. Лицо уже выражало глубокое раздумье. Женщина колеблется. Взвешивает все за и против. Ведь это так серьёзно. Остаться ночевать у мужчины. К тому же неженатого.

– ...В комнате диван. Я в спальне. Закрою даже дверь. Оставайтесь. А?

Женщина изо всех сил тянула паузу. Она по-прежнему в раздумье. Хотя в душе уже давно обрадовалась.

– Пожалуй, – сказала наконец. – Вам нельзя на улицу. Не сможете проводить.

– Ну вот и отлично.

Теперь сам больной принялся хлопотать. Доставал из кладовки чистые простыни, теплое одеяло, пододеяльник, большую подушку, наволочку. Ловко управлялся с постелью. Мгновенно на подушку надел наволочку. Две простыни фуганул по дивану.

Кузичкина стояла без дела. Как бы училась.

– Ну-ка держите за концы.

Маргарита ухватила за пододеяльник. За два конца. Вдвоём начали встряхивать одеяло в пододеяльнике. Расправлять. Прямо муж и жена. Вместе любовно готовят брачное ложе. Застелили.

– Вот. Порядок. – Муж взбодрил ещё и подушку.

Смотрели на подготовленную постель. Теперь – как два случайных человека. Столкнувшихся у дивана. Мужчина и женщина. Испытывали неудобство. Получалось, что хозяин хочет гостю уторкать спать. Раньше времени. Всего-то десятый час.

– А давайте ещё чайку, Маргарита Ивановна! – нашёлся Табашников.

Легли в половине одиннадцатого. Перед этим при враче простуженный смерил температуру. Всё те же 38 и 5. Аспирин пока не потребуется. У себя в спальне на тумбочке вместе со стаканом воды приготовил его. Если ночью будет жар – всё прямо под рукой. Так что всё нормально, Маргарита Ивановна.

В темноте Кузичкина долго говорила. Рассказывала о своей жизни. О деревушке на Алтае, где родилась и росла. О родителях. Простых крестьянах. О том, как уехала после десятого в Новосибирск и бывала потом в родном доме только наездами.

Слушая быстрый голосок женщины из комнаты, засыпающему Табашникову виделись бегущие, размахивающие ручонками ребятишки. Бегущие в речку купаться.

– Вы не спите, Евгений Семёнович? – иногда прерывала бег ребятишек серьёзная воспитательница. Из пионерлагеря, к примеру. Или из детского сада.

– Не сплю-ущ, – скашивалась у бедняги нижняя губа.

Наконец, на очередной вопрос женщины – не ответил. Из спальни поползла тишина.

Ну, слава богу, уснул. И не кашляет пока, и не чихает. Да и температура сносная. Кузичкина сразу повернулась на бочок, ручки лодочкой подложила под щеку, почмокала как ребёнок и закрыла глаза.

Среди ночи как толкнули – проснулась. Вздёрнулась на локоть – в тёмной спальне работал трактор. Лез в гору и съезжал назад, вниз. Снова круто в гору и опять вниз.

Вот так больной. И как с таким жить?

2.

В восемь утра быстро шла домой, чтобы успеть помыться перед работой. Всё не могла прийти в себя после бессонной ночи. От патологического (сокрушительного) храпа любимого. И ведь ровно в семь утра храп оборвал. Как по команде. Разом. «Маргарита Ивановна, вы проснулись? Доброе утро!» «Доброе», называется. Всю ночь из-за тебя не спала. Конечно, давно была одета и даже не упрекнула за такую ночь. «Доброе утро, Евгений Семёнович. Смеряйте температуру и садитесь завтракать». Успела приготовить. До вездесущего хозяина. Яичница. Гренки. Чай. С остатками торта. Пока приводил себя в порядок в ванной, подала на стол. Тоже успела. Ничего не выхватывал из рук. Завтракали. Голова трещала, а больному хоть бы что. Огурец. В своей рыжей бабьей кофте на пуговицах. Температура с утра 37. Никакой простуды и в помине. Улыбается. Шутит. «Как спали, Маргарита Ивановна? Ничего не беспокоило?» Сказала бы пару ласковых, да ладно.

Отец тоже храпел. И тоже страшно. Уже школьницей спасалась всегда в другой комнате. Но жену свою в силу крестьянской традиции от себя не отпускал. Ни под каким предлогом. От храпа мужа худенькая женщина, казалось, вся тряслась. Будто лежала на полу рядом с работающей сенодробилкой. Но – спала. Спала! Приучил. Был бы папа жив, подселить бы его на ночь к Табашникову. На диван. И послушать, кто кого бы забил. Храпом. Одержал бы полную победу.

Однако хозяин почувствовал настроение женщины. Надулся, перестал шутить. Расстались опять недовольные друг другом. Прямо стенка какая-то постоянно выскакивает между ними и никак не обойти её. Чтобы схватиться потом за руки и бежать. По-детски подпрыгивая. К новой, лучезарной жизни. Впрочем, услышь от неё такую графоманию – сплюнул бы наш писатель: тьфу, Маргарита Ивановна! Вообще всё было зря. Вся эта ночёвка. Всё это лечение в кавычках. Ни черта не простужен был Табашников. Просто продрог и напился. Всё у него было от похмелья. Этот пылающий кувшин его, подожжённый спиртом. Грешники-глазки, выглядывающие над кувшином. Всё – инсценировка. Прикинулся. Как он умеет. И чувствуешь себя обманутой. Опять вокруг пальца обвёл.

Как всегда по утрам, напор был плохой. Лейка на потолке фырчала, еле сочилась или вдруг начинала брызгаться ледяной водой. Тогда отворачивалась и махалась руками. Отбивалась от неуправляемой хлесталки. С грехом пополам удалось смыть мыло. Прогрогнув, быстро вытиралась махровым полотенцем. У Табака отказалась от душа. В его душевой кабине. На которую он ехидно так показал рукой. Дескать, не желаете ли помыться, мадам. Разгуливала бы потом с тюрбаном на голове и в каком-нибудь задрипанном его халате. Всё по-семейному, ребята. Любящие ноздри за столом и носик-пипкой-губки-бантиком. С тюрбаном. Картинка! Устояла. Бог отвёл.

Шла в библиотеку. Всё думала о Табашникове. С какой-то злостью уже. Сколько канитель ни тянется, а ни на сантиметр не приблизилась. Ни с трезвым не получается, ни с пьяным. Ни с больным, ни со здоровым. Упорно скрывает прошлое своё. Как баба в деревенский свой сундук прячет. (А может, в городской? Неизвестный ведь товарищ. Как труп, неопознанный никем. Даже Агеевым.) Такой рисковать не будет. Не-ет. Прямой дорогой не пойдёт. Он её окольно будет обходить. На свою же дурацкую голову. Мол, опять вывернулся! Не дался! И хихикает, ручки трёт, как только из дому от него выйду. Сам себя обхитрил. Дурак.

Возле крыльца уже ходил пенсионер Лямкин. Злостный читатель. С детективами в давнишней сетке-авоське. Как будто советского своего дефицита в гастрономе ухватил. «Доброе утро, Иван Николаевич». Пробурчал что-то недовольно. Мол, опаздываешь. «Сейчас открою». Возилась с сигнализацией. Вот ещё наказание. На кой чёрт поставили нам! Кто сейчас будет воровать книги? Лямкин? «Проходите, Иван Николаевич». Ворвался в библиотеку как кот после ночи на улице. И сразу к жратве. Уже роется на стеллаже с детективами. Как всё в том же своём советском дефиците. Чтобы поскорей набить им авоську. Один такой читатель остался. На весь город. Остальные десятка два – так. Будто по ошибке в библиотеку забредают. С раскрытыми ртами. Почему до сих пор нас не закрыли – загадка. Как говорится, современной России. Снимала плащ, сапоги. Шишки на ногах уже болят. День не начался. Где опять мягкие тапки? Куда затуторила? Как говаривала покойная мама. Конечно, там, где и не подумаешь никогда – под стеллажом. Корячилась, доставала. С разутыми ногами в колготках. Под изумлённым взглядом пенсионера. О деликатности и не слышал дядя. Шишки дядя увидел. Обтянутые колготками. Небывалую красоту. Скрыла, наконец, всё. Вделась в тапки. И рот пенсионер закрыл. Что называется, приходя в себя. Теперь бабке своей расскажет. Выпучит глаза – ужас, Машка! «Ну, выбрали?» Слишком грубо, наверное, спросила. «Выбрал, выбрал, Маргарита Ивановна!» Небывалое дело – в первый раз по имени-отчеству. Сильно зауважал после увиденного. «Не задерживайте журналы». «Не задержу, не задержу, Маргарита Ивановна». Расписывался. За каждый. И пошёл с набитой авоськой на выход. Опять как из гастронома. И оборачивался, спотыкался. Того и гляди, башкой дверь открое. И смешно, и горько было.

Ни Колодкиной, ни Гордеевой. Как всегда. Хотя половина одиннадцатого. Распустила совсем. Ох, расппустила. Вьют верёвки. Наконец, – Колодкина. Вытирает обувь о половик. Женщина-бочонок. Обтянутый светлым плащиком. «Извини, Рита, здравствуй, опять из-за 12-го (автобуса). В садик даже с Лёшкой опоздали». (Лёшка – это малец пяти лет. Который однажды обнял «тётю Риту» и сказал: «Тётя Рита, я скоро на тебе женюсь. У тебя красивые ножки. Ни у кого таких нет!» Мол, будь готова – маленький лопухий жених перед тобой. И тот туда же. Смеялись все, укатывались. Хотя невесте лучше было бы заплакать.)

Не дожидаясь Гордееву, вдвоём сели за осточертевшие ящички каталога. Хотелось выговориться подруге. Освободить душу. Рассказала о ночёвке у Табака. Галина Колодкина сразу серьёзно отозвалась: «Рита, жизнь не каждый день разносит пряники. Не теряйся. У него дом, усадьба, огород. Да и сам здоров пока. Немного мешком пуганный. Так исправишь. И храп уберёшь. (Как?!) Чего тебе одной куковать со своего балкона?»

Действительно, чего одной-то? Уж лучше куковать вдвоём. Смеялась. Скрывала досаду на себя. «Робкая ты, Рита, – смотрела на подругу Галина. – Общительная, а робкая. Разве так действуют с мужиком? Да ещё с пуганым? Раз – и в койку его. Кверху пузом. Два – и уже верхом на нём. Вот как надо, Рита!».

Смеялись. Смотрели друг на дружку, хохотали как сумасшедшие. Как будто только что проделали всё то, о чём сказала Колодкина. И не с одним, а с целыми двумя пугаными мужичонками. Хах-хах-хах!

3.

– Сифилисом, гонореей болели?

Врач с голым безбровым лицом писала, не поднимала глаз.

Табашников передёрнулся:

– Нет, Бог миловал. Трудно в моём возрасте. Подцепить. – Слова начали застревать: – Надо очень постараться. Если только на дискотеку. К примеру. Или ещё куда-нибудь.

– Встаньте, – последовал приказ. – Расстегните брюки.

Рука в резиновой перчатке нырнула за трусы. Больно прощупала яйца. Потом надолго задержалась. Исследовала.

Напряжённые глаза врачихи выражали крайнюю озабоченность. Явно думали обо всех несостоявшихся случаях мужичонки. Обо всех его погибших спермачах. Табашникову хотелось передёрнуть ногами. Зажаться. Как мальчишке.

– Одевайтесь. Дальше пойдёте в 3-й кабинет. Сдадите кровь на спид.

В коридоре стоял в очереди потенциальных сифилитиков. Приходил в себя после испытанного унижения.

В первый медосмотр в феврале никто не лазил в трусы. Нормальная была врач. Видела, кто сидит перед ней. Пенсионер, серьёзный, солидный. Ни о каких сифилисах даже не спрашивала. А – эта! Садистка в белом халате! Инквизитор! Такое насилие над мужчиной!

В процедурной над его засученной рукой сопело молодое лицо. В защитной маске, в белом колпаке.

– Поработайте ещё кулачком. Плохие вены.

Поработал. Всё равно не туда. Уже в третий раз. От боли только вздрагивал.

Из процедурной, зажимая ватку, вышел с красноречивым жестом руки: клал я на всё ваше заведение!

– Куда пошли! – высунулся белый колпак. – А пиджак?

Вернулся, выхватил у инквизиторши (молодой) свой пиджак.

Сидел, покачивался на диванчике. По-прежнему с согнутой рукой. Теперь словно демонстрировал всем торчащее своё униженное достоинство. Чёрт бы вас всех побрал!

Дальше нужно было в тубдиспансер, там пройти рентген и сдать харчки на туберкулёз. Тоже во второй раз. Срок, видите ли, полугодичный истёк. Кугель-стерва вновь погнала по кругу. И везде, главное, надо мигранту платить. И немало. Да сколько же можно! Чем и как пробить этот железобетон вокруг? С перфоратором приходить? Со стахановским отбойным? Ответа не было.

На каком-то углу остановился. Не мог вспомнить, где находится тубдиспансер. Не мог, и всё. Выдавил из памяти. По Фрейду.

Набрал Агеева:

– Слушай, Геннадий, где диспансер?

– Какой диспансер?

– Ну где харчки и рентген?

– Сейчас.

Старик пошёл узнавать. Вглубь квартиры. Видимо, у Маши. Тоже ни черта не помнит.

Вернулся:

– На Котовского. Дом 4. А зачем тебе? Заболел опять?

Табак не находил слов. Совсем отупел старикан или просто прикидывается.

– Ладно, потом, спасибо.

– ...Да не бойтесь! Ближе, ближе к экрану! Прижмитесь грудью. Вот так. Подбородок – на подбородник.

Нажала какую-то кнопку – подбородок круто полез вверх. Натурально на дыбу подвесила.

– Стоять! Не шевелиться!

Скрылась куда-то. Как из гулкой утробы грянуло в громкоговорителе:

– Внимание! Глубоко вдохнуть – и не дышать!

Зашумела вся бандура. Натурально чувствовал облучение. В грудь словно полезли сражающиеся войска.

– Дышите.

Будто монтерские ледяные перчатки заползали по спине. Освободила наконец, сняла с дыбы.

– Теперь правую руку за голову. Круче, круче! Как будто пасуете назад баскетбол. Пасуйте, пасуйте! – Баскетболистка сама круто завернула руку баскетболисту, зафиксировала пас: – Вот так. Держите. Молодец!

Снова зашумела вся бандура и забесновались в груди войска. И всё оборвалось.

– Одевайтесь и ждите в вестибюле.

Баскетболистка, видимо, всю жизнь играла на распасовке – была не дылда, а среднего роста. Её сразу окружили. Она называла фамилии и отдавала заключения со словами «у вас всё в порядке».

Табашникова отвела в сторону:

– Почему вы скрыли, что болели плевритом?

– Я ничего не скрывал. У меня никто не спрашивал.

Рентгенолог рассматривала копию первого заключения, выданного пациенту полгода назад.

– Так. Гульдина постаралась, замазала всё. Ладно. Это наше. Когда у вас был плеврит?

Табашников сказал.

– У вас до сих пор не закрылась плевра справа. Почему вы курите?

Табак специально не курил перед рентгеном. Целых два часа. И то обнаружила. Начал что-то говорить. Больше всего боясь, что она теперь тормознёт со справкой. А там покатится всё назад как снежный ком. До самого Казахстана. А, доктор?

– Да вы не за ырыпы свои бойтесь, не за ырыпы, а за своё здоровье! Ведь всё может вернуться. При простуде. При гриппе. А вы всё продолжаете смолить. Голову-то включите, наконец. А? Ведь не мальчик.

На Табашникова смотрели сострадательные глаза. Глаза настоящего врача.

У Табака перехватило горло:

– Доктор, я... я...

Рентгенолог сказала, что справку «смягчит». Как и Гульдина. Чтобы не прицепились в комиссии. Но долго ещё наставляла неразумного, который бормотал только: «спасибо, доктор, спасибо». Благо голос её в гулком вестибюле отдавался один. Проходящие комиссию поварихи, учительницы и студенты все уже убежали.

Кто я ей? – всё терзал себе душу Табашников. – Жалкий пенсионерик. С жалкой баночкой-контейнером огибающий сейчас здание. Чтобы сдать в лабораторию жалкие свои харчки.

Все анализы и заключения ждал десять дней. Получил, наконец, в регистратуре кожно-венерологического. Из тубдиспансера тоже туда всё переслали. На заключении

рентгенолога была чётко поставлена печать, в которой ясно читалось – «Врач-рентгенолог высшей категории Пономарёва В. Г.» И ниже – размашистая роспись.

Золотой ты врач, Пономарёва В. Г. Прямо хочется аккуратно свернуть твою справку и положить в какую-нибудь заветную шкатулку. И хранить её вечно.

Шёл. И опять пробивало, что называется, клеммы. И в носу, и глазах. Совсем испортил нервы. Плаксив стал, как баба.

4.

В ФМС напротив 9-го кабинета в глубоком раздумье сидел белоголовый опрятный старичок лет семидесяти пяти. Скошенный подбородок задумчивого был вроде чашки, поднесённой к выпяченной губе.

– Вы давно тут сидите?

– Три месяца, – поднял глаза старик.

– Вы не поняли – сегодня, сегодня – давно? – громче спросил Табашников, подумав, что глухой.

– А, сегодня. – С чашечкой у губы посмотрел на запястье: – Да больше часа. А так – три месяца. И ещё два дня. На этом диванчике.

Табашников сел рядом. У него стаж «на этом диванчике» был гораздо больше. Целых семь месяцев.

Появилась Кугель. Как всегда, с папками. Открыла ключом дверь. Покосилась: «Зайдите, Парфентьев».

Парфентьев вскочил, но очень деликатно пошагал за женщиной в полицейской синей куртке с погонами. Пошагал с новой надеждой.

Минут десять за дверью бубнили.

Из кабинета Парфентьев выскочил неузнаваемым – разгневанным, растопыренным пауком с раскалёнными щеками! Тонко выкрикивал:

– Я покажу тебе, стерва! Я Путину буду писать! В Госдуму! В ваше поганое министерство!

Кугель захлопнула дверь. Парфентьев полез на дверь, замолотил кулачками:

– Я найду на тебя управу! Слышишь! Ты у меня попляшешь!

Табашников бросился, подхватил падающего старичка. Хотел оттащить от двери, отвести, посадить на диван. Но тот на удивление – зло вырвался. Как будто и Табашников был виноват. Пошёл по коридору. Но также растопыривался, чтобы не упасть, и всё выкрикивал:

– Я покажу вам всем, мать-перемать!

И ни одна дверь не раскрылась в коридоре, ни одна морда не высунулась.

Табашников бросился за стариком.

Под седой сосной, на скамейке, старик плакал, морщился. Нижняя губа его ещё больше оттопыривалась, дрожала. Табашников как мог утешал, заглядывал к отворачивающемуся лицу, пытался расспрашивать.

Успокоившись немного, старик коротко вдыхал, как мальчишка, рассказывал. Он приехал жить к родному брату 83-х лет, у которого здесь свой дом. Брат сильно болеет сейчас и скоро, наверное, умрёт. В Казахстане (земляк!) Павел Петрович год назад похоронил жену, в этом году продал свою квартиру и приехал поддержать умирающего брата, быть рядом, ухаживать за ним. А документы на РВП стерва никак не принимает. Говорит, что не подтверждено родство с братом. Мало ли, что в паспорте написано! Нужны свидетельства о рождении. Обоих. И брата и его. Где бы были у них одни родители. А свидетельств этих никак не могут в Казахстане найти. Посылал уже два запроса. И вот теперь его завтра или послезавтра выкинут из России, и он бросит брата одного умирать.

– Но почему? Что вы такого сделали здесь?

– Я просрочил «90 дней». Знаете, что это такое?

Ещё бы Табашникову не знать! Сам один раз чуть не попался. Летал через границу и обратно.

– А я забыл про чёртовы «90 дней»! Кончились они у меня. Два дня назад. Теперь – пинком под зад. До самого Кокчетава. Откуда прибыл сюда.

Табашников лихорадочно соображал.

– Вот что, Павел Петрович. Путину мы писать не будем. А мы съездим с вами в штаб одной известной партии. – Назвал партию. – Как говорит мой друг, очень влиятельной в этом регионе.

– Думаете, помогут там?

– Попробуем. Я знаю адрес. Поехали.

Заспешили к остановке. Оба в одинаковых запоясанных плащиках. Только один в шляпке, а другой без головного убора, белый как снежок.

У снежка затиликал телефон. Выдернул из плащика:

– Да, Лёша. Не волнуйся, всё в порядке. Буду через час, полтора. Поешь пока. И коринфар, коринфар не забудь принять! Всё стоит на табуретке. Рядом с тобой. Жди. Пока.

Ехали на 7-м автобусе. Табашников помнил и улицу, и здание, на котором увидел однажды логотип партии и большое панно, где запечатлён был сам многолетний бессменный лидер партии впереди понурых своих сотоварищей. Которые не надеялись уже ни на что. В смысле – занять его место. Впрочем, молодые да ранние в последнем ряду стояли гордо – они чёткий фон своего лидера.

Председатель местного отделения партии по фамилии Крымов был могуч и броваст как янычар. Сидел под портретом бессменного лидера, рукоположенный им. Очень серьёзно слушал.

Волнуясь, заново переживая всё, говорил Парфёньев. Табашников только вставлял слово-другое.

– Так, – сказал председатель Крымов. Крикнул в приёмную: – Нина, позови всех.

Сразу явились молодые да ранние. Местные. Целых четверо.

Крымов сам обрисовал ситуацию, в какую попал... э-э... Павел Петрович. Мигрант из Казахстана.

– Как, ребята, сможем помочь?

Молодые-ранние сразу устроили мозговой штурм, заспорили. Совсем забыв о просителях. Однако быстро пришли к единому: нужно срочно подключить *Георгия Ивановича* и осветить потом его помощь во всех газетах города. Только так! Это будет очень полезно для партии. И для *Георгия Ивановича*.

– Молодцы! – одобрил Крымов. – Правильно мыслите. Действуйте.

Молодые исчезли.

Крымов пояснил просителям. Как бы по секрету:

– Георгий Иванович – депутат Государственной думы от нашего региона. На ваше счастье он сейчас здесь, в городе. Отдыхает у себя на даче. Думаю, что он нам поможет. Побудьте пока в приёмной.

В приёмной сидели неподалёку от скучающей секретарши Нины. Которая изредка, как кошка лапой, принималась оглаживать своё лицо перед зеркальцем. И вновь застывала.

Время тянулось медленно. Но говорить не решались. Что делал Крымов за открытой дверью – неизвестно. Спал? Или, может быть, думал?

Наконец депутата привезли. В кабинет Крымова молодые провели мужчину как будто со сна или из вытрезвителя – в затрапезном старом плаще, казалось, прямо на майку, с непокрытой головой.

Скрылись все в кабинете и закрыли дверь. Видимо, провести небольшое совещание. Разработать стратегию. Нина спешно тасовала бумаги на столе. Чтобы быть готовой к любому форс-мажору.

Все вновь появились в приёмной. Теперь направляли затрапезного на выход. Радостный Крымов помахал просителям: «Пошли-пошли-пошли!»

К ФМС подкатили на двух авто. Стали прямо напротив окон.

Депутат пошёл словно бы с большой охраной. Прямо к начальнику ФМС. Табашников и Парфентьев суетились, не могли ни с какой стороны воткнуться. Вроде бы и не нужны были вовсе.

Сидели на диванчике возле сейфовой двери, пытались что-нибудь услышать за ней. Молодые не сидели, не могли – рыскали.

Видимо, после звонка начальника с папкой к кабинету простучала каблучками Кугель. Успела зло глянуть на двух дружков. И те разом застыли. Как нездешние.

Минут через пять выглянул Крымов:

– Зайдите, Павел Петрович.

Теперь Табашников один вслушивался. Будто пёс, брал всё то на левое ухо, то на правое.

Наконец дверь широко распахнулась. И все вышли в коридор. И депутат Георгий Иванович, и Крымов, и беленький Парфентьев, и даже сам начальник ФМС. (Кугель не посмела высунуться, провалилась где-то в кабинете.)

В затрапезном тряс Парфентьеву руку, желал всего доброго. Все широко улыбались. От души.

Только вышли из здания, группу начали снимать три фотографа. Группа сразу организовалась, депутат взял ручку преданного старичка в свою большую ладонь и повернул серьёзную голову к фотографам: он всегда готов помочь людям. Даже мигрантам.

Почему-то не хотелось рассказывать Агееву о случае в ФМС. Особенно о том, как после всего надрался в доме у брата Парфентьева. Как плакали они оба и обнимали восьмидесятитрёхлетнего старика в коляске. Прибранного по случаю гостя, но уже и пугающегося таких откровенных чувств брата и его нового товарища. «Легче, легче ребята. Раздавите, ульёте слезами».

Через неделю Агеев сам спросил:

– Ты что, в ЛДПР вступил?

– С чего ты взял?

– На, полюбуйся. Андрей газету вчера принёс. Ты – в монолитном ряду партии.

На газетном сером снимке Табашников себя не узнал. Он получился каким-то задвинутым. Тянул голову из заднего ряда группы. С ноздрями как-то впереди лица. Словно стремился, чтобы все увидели его ноздри.

– Ты ошибся, Гена. Просто случайно помог хорошему человеку.

Рассказал, как всё было.

Агеев долго молчал, забывчиво помешивая чай.

– Да-а. Не случись ты рядом со стариком, не случись этот депутат с перепоя – старика наверняка бы уже депортировали. И оставил бы он брата умирать одного. И никакие мольбы не подействовали бы на сволочей. Представь эту картину, как его вытаскивают из дома брата и тащат к машине, чтобы везти на самолёт. Представь это всё, услышь его крики. Волосы дыбом!..

Опять молчал.

– В сволочное время мы живём, Евгений. В сволочное.

Глава седьмая

1.

Шли по Пушкина. По частному сектору. Два неутомимых городских путешественника. Агеев спотыкался на тротуаре, но твердил своё: «Для него похвала окружающих, Женя, – что удар бича для дурного коня. И взъярился весь, и на дыбы встал! И поскакал вместе с дуростью своей по буграм и ямам». Речь, конечно, о дорогом Валерии. О никак незабываемом Валерии. Засевшем в глупой башке старика – намертво. Как-то бы вытащить надо несчастного из его головы. И отпустить на все стороны. Чтоб убежал от злыдня тестя и не оглядывался.

Дал для начала затравку:

– Знаешь, Гена, здесь тоже бедные люди живут.

Агеев, сам как дурной конь, разом стал – ничего не понял: к чему это?

– Да, Гена. И немало их тут. Посмотри на тротуары, по которым мы сейчас идём. На тротуары вдоль домов. У куркуля и дом богатый, и тротуар вдоль дома плиточный, с красивыми узорами. А если бедняк – щебёнка у тебя под ногами. Вот как сейчас ты её месишь. И дом одно только название.

– Да просто лентяй здесь живёт. Накидал щебёнку и успокоился. Или там битого кирпича вон бросил. Лентяй. Пофиг ему всё. Хоть и богатый.

– Не скажи. Богатый всегда своё богатство выставит. И дом свой богатый, и тротуар перед ним. А тем, кто перебивается с кулька в рогожку – не до тротуаров. Им бы вон крышу залатать да сплит-систему завалящую поставить. Чтобы летом от жары не сдохнуть. Так что смотри на тротуары, Гена. Не ошибёшься. Ногами определишь, кто в теремочках живёт. Или грязь будешь месить, скакать с кирпича на кирпич, или плыть как по маслу по плиточному тротуару.

Валерий был забыт. Агеев скакал с кирпича на кирпич, осмысливал новую тему.

Показался дом. Как раз бедняцкий. С расхристанным деревенским забором. На лавке у ворот сидел алкаш тоскующий. В расстёгнутой грязной тужурке поглаживал горящую неопохмеленную душу.

Ни на что не надеясь, больше по традиции крикнул:

– Эй, пердуны! Киньте сотню на опохмел.

– Иди, работай, паразит! – огрызнулся Агеев. Табашников промолчал.

– Чего, чего ты сказал? Ну-ка стой!

Алкаш уже подходил:

– А ну повтори.

Агеев весело смотрел: мол, что, ударишь? Меня, старика?

Алкаш ударил прямо в глаз старику. Агеев повалился, опрокинулся на спину. Алкаш прыгнул, хотел добавить ногами, но от удара чем-то тяжёлым по башке ткнулся вперёд и разом распластался – морда в грязь, руки в стороны. И кол из забора – рядом. Оружие убийства.

На заднице Агеев испуганно отполз от недвижимого тела в грязной тужурке. Табашников подхватил, ещё оттащил. Поставил на ноги. Придвинулся к лицу:

– Ты как? Голова не кружится?

– Нет, – ответил Агеев, не спуская глаз с алкаша. А тот не шевелился, уткнувшись в грязь.

– А? – повернулся к другу. Мол, что теперь.

– Быстро рвём отсюда! – приказал Табак.

Неуклюже побежали. Агеев без шляпки, слетела от удара, чёрт с ней, потерялась.

Через полквартала дёрнули через дорогу в какой-то переулок. Выглянули оттуда – алкаш по-прежнему лежал, не шевелился.

– Что же ты наделал! Там же твои отпечатки остались.

– Где?

– На колу, – совсем потерял ум Агеев.

– Не смеши!

– Точно. Дактилоскопия твоя здесь есть. В Краснодаре прошёл. Всё. Теперь мы попались.

Дурость заразительна – оба враз заблеяли. Опять куда-то побежали.

Опомнились, прибежали назад. Выглянули.

Труп лежал. Не шевелился. (А – должен?)

– Всё, Женя, суши сухари. И я с тобой. Я – вдохновитель.

В каком-то кафе спешно дергали возле стойки, чтобы прийти в себя. У Агеева – без шляпы – четко означился фонарь. Хорошая синюшная незабудка под левым глазом. Табак старался не замечать фонарь. Заговорить как-то его. Мысленно.

Через полчаса пробрались обратно. На наблюдательный пункт. Выглянули.

«Трупа» возле дома не было.

– Всё. Труповозка уже увезла. Мы пропали, – совсем обоср... Агеев.

– Да погоди ты! Смотри.

Калитка раскрылась, и какая-то бабёнка (жена? сестра?) вывела алкаша наружу. Алкаш был всё в той же тужурке, но с замотанной тряпкой головой. Бабёнка повела его, ругая матом, но и поддерживая, как бы любя. Повела, понятное дело, в больницу.

– Да милый ты наш! Живой! – смахнул мгновенную слезу Агеев.

Живучий, гад, смотрел Табашников. Наверняка в милицию потащила. Чтоб дал показания. И как теперь выручить шляпку сентиментального? Возле тротуара?

– Ты стой здесь, а я попробую шляпу твою забрать.

– Да я бы сам, наверное.

– Нет, тебе нельзя. Лысину твою все запомнили. А я не так приметен. (С ноздрями-то?)

Агеев наблюдал, как друг подхватил шляпку с земли и прошёл по тротуару дальше. Потом, будто совершенно другой человек, беззаботно шёл обратно. Опять мимо дома. Быстро нагнулся, схватил кол и швырнул через расхристанный забор. В огород алкаша. Уничтожил все улики! Ну, Женя – молоток!

Агеев встретил героя. Но с тревогой спросил:

– Ты когда успел кол выдернуть? Из забора? Прежде чем звездануть?

– Сам не знаю. Автоматом всё произошло. – Подал шляпку: – На. И больше не теряй. Придерживай, когда будут бить. Обеими руками.

Шляпка была смятой, испорченной. Но больше всего смущал изгвазданный плащ Агеева. Серый, весь в обширных пятнах. Особенно на спине. По земле будто полдня возили романтика. Как мешок с картошкой.

– Нет, в таком виде домой тебе нельзя. Не поймут. Ещё добавят. Давай ко мне. Приведём тебя в божеский вид.

У Табашникова пытались чистить плащ. И щёткой, и влажной тряпкой. Без толку! Пятна ещё больше размазывались, становились заметней.

– Никуда не деться, Гена, – сказал Табак, – нужно стирать.

Затолкал в стиральную. Сыпанул порошку. Включил. Старая машинка заколотилась. Больная лихорадкой.

И, конечно, Мария Агеева означилась! В виде разгневанной мобилы, заползавшей по столу.

– Да, Маша. – Бодрый голос. Оптимизм. Фонарь под глазом.

Понятно, полетели тумачи: где тебя черти носят! кто с ребёнком будет! я что, одна должна!

– Всё в порядке, Маша. Не волнуйся. Я у Жени. Сейчас буду. Жди.

Время немного выиграл. Отбил пока.

Однако с плащом ещё долго возились. Долго высушивали утюгом и отглаживали.

По дороге к Агееву Табак словно только что увидел синяк под глазом у друга. Остановился. И опять решил:

– Нельзя тебе таким домой. Давай в аптеку.

В аптеке объяснил, что нужно. Вот, для товарища. (Товарищ отворачивался. Прикрывался воротком плаща. Как шпион.) Пожилая провизорша оценила фонарь. Сказала, что ничем помочь не сможет. Для такого синяка нужен только тональный крем. Вам в парфюмерию. Вон, через дорогу.

Поспешили через дорогу. Там быстро нашли и купили красивый тюбик. Так. Теперь куда? В сквер.

На скамейке, отвернув бедолагу от проходящих людей, Табашников замазывал синяк. Получилось неплохо. Но контрастно с левым, нормальным глазом.

– Как ты? Если и левый?

– Согласен.

Быстро замазал и левый. Подогнал по цвету.

Дома Агеев снял чистый отглаженный плащ. Снял шляпку.

– Что с тобой! – сразу воскликнула Мария. – На кого ты похож?

Муж смущался. С красными полукружьями под глазами походил на актёра без парика. На отыгравшего спектакль лысого трансвестита в гриме.

Пришлось рассказывать всё. Правда, опустить некоторые подробности.

От услышанного Мария Агеева так и села. Не верила, что есть на свете такие дураки. Один рыпается всегда, лезет, куда не надо. Другой сразу бьёт колом по голове.

– Да вас же могла забрать милиция. Как её? – полиция! Могли позвонить соседи. Да сам алкаш! Вы бы сидели сейчас в каталажке. Понимаете вы это? А завтра отправились бы в родной свой Казахстан. Оба!

– Да нет, Маша, – успокаивал муж. – Нас никто не видел. Мы всё сделали чисто.

– А? «Чисто» он сделал. «Никто его не видел». Да вы же могли убить! – Повернулась к Табашникову: – А ты, Женя? Колом. Живого человека.

Заплакала. В какой-то беспомощности уже.

Табашников не дышал. Смеющаяся Юлечка без помех барабанила в бубен разоблачённому убийце. А школьник Ваня здесь же, в столовой, про которого взрослые совершенно забыли, так и остался сидеть с раскрытым ртом. Вернее, ротиком. Рядом с брошенными тетрадками и учебниками.

2.

Во сне Табашников ехал куда-то на такси. Сидел на заднем сидении. За городом шофёр резко свернул с шоссе и полез в гору. «Зачем полез?» – спросил Табашников. – «Так короче», – передёрнул скорость на подъём шофёр. Капот машины задирался всё выше и выше. Такси лезло прямиком в небо. Табак раскинулся, вцепился в сидение, боясь перевернуться. Вылезли, наконец, на вершину. И сразу необъятная райская долина упала до горизонта. С речками, с озёрами, с полями. С распоясанными крестьянчиками, взмахивающими косами. С ядрёными бабами, вяжущими снопы. Табашников закрыл глаза, не веря в это чудо, в этот рай на земле. А когда открыл – шофёра в кабине не было. И машина работала, круто сползала. В райскую долину. Без шофёра! С пустым рулём! Случайно глянул влево – шофёр отливал возле чьего-то сарая. «Шофёр, помоги! – закричал в открытое окно. – Останови машину!» – «Не бойся, – ответил шофёр, стряхивая с конца. – Она у меня прирученная. Как собака. Сама остановится». Но машина продолжала двигаться, сползать круто вниз. «Останови, гад!» – заорал Табашников и проснулся.

Утром, едва поев, пошёл на Пушкина. Вернее сказать – покрался. Как убийца на место преступления. Непреодолимо потянуло, граждане судьи, ну просто сил не было.

Алкаш опять лежал! Только теперь прямо возле скамейки. В грязной тужурке своей. Свернувшись. Опять убит? Но – кем?

Табашников приблизился, склонился. Перебинтованная башка с захватом подбородка, как у белого лётчика, чёрный рот раскрыт, похрапывает. И подтоплен уже лётчик. Своей мочой. Лежит в тепле. Пока.

– Ты чего это тут к моему мужику липнешь? А? Ну-ка, кто ты такой!

Бабёнка. Вчерашняя. В великой мужской телогрейке с подвёрнутыми рукавами. Волосёнки стесались набок.

– Да так просто. Поднять хотел. Обмочился человек. На холодной земле. Простудится.

Женщина сбавила обороты:

– Ничего. Он привык. Как пёс.

Табашников медлил, не уходил:

– А что он весь забинтованный?

– Бандиты вчера напали. Двое. Прямо возле дома. Дали сзади по голове, он и брякнулся. И пятихатку сразу из тужурки вытянули. Которую я на мясо утром давала. Вон, Матвеевна через дорогу всё видела.

Табашников посмотрел через дорогу, где из покосившегося домишки всё увидела вчера Матвеевна.

– Так в милицию вам надо, наверное. Вместе с Матвеевной.

– Да где там! Ищи ветра в поле. Дали дёру так, что только дым пошёл. Матвеевна рассказала. Где их теперь искать? Я-то в доме была, не видела.

– Ну-ну. Матвеевна, значит, – уходил Табашников. – Понятно. Пятисотку?

– Ага, пятисотку, пятисотку, –подтвердила бабёнка. Ограбленный под скамейкой тоже промышал, что... пятихатку.

Смех душил, лез из желудка. До кашля, до выворота кишок. Истерика. Натуральная истерика:

– Да мать вашу всех за ногу! Вместе с Матвеевнами и пятихатками!

Вытирался платком, приходил в себя. После истерики шёл как в вечернем померкшем свете. Душу снова начало скрести. Как и вчера, когда пришёл от Агеевых. Всё корил себя, что ударил несчастного по голове. Ну пнул бы он Агеева раз-другой – так тут же бы и уделал его. Без всякого кола. Откуда кол в руках взялся? Загадка. Права Мария – стал здесь опасен. Недавно выкинул из такси выпендривающегося пассажира и сел на его место – поехали! Шофёр вцепился в руль, молчал всю дорогу: опасный мужик рядом. Из дурдома.

Геннадий уже ждал на углу. На углу Пушкина и Свердлова. Подозрительно смотрел на приближающегося друга. На его лицо в красных пятнах, на красные глаза:

– С похмелья, что ли?

Ничего не стал рассказывать. Ни про «бандитов», ни про Матвеевну с пятихатками. Перепугается только опять старикан. «Зачем попёрся туда опять?!» – завопит.

– Ладно, пошли.

Впереди здоровенный кубанец в полушубке прикурил сигарету. Затянулся. Пустая пачка, будто сама, упала на тротуар.

Агеев похлопал кубанца по плечу:

– Мусор бросил – не забудь хрюкнуть.

– Чиво-о? – растянул рот кубанец.

Агеев догнал друга. Тот уже оглядывался. Явно готовил себя к драке:

– Ты чего опять нарываешься? Тебе мало дали вчера?

Но Геннадий был доволен, гордился собой – одёрнул бескультурного:

– Будет знать теперь, как бросать мусор в общественных местах.

– Нет, бей тебя, не бей – неисправим. «В общественных местах». Спустишь на землю. Мечтатель.

3.

Показался угол центрального рынка. В виде угла крепости со стенами из зданий под старину. С густыми потоками захватчиков покупателей, оббегающих крепость с двух сторон.

Втаскиваясь с нетерпеливыми супостатами в тоннель центрального входа, Агеев наставлял:

– Говорить буду я. Ты – молчи. Спросят – ответь. – Предупреждение папы. Первоклашу.

Сидели в приёмной директора рынка. Каримова Айрата Ахметовича. Так было написано на табличке двери. Компьютер секретарши стоял на месте, на столе, самой секретарши не было.

– Ты, главное, не теряйся, – опять внушал Агеев. И тут же противоречил: – Говорить буду я. Ты больше молчи.

Появился мужчина с темным лицом и густыми волосами, зачёсанными почти от бровей. С блатными перстнями на обеих руках, но в чёрном респектабельном костюме.

Приостановился, посмотрел на вскочивших. Прошёл в кабинет. Дверь, впрочем, оставил открытой.

– Можно к вам, Айрат Ахметович? – сунулся Агеев. Дёрнул за собой Табака. – Здравствуйте. Мы от Зиновьева Германа Ивановича. Он посоветовал обратиться к вам, Айрат Ахметович, насчёт работы. Вот для него.

– Проходите. Садитесь.

Пока посетители усаживались, Каримов ходил возле стола, о чём-то думал. Будто один в кабинете. Сел, наконец, за стол:

– Так вы тесть Германа Ивановича.

– Нет. Я отец Андрея Геннадьевича Агеева. Первого заместителя Германа Ивановича.

– Так, – смотрел не на отца, а на Табашникова директор. Как на глухонемого: – Паспорт у него есть?

– Есть, есть. Давай паспорт, – толкнул друга.

Табашников начал рыться по карманам.

– Вот, – выхватил паспорт Агеев и подал: – Чистый. (Что «чистый»? В смысле судимостей? Алиментов?)

Каримов начал листать. Из Казахстана явился работник. Казахский паспорт. Так. Регистрация есть, РВП добился. Явный пенсионер. Интересно.

– Какое у вас образование?

– Высшее, – разомкнул, наконец, губы Табашников. – Инженер-металлург.

Ну вот! Замечательно! К Иванову его:

– В гараж слесарем пойдёте?

– Нет, никогда не имел машины и не ездил.

Станный тип. С большими ноздрями. Не имел никогда машины. Куда же его всунуть? Всегда Герман пришлёт то аульного, то с высшим. С аульными проще, а этого куда? С законной регистрацией?

– Остаётся только одно для вас – грузчиком. Подносить ящики продавцам. Работа тяжёлая. Не знаю, сможете ли.

Агеев хотел шепнуть: у тебя же радикулит, Женя! Но не успел – друг твёрдо сказал:

– Смогу. Я здоров.

– Ну что ж, – ещё раз посмотрел директор на Табашникова. – Пойдёмте.

Когда шли за Каримовым вглубь рынка, Агеев всё пытался втихаря отговорить: «Женя, опомнись!» Но Табашников вырывал руку и ею же махал: иди, иди. Гена, домой, мешаешь.

И ненужный Агеев отстал.

Гудков, которому Каримов представил и сдал нового работника, сразу быстро повёл того вдоль прилавков с овощами и фруктами.

– Как зовут? (Табашников сказал.) Тебе один процент.

– Чего один процент? – не понял Табак.

– С дневного навара.

Табашников осмысливал «процент и навар», всё торопился за тощим мужчиной в синем распахнутом халате.

А тот сквозил вдоль ряда как ветер:

– Паловна! Нового ишака вам веду. Вместо Гурнова. Смотри, справный какой! (Рука чувствительно хлопнула по загорбку, чуть не смахнув шляпку ишака.) Евгением зовут. Берегите его. Он вам нужен.

Загнал ишака за потайную дверь в деревянной стенке. Как оказалось – в свой закуток.

– Переодевайся. Вот тебе халат и перчатки. Нитяные.

В шляпке и великом халате Табашников снова выбежал за стремительным, подворачивая длинные рукава. Но тот его придержал: спокойно, спокойно, не бей копытом. Ещё за одной дверью показал хранилище, откуда нужно будет таскать товар.

В начале двух крытых овощных рядов, уходящих, казалось, до еле видного горизонта, громко спрашивал:

– Кто по специальности? Инженер-металлург? Молодец. Будешь курировать вот эти два ряда. Приступай. Паловна, принимай работника!

И началось. Бабёнки закричали из обеих рядов:

– Эй, новый! Иди сюда! Принеси два ящика яблок!..

– Эй, в шляпке! Мешок луку и мешок картошки!..

– Metallург! Куда попёр, бестолковый? Сюда, сюда тащи!..

Табашников бегал в хранилище, таскал торговкам ящики и мешки.

Отбоксирав первый раунд, живой, шёл вдоль ряда с торговками, бойко навешивающих овощи покупателям. С острым ухом ждал команды. И дожидался:

– Эй, в шляпе! Ящик апельсинов и мешок свёклы!

И опять побежал.

Всё время путал женщин, выбегая из хранилища. Толстые кубанки в белых фартуках казались на одно лицо.

– Куда опять потащил? Куда?! Вернись!

Пожилая Павловна подзывала, по секрету советовала:

– Не бегай, милый, не бегай. Так быстро надорвёшься. Ходи в развалку. Обождут засранки.

Её только и запомнил в первый день.

Когда рынок в шесть часов, наконец, закрыли, сидел в закутке Гудкова – курил. Первый раз за полдня. Видел в раскрытую дверь, как сам Гудков ругался с торговками, собирая оброк.

Вошёл злой. Было сборщику за пятьдесят. С подсушенной уже, лысеющей головёнкой.

– Сквалыги. Знают ведь таксу, знают! Так нет – лаются за копейку!

Пробираясь к столику, мимоходом пожал руку – Иван.

Бросил деньги, сел, начал считать.

На старомодных счётах откинул костяшками итог:

– Семьдесят тысяч. Сколько будет один процент от них? Metallург?

Табак мгновенно сказал.

– Молодец. Знаешь высшую математику. Держи семьсот.

Табашников переодевался, лихорадочно подсчитывал. Двадцать одна тысяча в месяц! Чёрт поberi-и. Никаких пенсий не надо. Золотое дно!

– Ты вот что, Евгений, – провожал Гудков. – Шляпку завтра сними. Не позорься. Вот тебе платок. Будешь теперь воином-афганцем. Завтра – как штык. В полвосьмого.

Домой летел, как сам Иван Гудков – на крыльях. Никакой усталости. Подъём, эйфория.

В кухне жадно поедал всё, что приготовил Агеев.

– Вон, смотри, – показывал тот в телевизор. – Твой собрат – кот Арчи. Дегустатор со стажем. Так же набивается. Как и ты сейчас. Два собрата. Отощали.

Табашников смеялся, наворачивал:

– Гена! Семьсот рублей за полдня. Семьсот, Гена! Никаких пенсий не надо.

– Да ведь здоровье угробишь. Окончательно. Дурень. Для тебя ли это? Опять спину сорвёшь. Забыл, что с тобой недавно было?

Но Табашников не слышал друга, всё хвастался, какие деньги он теперь будет заколачивать. Золотое дно, Гена!

В следующие два дня подъём не убывал. Русским басмачом в платке Табак рыскал вдоль рядов. Мгновенно понимал торговков. Бежал, подносил им. Тащил, волок (мешки с картошкой).

Чтобы скостить путь от дальнего склада, нередко с ящиком бежал через шанхай с ширпотребом. Здесь маялись бездельницы возле своего товара, развешенного до неба. Не забывал подбодрить сидящих женщин: «Привет, бизнесменки! Как идёт торговля?» Бездельницы на стульях горько смеялись. Но всегда кричали вслед: «Не радуйся. Не зарекайся. Тоже будешь здесь сидеть. Мужскими подгузниками торговать, ха-ха-ха!»

Табак благополучно выруливал из хохота и ещё шустрее чесал.

Павловна еле успевала сдерживать:

– Не гони, Семёныч. Придержи лошадей. Тут до тебя был алкаш – на ходу спал. Куда гонишь?

Табашников только посмеивался. Перекинул Павловне прямо через прилавок мешок свёклы. Геркулес.

В субботу завезли солёные арбузы в мешках. И всем торговкам арбузы эти тут же потребовались. Табак сильно напрягся. Таскал тяжеленные мешки сперва на горбу, потом стал таскать в обхватку. Мелко колбася ножками. Мешкам-гадам, казалось, не будет конца.

Вечером домой шёл с предчувствием боли. Боли в спине. Или в пояснице. Деньги в кармане (целых девятьсот!) почему-то не радовали.

Перед сном растёр спину и поясницу мазью Маргариты Ивановны. Вонь восстала в темноте – вырви глаз. Ворочался в ней, долго не мог уснуть. А когда уснул, – во сне почему-то увидел Павловну с рынка. Будто бы грузная Павловна сидела на яблоне и собирала яблоки в длинную сетку, привязанную к её животу. Непонятно было, как, за счёт чего она держится на жиденьких, к тому же увешенных яблоками ветках – своеобразное эфемерное яблочное облако висело, готовое уплыть вместе с Павловной. Павловна подвела губки помадой и сказала: «Лови моё сладкое яблочко, милый». Кокетливо, двумя пальчиками, кинула яблочко вниз. Поймал яблочко Павловны, но сразу сказал Павловне: «Я, конечно, попробую твоё яблочко, Павловна, но исть не буду». Так и сказал по-сибирски «исть его не буду». Грузная Павловна сразу полетела вниз. Еле успел поймать у самой земли. И сразу сломался от боли. От боли в пояснице. «Ну и тяжела же ты, Павловна». И проснулся – боль стреляла наяву. Прямо в кобчик.

С утра сидел в сиянии алмага. Слушал себя. Попытался уловить целительные токи.

Агеев, конечно, сразу закричал. Едва только в доме появился:

– Вот он! Сидит! Сияет! Будда Буддой! – И понеслось: – Я что тебе говорил! А? Что! Безумец!

Заболевший робко оправдывался, мол, арбузы завезли, слишком тяжёлые, а так бы – ничего, можно. Сказал, что Гудкову пришлось позвонить. Отказаться от должности. Извиниться.

Но Агеев уже сидел на стуле. Агеев сдулся:

– Да что Гудков, Женя. Что теперь я Андрею скажу. А тот Зиновьеву. С какой рожей теперь обращаться к ним. Просить о чём-нибудь.

Больной снял алмаг. Полусогнутый, опять в бабьей застёгнутой своей кофте до колен, пробрался на кухню, чтобы позавтракать.

Агеев хотел помочь, но Табак выставил руку. Сам включил газ. Сказал:

– Об одном тебя прошу, Гена. Маргарите Ивановне о моём рынке – ни звука. Сможешь? – спросил у сковородки в руке.

– Какой разговор, какой разговор. Женя!

Агеев скорее надевал плащ. Но поздно – заползал мобильник Табака. Кузичкина!

– Да, Маргарита Ивановна, – ответил Табашников. – Здравствуйте.

– Как ваши дела, Евгений Семёнович? Как работа на рынке? Как вас встретили там?

Табашников повернулся к Агееву. Беспомощный, чтобы его убить. А тот уже пятился к двери. Ухожу, ухожу. Поиграл пальчиками. И был таков.

4.

В тумане утра Кузичкина торопилась в библиотеку. Со стороны походила на помешавшуюся. Каблучки стучали то на одну сторону тротуара, то на другую. В голове билась только одна мысль: как помочь? Агеев вчера неожиданно позвонил поздно вечером. Когда сказал, что любимый уже неделю таскает ящики на рынке – не поверила. С его спиной? Сердце сжалось, упало. Сразу всё поняла. На мели. Деньги кончаются. Или уже закончились. Раз пошёл на такую работу. А друг Агеев будто плакал в трубке: повлияйте на него, Маргарита Ивановна. Он только вас послушает. Кому он нужен будет инвалидом? Полночи не спала, думала, как отговорить от безумства. Как предложить деньги. Пусть займы, но только чтобы ушел с рынка. Это было вчера. А сегодня утром, ещё не зная, что тот заболел, выдала в телефон. Этак игриво: как ваши успехи на рынке, Евгений Семёнович? Не обижают вас там кубанки, хи-хи-хи? Бедняга сразу замолчал. Не знал, наверное, что ответить дуре. Или материл Агеева, прикрывая мобильник. Ало, Евгений Семёнович! «Я уже там не работаю». Как не работаете? Мне же Агеев вчера сказал. Мол, зачем врёшь? Чуть не в спор полезла. (Ну не идиотка ли?) Это вместо того, чтобы обрадоваться. Как выворачивалась, заминала свою глупость – лучше не вспоминать.

В тумане означилось здание пятёрки. Сейчас заскочить или потом? Нет, лучше потом. Подружки любимые сразу поймут, для кого продукты. Для кого Маргаритка старается. Вот тоже – стала скрывать всё. О себе и Табашникове. Откровения с подругами закончились. Стыдно теперь, что даже нюнила перед ними. Когда напилась у любимого. Наверняка перемигиваются до сих пор. Перемалывают за спиной косточки. Но поздно было скрывать – товарки сразу выпучили глаза: «Геннадий Андреевич только что был – Табашников опять заболел, надорвался на рынке. Рита!» Вот уж правда, Агеев пострел так пострел. Вперёд прибежал, объявил. Запыхался, бедный. Меня одной старикану мало. Надо и остальных двух баб вовлечь. А тут ещё возмущённый Клямкин стоит, головой вертит. С полной сеткой детективов. Про него забыли! Его не обслуживают! Сейчас я, Иван Николаевич, сейчас. Разденусь только. Обождите, пожалуйста.

Перед окном перекинула сумки в левую руку – постучала. Из темноты сунулось лицо. Как всегда испуганное. Исчезло. «Проходите, проходите, Маргарита Ивановна». Торопится впереди по тропинке. В бабьей кофте своей. Перекошенный весь, как карга. Прихрамывает. Господи, почему не позвонила? Чтобы хоть оделся. Не лето ведь. Ну бить дуру некому!

От плиты отстранила решительно. Без разговоров. Сама принялась готовить. И первое, и второе.

Табак чувствовал себя виноватым. Возле женщины, отвернувшейся к плите, передвигался осторожно. Чтобы не молчать, махнул пультом телевизора. Который всегда вручает.

– Скажите честно, Евгений Семёнович, – повернулась Кузичкина, – у вас деньги закончились?

Табак смутился:

– Нет, Маргарита Ивановна. Я даже счёт в банке открыл. Проценты капают.

– Так зачем же вы на рынок пошли? Ящички таскать? Зачем? С вашей спиной!

– Ну так. Чтобы эта была. Как её? Ну подушка. Безопасности.

Врёт. Всё врёт! Положил, наверное, пятачку, и радуется: проценты капают! Кузичкина отвернулась обратно к плите.

Табашников смотрел на сутулящуюся спину, на летающие руки, на голову, повязанную платком. Вот уже как! Ведёт себя как недовольная злая жена. Обиженная на придурка-мужа. А дальше что будет?

Как на заказ, в телевизоре кот Арчи, ну который дегустатор со стажем, жадно начал выгрызать корм из какой-то решётки с пенёчками. Старался. Выгрызал. Черт подери-и. Скоро и я так же буду на полу ползать, грызть.

Но гнев сменили на милость:

– Вы не обижайтесь на меня, пожалуйста, Евгений Семёнович, но повели вы себя с этим рынком как неразумный мальчишка. – Кузичкина под села к столу: – После всего, что с вами недавно было, разве можно вам браться за такую работу? – И снова пошло, и снова поехало. Только напарника Агеева рядом с ней и не хватало. Но было приятно. Уже ругали без злобы. Видно было, что женщина переживает искренне. За него, дурака. Похудела даже как-то сразу, стала блеклой. Прибежала неприбранной, без макияжа. С полными сумками продуктов. С лекарствами опять.

Табашников отвернулся, набылчился – мужская скупая слеза. Прошибла. Никто так не заботился, не жалел. Агеев разве только.

– Извините, я сейчас. – Ушёл в ванную. Просморкался, промыл нос, вытер глаза.

При виде расставленной еды на столе большой потёр ладошки. Эдаким заправским выпивохой: вот это закусон!

– А не дёрнуть ли нам под такую закуску? А, Маргарита Ивановна? У меня есть графинчик. Сейчас я.

И уже передвигается к буфету, продолжая потирать ладошки. И спина у него не болит.

Маргарита хорошо помнила, как уже дёрнула здесь «под такую закуску». Чем всё закончилось. А подлый искуситель уже приковылял назад, – и льёт, главное, ей в рюмку. Опять. Как ни в чём не бывало. Не помню, мол, ничего. Опять прикинулся.

– Ну, ваше здоровье, Маргарита Ивановна!

Хмурая, чокнулась. Не сказала даже «поправляйтесь скорей». Пригубила. Поставила рюмку. Стала есть. Всё молчком. Табак, конечно, восхищался приготовленным. Закусывал, однако понимал, что с «графинчиком» переборщил. Не надо было ничего. Неприятно женщине вспоминать. Искал выход. Нашёл:

– А знаете, Маргарита Ивановна, я сразу вашу мазь употребил. Как только почувствовал неладное со спиной. Намазал перед сном. Поэтому и легче всё сегодня проходит. Терпимей.

Да где же легче, где терпимей. Передвигается как каракатица какая-то.

– Я принесла ещё одну мазь. Аптечную. Попробуйте. Тоже на ночь. А утром можно сразу на рынок. Ящички таскать.

Шутит. Табашников смеялся. Успокаивал. Заверял, что уж больше туда (на рынок) ни ногой. И вообще, нужно другое что-то искать. К примеру, вахтёром. Или лучше – охранником. А, Маргарита Ивановна?

Новое выдумал, всё хмурилась Кузичкина. Будто жена. С пистолетом будет теперь ходить. С дубинкой. Весь перекошёбенный.

В телевизоре показывали саммит глав государств. Видимо, заключительную его часть. Уже шеренгой построились для фото на века. Все с улыбками до ушей –

лучезарные. Однако из всей компании фотографы, казалось, снимали только двух. На все лады. И так и эдак. Двух, будто высвеченных в группе, президентов. Одного здоровенного самовлюблённого, привыкшего лезть везде напролом. Другого – невысокого, с близко поставленными глазами, вроде бы открытого, но себе на уме.

Табашников смотрел. Маргарита Ивановна уже отошла от обиды. Захотелось показать, что тоже не лыком шита, что тоже разбирается в политике:

– Как вы думаете, они договорились о чём-нибудь? Или договорятся в будущем?

– Вряд ли. Этот дурак прежде весь мир под себя подомнёт. Или взорвёт к чёртовой бабушке. Он дурак, Маргарита Ивановна. Понимаете? От природы. А дурак, как говорит небезызвестный вам Геннадий Агеев, не только опасен, но и заразен. Скоро все начнут плясать под дурью его дудку.

– Да-да, – кивала Кузичкина, ни черта не поняв. – Как верно говорит Геннадий Андреевич, как верно.

Пришёл сам эксперт. Как побитый пёс. Виноватый везде. И перед женщиной, и перед мужчиной. Простите. Старческое недержание. Приходится отмечаться на каждом столбе. Простите. Снимал плащ, шляпку.

Смотрели снисходительно. Ладно уж, проходи. Начинай. Лялялякай.

И Агеев с готовностью начал:

– А знаете, кого я сейчас видел? Не поверите – Кугель!

Новость однако. И что?

– Её сбила машина! Возле госбанка!

Табак раскрыл рот, Маргарита ничего не поняла, а вестник тут же весть прихлопнул, проглотил. Как жаба стрекозу на болоте.

– Да говори же, говорит, чёрт тебя дерит!

– Она переходила дорогу к банку, уже почти перешла – такси налетело, шваркнуло по заднице – она и отлетела, только ноги мелькнули. Откуда-то сразу люди. Я тут же мечусь, пытаюсь поднять. «Как вы чувствуете себя, Ангелина Марковна? (Идиот!)» Она стонет, не может подняться. Шофёр бежит, за голову хватается. Потом ГАИ. Скорая.

И опять замолчал. И – уставились друг на друга. Два мужика. И как теперь все РВП? Все пенсии?

– А кто это, кто? – приставала Кузичкина: – Евгений Семёнович! Геннадий Андреевич!

Не отвечают. В ступоре. Оба.

Срочно налили и дёрнули. Про Кузичкину забыли. Табак забыл даже радикулит.

– Что делать теперь, Гена?

Коротко объяснили Маргарите Ивановне, кто такая Кугель и что от неё зависело. Но женщина сразу резонно заметила, что свет клином на этой Кугель не сошёлся. Завтра же будет сидеть другая. В её кабинете.

А – так это другая сядет! Но не она! Дескать, такой как Кугель, – нет и никогда не будет в ФМСе. Сроднились мы с ней, Маргарита Ивановна. Родные мы с ней души. Прямо слеза опять прошибает. Опять клеммы в носу.

– А если серьёзно, Женя, Маргарита Ивановна права. Завтра же будет сидеть такая же. А может, ещё почище. Да и Кугель ещё восстанет, обожди. Она крепкая. Подумаешь, по заднице ударили. По женской притом. Непрошибаемой. Надёжная защита, – совсем зарпортовался Агеев. – Простите, Маргарита Ивановна. Это не о вас!

Действительно, у Кузичкиной защита сзади – как у цыплёнка: поддай и улетит. В небо. Даже ничего не почувствует. Да. Простите.

Глава восьмая

1.

В телевизоре радостный мужской голос объявил: «Лонгидаза! Новый препарат от простатита: – Жизнь течёт, а не капает!»

Табашников посмотрел на друга:

– У тебя как с этим? Течёт? Или капает?

– Норма-ально! – смеялся Агеев. – Течёт всюю!

Интересно, как у него с Марией. В его возрасте. Работает хозяйство или нет?

Агеев уловил вопрос в глазах Табака, сразу напустил на себя загадочность. Сквозь которую, однако, прямо-таки сквозило самодовольство: не каждому дано, дорогой.

Неужели спит ещё с женой? Врёт. Бахвалится. Хотя – чёрт его знает. Всё может быть. Феномен сидит за столом. Пьёт всего лишь чай. Простой чай. Без всяких лонгидаз. А тут не знаешь, с какой стороны подступить. Как замухрышке кобельку – запрыгнуть и задрыгать ножкой.

Словно рок, надвигалась встреча Нового года. Агеев сразу сказал, что Новый год – это семейный праздник и нечего к ним, Агеевым, лепиться. Пусть даже с шампанским и подарками. Тебе есть с кем встречать. Назвать имя и фамилию? Не надо.

Кузичкина, понимая, что припёрт, что попался – только названивала. Каждый день. Для надёжности. О Новом годе ни слова, – но ясно же! Спать ей так было спокойней. Не сбежал пока. В какой-нибудь свой Казахстан. Да-а, обложили.

В Торговом доме выбирал новогодний подарок для женщины. Долго стоял перед стеклянным прозрачным гусем жёлтого цвета. Оказавшимся лебедем. «Он ждёт свою лебёдушку, – объяснила продавщица. – Он – в ожидании». Так, понятно. Символ одиночества. Трагическое ожидание любви. Решился, наконец. Заплатил. Целых восемьсот рублей. Завернули в склизкую бумагу серого цвета. Вручили. Килограмма на два подарок потянет. В переполненном автобусе, на ухабе, гусь из подмышки выскользнул. Упал на сдобные коленки кубанки. «Мужчина! Держите свою птицу!» Извинялся. Поскальзывался потом на гололёде. Удерживал гуся, как ребёнка. Но донёс.

«Это вам, дорогая Маргарита Ивановна», – сказал вечером 31-го декабря у себя в доме. В комнате с развешенными зайчиками, гирляндочками и хлопушками. И с поклоном поднёс подарок.

Двумя руками Кузичкина подхватила гуся-лебеда хрустального одинокого. Подхватила в полной растерянности.

– Спасибо, Евгений Семёнович. Оригинальный подарок.

Табак бросился и украсил гуся букетом. Так будет красивее.

– Спасибо, спасибо, – всё бормотала Маргарита. Не зная, что с такой тяжестью, украшенной букетом, делать.

– Можете пока поставить лебеда вот сюда, – мгновенно освободил место на тумбочке хозяин. Направлял под локоток, боялся, что уронит.

Поставила. И букет не упал.

Как же я это всё буду тащить домой, пронеслось в голове у женщины, пока садились за стол. Однако – оригинал. Ошарашил. Забыла даже про свой подарок. Традиционный. Про выходную рубашку с галстуком в наборе, про запонки к рубашке.

Глаза Табашникова сверкали – сегодня уж он точно в доме хозяин. Накладывал госте салат оливье. Приговаривал: «Как вы любите, Маргарита Ивановна – заправлен сметаной». Пододвигал нарезанную колбасу, сыр.

– Вина? Водки? Понятно – вина. А я водочки. Ну, Маргарита Ивановна – с наступающим вас! Чтобы все неприятности, все болезни остались в старом году, а в новом – было только хорошее, светлое. Ваше здоровье, Маргарита Ивановна!

Рюмка и бокал чокнулись. Мужчина и женщина начали закусывать. Излишне углублённо. Табак высказался. Как всегда, до дна. А Кузичкина всё не могла отойти после гуся хрустального одинокого. Поглядывала на него. Интересно, как стеклодув удерживал на своей длинной трубе такую тяжесть. Когда накручивал-выдувал.

По-прежнему молча закусывали. Табашников не выдержал, включил спасительный. На этот раз плазменный. Который висел в комнате. Который включал очень редко.

В «Засекреченных списках» высмеивали сильных мира сего. Чтобы зритель простой, особенно пенсионер, полностью облапошенный в уходящем году, немного позлорадствовал. Лидерство там, конечно, захватила премьер-министр из Великобритании. Как сутулая цапля, она двигала лапками перед африканскими голыми детьми где-то в Танзании. Показывала им плетояднейшую румбу. Думала, наверное, что классно танцует. Таким же макарон (танцую) она передвигалась к трибуне, чтобы выступить перед каким-то благородным собранием. Под осыпающиеся, словно застигнутые врасплох аплодисменты, продолжала двигать кулачками и за трибуной. Она считала себя очень музыкальной. Тощие руки и ноги её ходили как шатуны. Был дальше и президент большой страны, который вдруг дал подёргать свои рыжие волосы корреспонденту. Мол, не парик, козёл, а натуральные. И сидел потом как взлохмаченный полудурок, очень довольный собой. Был и предыдущий президент этой же страны, афроамериканец, строящий себе всякие рожи в зеркале. Потом какой-то подвыпивший министр, который долго искал дверцу в лимузин. Пока его не всунули, наконец, как барана, внутрь.

Попал в этот «список» и наш узкоплечий головастик, под ритмичную музыку очень гордо втыкающий ножки на каком-то приёме. Но он явно уступал предыдущим клоунам и клоунессам. Даже здесь мы отстали от Запада!

Посмеялись. И вправду, немножко зауважали себя после увиденного. Молодцы телевизионщики, знают, что показывать простому люду перед Новым годом.

Зазудел мобильник. Конечно, Агеев:

– Ну, как вы там?

Хотелось сказать: а тебе какое дело? Но ответил сдержанно:

– Нормально. Сидим за столом.

– Ну, пока! Буду ещё звонить.

А зачем? Куратор хренов. Всё у него, видите ли, под контролем.

– Что Геннадий Андреевич сказал?

И тоже посмотрела изучающе. Даже есть перестала. Два заговорщика. Спелись. Единым фронтом наступают.

– Да так. Нечего делать человеку. Или выпить не дают. Вот и нервничает.

Женщина продолжила культурно работать ножом и вилок. Приделась на встречу. Новое закрытое красивое платье с розой у плеча. С розой, надо думать, любви. Причёску опять взбила. Маркиза Помпадур. Но волосы вообще-то хорошие, свои – живые.

– А не выпить ли нам ещё, Маргарита Ивановна? Водки? Вина?

Величественно прикрыла свой бокал. Понятно. Боится надраться. Пуганая ворона. Куста.

– Ну а я, с вашего позволения – выпью.

Обожгла водка. Будто ледяную палку просунул в пищевод. Слишком холодная, зараза. Долго держал графин в холодильнике. Вот этот грибок надо сразу следом пустить вдогонку. Ну а потом можно уже и колбаску. Пару кружков. Вот этих. Да горчицей их!

Пережёвывал, наслаждался:

– Расскажите немного о себе, Маргарита Ивановна.

Сказал, как будто только сегодня познакомился. Начал всю канитель с начала. С самого начала. Лайнер. Ещё на один заход пошёл. Последний. Прежде, чем разбиться. Всё горючее выжег. А шасси выбить – никак!

Кузичкина перестала есть.

– Я же рассказывала о себе, Евгений Семёнович! Кто я, откуда. Где росла. Кто родители. Где училась. Неужели забыли?

– Нет, нет, вы не так меня поняли. Вы рассказали тогда о себе слишком коротко, схематично, что ли. Будто в отделе кадров. А хотелось бы услышать от вас развёрнутую, как её? версию, извините, историю вашей жизни. (Господи, как по-графомански сказал, бездарно! И это – писатель!)

Но Кузичкина разом стартанула. Слова, казалось, понеслись впереди Кузичкиной. Спринтер и стайер на беговой дорожке. В одном лице. Тарахтела почему-то о своём отце, который тоже храпел, но это не важно, я о другом, Евгений Семёнович, как он ребёнком воспринял День победы, в 45-м году, у него был дружок Тошка Большов, дядя Тоша потом, ну Ванька и Тошка играли в деревне вместе, заканчивали первый класс, голод был, рыскали по оврагам, рвали лебеду, словом, росли, у обоих отцы были на фронте, матери, конечно, чертоломили в колхозе, за палочки, и вот 9-е мая, День Победы, радио на сельской площади надывается с утра, марши гремят, песни, весёлая музыка, люди бегают из двора в двор, поздравляют, девки под руку ходят, поют, заливаются, Ванька к Тошке помчался на другой конец деревни, залетает в дом к Большовым, что такое! Тошка в углу голову закрыл руками, зажался, а тётя Настя сидит с какой-то бумажкой в руке, воеет, как волчица, и головой о стену бьётся... Похоронка на дядю Мишу, отца Тошкиного, пришла. 9-го мая. В День Победы. Журавлиха-почтальонша принесла. Прямо перед Ванькой вышла с сумкой со двора Большовых...

Опять заползал Агеев на столе.

– Обожди. Перезвони, – прихлопнул голос Табашников.

– Вы извините меня, Евгений Семёнович, за этот рассказ. Ни к селу, ни к городу он сегодня. Но бедный папа, бывало, как выпьет, так и вспоминает об том дне. На всю жизнь врезался он в детскую головку. Вот и мне передалось. Не удержалась. Простите.

Маргарита Ивановна выхватила платочек, заплакала.

Табак растерялся. Хотел похлопать по спине как при икоте, при кашле, но ума всё же хватило – приобнял:

– Ну, ну, Маргарита Ивановна, успокойтесь. – Бормотал несуразицу. Как ребёнку: – У меня тоже отец храпел. Тоже выпивал. Ну-ну!

Кузичкина всё извинялась, всхлипывала, а Табак срочно плескал ей водку в большую рюмку. Тут уж – никак, Маргарита Ивановна. Нужно выпить. Как лекарство. Чокнулся, проследил, чтобы глотнула, и сам жажнул полную. Чёрт возьми, такая встряска! Вот так Кузичкина. Удивляет больше и больше.

Опять заползал мобильник. Вот ещё привязался!

– Ну, чего тебе?.. Да всё нормально, нормально. Не звони пока. – Опять заткнул неуёмного.

Подмигнул Маргарите Ивановне:

– Выпить не дают. На велотренажёре педали крутит.

Кузичкина сразу забыла всё, с готовностью рассмеялась. Тоже юморная. Прямо начала закатываться. Глаза и от слёз, и от смеха – размазанные чёрные цветки. Захотелось как-то помочь женщине. Потасил даже платок из кармана. Но опомнился:

– У вас на глазах, это, тушь поползла. (Потекла, идиот!) Потекла, я хотел сказать.

С извинениями женщина сразу бросилась в ванную, закрылась.

Передышка. Негаданная. Надо быстро убрать всё лишнее со стола и подать жаркое на чистых тарелках. Украсить веточками укропа и петрушки. Вот так.

Кузичкина ахнула перед новым блюдом. В восхищении. Сама тоже новая. С новыми глазами. С глазами – как синяя ночь. Умеют преображаться женщины. Мгновенно. Прямо не узнать.

Полилась водка в гранёные большие рюмки. Уже без возражений, без тормозов. «Ну, Маргарита Ивановна!» И так далее.

К полуночи, к курантам достаточно окосели. Оба. Телевизор был забыт. Скованность – по боку. Каждый говорил, перебивая другого. Кузичкина смеялась, неслась по-прежнему – уже как лихая лыжница с горы. Почище Табашникова недавно. Только

круто заворачивала, со смехом обдавая мужчинку снежной пылью. Табак, словно задохнувшись на миг, открывал рот и глаза и сразу вклинивался. Бубубукал вроде тетерева. Распускал, что называется, перья. Только не на току, а тоже летя на лыжах: бубу-бу, Маргарита Ивановна! Бубу-бу-бу! Лихая лыжница и токующий тетерев. О чём говорили – вспомнить потом было невозможно.

Появившегося Президента в телевизоре встретили удивлённо. Откинутыми на стулья. О чём это он? После своей реформы осмелился появиться на экране? Да мы тебя! Кузичкина пьяно качнулась к плазменному, замахала тощими кулаками. Долой! Немедленно в отставку! Табак перехватывал руки революционерки. Оттащил, наконец, посадил на диван:

– Тише, тише, Маргарита Ивановна, – услышат.

Сам уже тоже безумный. Оглядывался.

Но тут забили куранты на Спасской. Оба ринулись обратно к столу. Табак к бутылке с шампанским. Никак не мог сорвать ловушку и освободить пробку. Выстрелил в стену, чуть не убив Кузичкину. Но не растерялся:

– Скорей загадайте желание, Маргарита Ивановна! – наливал из хлещущей бутылки и совал бокал в руку женщине.

Кузичкина, как кукла, хлопала синими ресницами, покачивалась с бокалом. Как бы считала удары. Как бы загадывала. Но обрушившийся гимн добил её, опрокинул в ночь.

Ночью тракторная бригада Табашникова работала на колхозном поле. Перепахивала его. Подсвечивая фарами, трактора ползли один за другим. Взрёвывая, резко поворачивали, пёрли, вспахивали поле поперёк. Ночной дружный тракторный балет. «Бригада, обедать!» – прокричал Табашников. И бригада, подчиняясь бригадиру, сразу поехала в ночную деревню. Но оказалась почему-то в большой тёмной комнате самого Табака. Трактора разом превратились в детские тракторишки. Однако загревели громче во много раз. Жарко, близко. Лязгая гусеницами, проползали прямо возле дивана. Лезли на стены, некоторые акробаты уже ползали по потолку, бросив неудачников урчать в углах. Но те тоже взрёвывали и тоже лезли на стены.

Никак не могла проснуться. Металась, мучилась.

Вдруг все машины заглохли. Разом. (Солярка кончилась?) На цыпочках пробежал Табашников. Сыграл на унитазе. Обратно пробежал. Чтобы руководить бригадой. Но та, пока бегал, умчалась на тракторах в деревню, настоящую, и там мгновенно уснула на жёнах. «Проснитесь! – кричал в далёкую деревню бригадир. – Проснитесь, мать вашу! Поле ждёт!»

Проснулась и села, как плед разом сбросив кошмар. Испуганно слушала. В спальне – ни звука. Затаился. Тоже слушает. Храпун чёртов. Так напугать! Ощупала себя. Была в одной комбинации! Пьяную обработал. Ну что тут надо сделать! Убить теперь себя!

Потихоньку прошла на кухню и дальше. Закрылась в ванной. Свет не включала. Под журчание в фаянсе пыталась хоть что-то вспомнить. Но – глухо. Ночь. Провал. Только трактора храпуна в голове эхом отдают. Уже безопасные. Ездят где-то вдалеке. Затихают.

Вернулась, легла. Натянула плед. До горла. Сколько времени сейчас? Ночь глубокая? Утро? Храпун – как умер. Ни звука.

Как ни странно, задремала.

Вдруг почувствовала руку на своём бедре. Еле слышимое прикосновение:

– Вы не спите, Маргарита Ивановна? – Нежный ангел склонился в темноте. Со светящейся головой, прилётный.

Зацепила голой рукой и прижала к себе. Ведь ангел. Бедный. Бестелесный.

– Почему ты так храпишь?

Вместо ответа ангел бестелесный накрыл её всю, и как будто зарыдал на ней.

2.

1-го января Мария Агеева проснулась на рассвете. Из коридора, еле слышимый, долетал храп Андрея. Его отец давно отхрапел. Уткнулся в спину жены как цуцик, только посапывал. Все новогодние базлуны и плясуны в доме тоже давно ухайдакались. Лишь изредка принимались разговаривать на этажах их унитазы.

Тихо поднялась, накинула халат. Пошла сначала к детям.

Ваня спал не по-детски, кверху животом. Как его отец. Очень серьёзно спал. Правда, не храпел. Осторожно повернула на бок. Юлю так же осторожно вытащила из кровати и поднесла к горшку. Девчушка висела в руках бабушки, не просыпалась. Горшок пел будто сам по себе. Так же осторожно опустила маленькую обратно.

В ванной в освещённом зеркале смотрела на своё морщинистое лицо, на всё тот же вывернутый окрас волос на голове. Который опять пробила седина. Закрашивай-не закрашивай. Держалась за раковину, будто за трибуну: внимание, бабка-ёжка будет сейчас выступать. В новогоднюю ночь не всё сказала. Вздыхнув, выключила зеркало.

В кухне носила на стол вчерашнее вкусное. Расставляла для взрослых. Кашку, помешивая, варила для Юльки и Вани.

Первым явился на кухню старый лысый Агеев в пижаме. Как арестант. Сразу начал шакалить по столу.

– Не хватай, не хватай! Иди, пропердись хотя бы сперва. Не отнимут. Не бойся.

Ушёл в туалет. Недовольный.

Злил в это утро и Андрей. Тот не как разгильдяй отец – тот вплыл на кухню свежепобритый, умытый, благоухающий дезодорантом. В свежайшей белой рубашке и в обязательной куртке со шнурами. Даже шейный платок не поленился повязать. Ну конечно, корчит из себя аристократа. В кого только такой. В раздражении сунула ему салфетку колом. Накрахмаленную. Монахиню. Забыла, видите ли, поставить на тарелку. Сразу напомнил. Вежливо. Упорно приучает лапотную мать. Без салфетки, видите ли, начинать трапезу нельзя. Проще говоря, жрать не сможет. Ну в кого такой, в кого! Где нахватался! Мария Никитична чувствовала, что несправедлива к сыну, но ничего с собой поделывать не могла. А тут ещё лысый козёл смотрит на сына своего с гордостью. Даже забыл про ложку с кашей для Юльки. «Корми! Чего рот раскрыл!» И барыня молодая мечтает за столом. В утреннем вольном пеньюаре. Держит с утра диету. Глотает только чай. Мизинчик с брильянтовым колечком оттопырила. Аристократы чёртовы. Ваня и тот пыжится, подражает отцу. Одна только Юлька, перемазанная кашей, ведёт себя как нормальный ребёнок – стучает деда, не даёт себя кормить. «Ну-ка дай, сама покормлю. А тебе я сейчас ата-та сделаю. Поняла? Ешь давай!»

Встреча Нового года не уходила из головы. Будто напоздший, никак не рассеивающийся туман.

После курантов, после шампанского, когда весь дом обезумел – аристократ тоже быстро нацепил всем острые колпачки и заставил прыгать с ним вокруг ёлки. Она тоже прыгала в дурацком колпачке. Да ладно бы только прыгала – опять начала просить. Как заведённая: «Сынок, ты же обещал. Нам с отцом. Отдельную. Сынок! Помнишь, по телефону, и потом говорил. Сынок!» Нелепый танец старой дуры. Показалось, что отмяк от вина, подобрел. Что можно напомнить. Не тут-то было! Разом бросил всех и сел к столу. Недовольный, даже злой. В колпачке. Налил и шарахнул. Без всякого понта. «Мама, я же говорил тебе. Неужели непонятно!» Злой начальник сидит. Выговаривает уборщице. Поломойке: «Сколько можно долбить одно и тоже!» А цаца с колечком его успокаивает, гладит руку («не волнуйся, дорогой, не волнуйся, тебе вредно!»). И лысый старый дурак в колпачке мечется, не знает, куда ему сунуться, к кому примкнуть. Да-а, театральный номер был. И вот теперь сидит сквалыга-аристократ и только салфетку к губам прикладывает. Довольный. Будто и не припечатал мать в очередной раз, не унизил.

Ирина, бедная, приходила 31-го всего на полчаса. Точно тайком от Валерия. Быстро раздала подарки и ушла. Преподобный отец, получив от неё новую тёплую

зимнюю куртку, не знал, куда смотреть. Всего два дня назад он устроил очередной скандал её мужу. Два полудурка лаялись среди груды железа во дворе. Зато от сына-жлоба всегда в восторге – тот подарил ему, видите ли, курительную трубку да ещё шейный платок. Похоже, из своего гардероба. Похлопал по плечу: «Теперь ты, папа, настоящий писатель! С курительной трубкой!» А тот сразу сунул эту копеечную трубку в рот. Сидел гордый. Э-э, писатель. Где будешь курить-то её? На велотренажёре? Накручивая педали? Да-а, бедная Ирка. Бедная мартышка. Иметь такого дурака отца.

Ближе к обеду лорд с женой приоделись и отправились с визитом к Герману Ивановичу Зиновьеву, Генеральному директору. Живущему в трёхэтажном особняке у моря. Отправились поздравить с Новым годом и зафиксировать полную свою преданность и благодарность. Подхалим с женой. Просим любить нас и жаловать!

Для картонных сумок с подарками у мужа и жены, казалось, не хватало рук. Сам лорд к тому же удерживал под мышкой тяжёлую коробку с чайным сервизом. На сколько персон – об этом остающимся старухе и старику знать не положено.

Тянули шеи, смотрели в окно, как внизу сын с шофёром загружали всё в такси, как захлопнулись, наконец, и поехали.

Жена повернулась к мужу:

– Ну, скорей раскуривай подаренную трубку. А шейный платок – я надену. На свою бабью глупую голову.

Агеев нахмурился:

– Зря ты, Маша. Ему же необходимо это всё. Для карьеры. Как ты этого не понимаешь.

– Да где уж нам понять. Где! – сразу взвилась Мария. – Двум недоделанным. Приехавшим в рай.

Мария ходила, не могла справиться со злостью.

– Вот что. Давай собирайся и собирай детей – идём к Ирине. Тоже поздравим. Она приглашала.

Агеев сразу сник. Жена прищурилась:

– Что, нашкодил там недавно и опять, как кот, в сторону?

– Да нет. Отчего же. Я пойду.

– Вот и отлично. Куртку подаренную надень. Ирине будет приятно. Но не вздумай там опять с Валерием!

Да нет. Чего уж. Перемирие держать буду. Как в Донбассе. Куда ж тут? Раз праздник.

Выбежавшая за ворота в одной душегрейке Ирина увидела святочную умилительную картинку – зимний краснощёкий дедушка в раздутой куртке с такой же раздутой внучкой на руках и зимняя бабушка в облезлом пальто с надувным внуком за руку. И сияющее солнце в вышине. От матового льда дороги отблескивает.

– Да милые вы мои! – по-простонародному запела учительница средней школы. Окончившая в своё время пединститут с красным дипломом. Распахнула калитку: – Да заходите скорей. Да ждём вас не дождёмся!

Пока хозяйка управлялась на кухне, раздевали детей, сами раздевались. Юлечка в шерстяном костюмчике, в тёплых пинетках, будто в лаптиках, сразу по-детски неуклюже зашпатыкалась к Валерию. Но тот чесанул от неё и захлопнулся в спальне. «Гон-гон», – недоумевала девчушка и показывала на закрытую дверь. «Дядя Валера переодевается, – подхватила племянницу Ирина, целуя в пухленькие щёчки. – Ах ты моя милая!» Ребёнок с готовностью зазвенел.

Без женщин в комнате, будто на сцене в театре, сразу началось быстрое перемещение остальных актёров. Мгновенно возникла новая мизансцена – Валерий независимо сел на диван, кинул ногу на ногу, Ваня замер на стуле, а лысый старик начал

ходить и отворачивать внучку от дивана. Как от нечистой силы. Но девчушка упорно тянула ручки и говорила своё «гон-гон».

Валерий не выдержал напряжения пьесы. Похлопал возле себя:

– Малой, иди сюда.

Ваня подошёл, сел.

– По токарному волокёшь? – спросил слесарь. – Труд у вас есть?

Ваня сказал, что у них домоводство.

– Это бабьи затеи, что ли? Ну ты даёшь, малой, – искренне удивился токарь. Однако сразу начал загибать пальцы: – А у меня шестой по токарному, шестой по слесарному, сварка газовая, электро...

– Валера, Валера! – тут же прибежала Ирина. – Слазай скорей в погреб. Банку лечо принеси.

Чёрт! Всегда перебьёт, встрянет.

Валерий поднялся:

– Извини, малой. – Дескать, бабы. Никуда от них. Сейчас приду, доскажу.

Следующая мизансцена – «за праздничным столом» – была ещё хуже, чем предыдущая. (Где два мужика захватили маленьких заложников. Чтобы ни за что не сдать друг другу.) Эта мизансцена из тёмного зала смотрелась совсем уж несуразно. Нет, еда, приготовленная хозяйкой, была вкусная, сытная, водки-вина – запейся, но персонажи сидели за столом парадоксально – вместе и в то же время раздельно. Раскиданно. С левого края стола мать и отец лезли к дочери, точно хотели подарить ей смеющуюся Юльку, Ваня был брошен один, а Валерий опять оказался на отшибе, опять на другом краю стола. Изумлённый. Что за хреновина!

– Ну-ка, малой, иди сюда. Садись рядом. Вот тебе пирог, рубай и слушай, как надо работать болгаркой.

На призыв жены (Ирки) выпить за наступивший Новый год – поднял свою рюмку, кивнул, мол, ага, и хлопнул. Ни с кем, кроме малого, не чокнувшись. И пусть. Не надо вскакивать и путаться руками со старым козлом. Бороться. А то вон он, морду воротит, не смотрит. Девчонку всё свою отворачивает. Коз-зёл. Ладно, малой, слушай дальше. Про перфоратор.

Агеев и вправду всё время загораживал внучку собой. От глаз Валерия. Интуитивно. Не отдавая отчёта себе. Хотелось страшно курить, но пойти во двор не мог – Юлька сразу побежит к ненавистному. А тот, гад, ещё и Ваньку назло привечает. А двум бабам наплевать. Всё наперебой талдычат об одном и том же:

– ...Мама, даже не думай о Казахстане, даже не думай. Я поговорю с Андреем. Слышишь? Даже не думай...

От выпитого дочь раскраснелась, о Валерии напрочь забыла и предлагала уже матери деньги. Свои. Оставшиеся от незабвенного Игоря Петровича. Вот это да-а.

– ...Не очень много, мама. Но на однушку вам с отцом хватит. Слышишь, мама? Только не плачь.

А та, тоже не очень трезвая, протирала от слёз глаза, сидела и только вздыхала.

– Возьми ребёнка. Курить пойду.

Собирались домой часов в семь. Валерий за ворота, конечно, не вышел. Однако подарил все же «малому» толстую универсальную ручку с набором отверток и свёрл внутри. Хоть на это ума хватило.

Когда отошли от дома довольно далеко, Ваня спросил:

– Бабушка, вы с дедушкой хотите уехать обратно? В Казахстан?

– Да что ты, милый! Нет, конечно. Просто мы хотим купить отдельную квартиру. Рядом с вами. Чтобы Юля до садика была с нами. И ты тоже.

Внук спотыкался, заглядывал сбоку. Но бабушка, похоже, верила в свои слова. Смотрела вдаль. На уползающее гаснущее море. На сгорающие, вспыхивающие там лучи.

Дедушка впереди тоже показывал Юльке на закат. И даже что-то говорил ей. Но как будто по секрету. Что он ей там говорил?

3.

– Знаете, Маргарита Ивановна, я вообще-то не ханжа, но поражает бесстыдство людей в таких передачах. Выворачиваются перед всем миром наизнанку. До потрохов. Порой думаешь – а здоровы ли эти люди? Ведь это патология какая-то. Душевный эксгибиционизм. А вообще – бесстыжими стали люди, Маргарита Ивановна. И такое же бесстыжее телевидение для них сейчас.

И это говорит человек, который за ночь четыре раза «рыдал» на женщине (вообще поразительный феномен!), измучил всю, сейчас обращается к ней на вы и говорит, что он не ханжа.

Кузичкина в телевизор не смотрела. Молча пила чай. Пустой. Забыла про торт на тарелочке, про печенье. Уже одетая в платье с розой, причёсанная, правда, без макияжа. Не знала, что ответить на филиппику ханжи. Вопрос «почему ты так хранишь?» уже был, ночью, другой вопрос «почему ты такой стеснительный, Женя?» сейчас задать – язык не поворачивался. Вообще, как говорить теперь с ним? На вы? На ты? Дикое положение. Первый раз в жизни. Всякие были мужчины, но – такого, с «рыданиями»! Что-то, видимо, неврологическое с горлом. Невроз. Так же, как и храп. Притом – мгновенный. Едва отстреляется – и сразу проваливается в него. Коротко, но страшно. Работающий элеватор рядом. С работающей зернодробилкой! Кому рассказать – не поверят.

– Евгений Семёнович, я, пожалуй, пойду домой. Отдохнуть мне нужно. Поспать.

Поднялась из-за стола. Ощущала себя инвалидом. Всё внизу тянуло, болело. А ему хоть бы что – суется, не отпускает. Предлагает свою тахту. В спальне. «Шторы задёрнем, и вам будет уютно, хорошо. Маргарита Ивановна, оставайтесь!» Ага. Останься с тобой. Мало потрудился. Нет, дорогой. Научил за ночь Родину любить.

– Нет, Евгений Семёнович. Я всё же пойду. Извините.

Говорила и вправду как заболевшая. Вот что значит всё с непривычки. Что не было несколько лет никаких любовников. Конечно, суется опять, помогает заболевшей одевать пальто, гнётся, ботики даже застёгивает. Сам мгновенно оделся, ведёт под руку на выход. Заглядывает, сострадает. Чёрт побери – анекдот. Опять же – рассказать кому.

Но за воротами – решительно остановила:

– Нет, Евгений Семёнович. Я дальше – одна.

Сказала хмуро. Даже, наверное, зло. Но сразу отступил. Растерянный, остался у ворот. Чувствовала, что не уходит, смотрит. Старалась идти правильно, что ли. С прямой спиной. Но уносила тянущую боль, точно люльку с ребёнком. Боялась тряхнуть. Вот так обработал!

Когда поворачивала на Седина – оглянулась. Возле дома было пусто. Ушёл. Разочарованный. Жестоко ошибившийся в любимой. Ну и чёрт с тобой.

Душ хлестал. Стояла согбенно под ним, обречённо. Как стояла бы лошадь ночью под дождём. Забыть, отрешиться от всего было невозможно. Всплывали и всплывали картины. Тёмные. В которых ничего невозможно было увидеть, а только представить. За все близости ночью не испытала ни одного, как сказала бы Колодкина, женского счастья. Ни одного. Настолько была удивлена всем, ошарашена. Всё происходило в полной тьме. На широком раскинутом диване. Происходило не с ней, с кем-то другим. Рыдания и сразу храп, рыдания – и новый храп. Хотелось стукнуть кулаком по башке, чтобы заткнулся. Или заглушить подушкой. Вот такая любовь.

С тюрбаном на голове, в банном халате так и легла на диван. На свой диван. Нормальный. Не кричащий, как у любимого. Всю ночь были рыдания и крики утки. Хорошее сочетание. Низ живота успокоился, будто и не болел. Что же это было, отчего? Надо сходить, обязательно провериться. Но только к Горбуновой. Ни в коем случае не к

Коткину. Явному развратнику. Вообще, почему его держат, почему работает с женщинами в гинекологии? Видел бы кто, как он ходит вокруг кресла с полуголой бабой и потирает ручки. Ручки с одной только перчаткой. Наносит заразу на перчатку. С другой, голой руки. А? Во сне такое только может присниться. И держат. Еле унесла от полудурка ноги. Первый и последний раз. Только к Горбуновой.

Всё же задремала. Но ненадолго – звонок в дверь. Неужели пришёл? Побежала, глянула в глазок. Точно! Вытянутое лицо в шляпке было с цветами. Вроде как нюхало их. Натюрморт. Ещё нажимал на звонок. Ещё. Ну куда тут деваться! – открыла.

Любовник вошёл явно безумный. Бросил куда-то цветы, оторвал от пола и сразу понёс в полутёмную комнату.

– Господи, да разденься сначала, разденься!..

На этот раз женское счастье у Кузичкиной случилось. Было оно тайным, мучительным и долгим. Табак, видимо, почувствовал, резко прибавил, но Кузичкиной было уже всё равно. После всех треволнений и потрясений последних часов – разом уснула. Как в обморок опять опрокинулась.

Табак остановился, удивлённо замер – женщина натурально храпела возле его уха. Пора прекратить. Замучил бедную. Вон как храпит. Стоял у дивана. В распушенной рубашке, без трусов. Но почему-то в зимнем ботинке. В одном. Как в индийском кино, скинул оба, что ли, и снова надел один? Пробившиеся в комнату лучи высвечивали раскиданную всюду одежду. Его одежду. И верхнюю, и нижнюю. Шляпка повисла высоко на светильнике. Видимо, летела, кувыркалась и ловко нашла своё место. Вот позор так позо-ор.

Быстро стал собирать всё.

Шёл по улице. Только что не бил себя по морде. Идиот, смурняк! Недоделанный! Так унижить женщину. Как с Голодного мыса набросился! Шляпка на люстре! Грязный зимний ботинок на трельяжном столике!

Зазудел телефон. Агеев.

– Пошёл на х...!

Агеев в гостях на соседней улице оторопел. Подумал, что ослышался. Чуть не уронил с колен балующуюся Юльку. Что за чёрт! Пьяный, что ли?

Табашников не помнил, как оказался дома. Сразу шарахнул стакан.

За компьютером сидел как подлец. Самодовольный, правильный. Отвечал на поздравления из Казахстана. Раю Тулегенову называл в письме «мой милый тюлень». Писал, что соскучился (по её тюленьему телу, надо полагать). Чуваткина словно снисходительно похлопал по плечу. Не горюй, старина, прорвёшься. В смысле – напечатают. Я же напечатался. Двадцать лет назад. Ха-ха-ха. Ехидной, всегда с подвохами Жулиной – не знал, что ответить. А! «С Новым годом, дорогая Альбина Ивановна!»

Уже косоватый, по-прежнему правильный, покачиваясь пошёл обратно на кухню. За стол.

Снова пил. Чем-то закусывал. Пытался понять в телевизоре. Вроде лесовика деревьями – окутывался табачным дымом.

Наконец, задавил в блюдце окурочку и открыл мобилу. Смотрел, не узнавал морду Агеева. Надавил на неё. Слушал гудки, покачивался. «Да», – ответил Агеев.

– Прости, – сказал одно только слово. И вырубился. Сполз со стула.

– Ало, Евгений! Ало! – добивался ответа Агеев в мобильнике, валяющемся на полу.
– Ало! Где ты находишься? Евгений! Ответь!

Уже подходили с детьми к своему дому.

– Что он сказал? – спросила Мария.

– Днём он сказал мне «пошёл на», а сейчас сказал – «прости». И вроде как упал. На пол. Как это понимать, Маша? Сердечный приступ?

Агеева смеялась до слёз. Ваня крутил головой, ничего не мог понять.

– Ладно уж. Занеси Юльку и дуй, – разрешила супруга. – Не похоже на Женю, но явно напился. Подними его, если на полу, и уложи спать. Но не надерись там сам опять!

– Да что ты, Маша! – уже торопился с Юлькой в подъезд Агеев. Мол, как ты могла даже подумать такое!

Друга застал уже лежащим на тахте. В спальне. До горла закрывшегося пледом. С выглядывающими ручками. Вцепившимися во весь стыд.

– Что же ты, а? – начал было Агеев.

– Я облажался, Гена, – перервал его лежащий. – Полностью. Я говнюк, Гена.

– Не встал, что ли?

– Да нет. Не в этом дело.

Несчастный искал новые сравнения себя с фекалиями:

– Я дерьмо, Гена. Болтающееся в проруби. Никак не могущее затонуть.

– Да объясни ты, чёрт подери, что произошло между вами!

– Тебе не понять, – уводил полные слёз глаза несчастный.

Только в кухне, выпив полстакана, смог более-менее внятно рассказать о себе и Кузичкиной. О встрече Нового года. Но о ночных геройствах своих – ни слова. Так же, как и о висящей шляпке на люстре сегодня. Просто было вчера – и всё.

– Ну так радуйся, Женя, радуйся, – после рюмки закусывал Агеев. Обсасывал любимое куриное крылышко: – Теперь у тебя есть женщина. Ты – человек.

– Но я оскорбил её, Гена, оскорбил! На всю жизнь!

– Господи, да чем же?

– Об этом нельзя говорить, нельзя. Невозможно, – только мотал головой. С дрожащими красными соплами, весь на старых дрожжах – опять пьяный.

Да, по части женщин – со сдвигом чувак. Правда, что как это самое. В проруби. Которое ни туда ни сюда.

– Ну-ну, успокойся.

Поднял. Повёл обратно в спальню. Табак сразу смирился, замолчал. Нона тахте разом ударил храпом из запрокинутой глотки.

Эко его! – морщился Агеев. Кое-как повернул на бок. Но и в стену сразу ударило. Начало пробивать. Перфоратором.

Как же они спали вместе? – невольно думал Агеев.

4.

Табак опять затаился. Не приходил и не звонил. Уже несколько дней.

Кузичкина растерялась, она что теперь – свободна, не занята, соломенная вдова? Тут для закидона искала и нашла в интернете способ, как избавиться от храпа, простой способ, эффективный (молотком по голове, что ли?), а ему, оказывается, уже ничего не надо – храпеть будет один, свободный.

Позвонила Агееву. Но тот сразу напустил таинственности, туману:

– Он строит, Маргарита Ивановна.

– Что строит? Где?

– Сарай. Вернее, поправляет. После ветра недавнего. Сарай покосился, падает, Маргарита Ивановна, – говорил сваха. Говорил ласково. Как ненормальной в дурдоме. Успокаивал. Мол, сейчас мы примем таблетку, ляжем в кровать и будем сладко баиньки.

Кузичкина задохнулась на миг. И выдала:

– Да пошли вы оба, знаете куда! – И швырнула мобильник. Куда-то в комнату.

Ревела. В бессилии стучала кулачками стол.

Однако в тот же день явились оба. На площадке Табак словно пятился, толкаемый сзади другом. Как на амбразуру шёл. С цветами:

– Здравствуйте, Маргарита Ивановна! Вот мы к вам. Решили заглянуть.

Отступила:

– Проходите. Раздевайтесь. – Сказала равнодушно, с полным безразличием. Никто здесь ни от кого не скрывается. В отличие от некоторых.

Пока два друга раздевались и шептались, в комнате прислонилась к шифоньеру. Ждала в позе спокойной йоги – руки скрещены на груди, ноги – завёрнуты в крендель.

– Это вам, – подал цветы Табак.

Кивнула, мол, ага, положила букет на тумбочку. Снова стала в спокойную позу к шифоньеру.

Гости присели к пустому столу. Вежливо, но солидно. Опять вроде бы сватовство началось. По новой. Сват и жених. У вас, уважаемая Маргарита Ивановна, товар, то есть – вы, а у нас вот – купец. (Да где купец? Где? – смотрела Кузичкина со скрещенными на груди руками и не думая накрывать на стол.) Но сват не сдавался. Впаривал. Мол, сорвало крышу. Ветром, Маргарита Ивановна. (Ага. Сорвало. Только у кого?) Жених молчал, пыжился. Ему положено.

Ушла на кухню и принесла чайник и печенье в плетёнке. Поставила. Гости вытирались платками.

Снова ушла, вернулась с винегретом и тремя тарелками. Молча расставила. Гости всё вытирались, разглядывали стены.

Когда вернулась в третий раз (с закусками в обеих руках) – на стол выпорхнула пузатая бутылка вина. Вроде перепёлки. Непонятно откуда. Будто сама по себе. Не имела к друзьям никакого отношения.

Кузичкина не выдержала, рассмеялась:

– Ну вы и фокусники! Вам надо в цирке обоим выступать.

Да, мы такие, Маргарита Ивановна, смеялись и кореша. Мол, мы – ух!

Быстренько открыли бутылку, разлили, подняли бокалы:

– Ну, Маргарита Ивановна, с Новым годом вас ещё раз!

(Да сколько можно! – пятое число! Но чокнулась.)

Выпили. Вино хорошее. Ценитель Агеев выбирал. Не Табак. Тот больше спец по водке. А, алкаш? – уже подталкивал друга Агеев. – Давай начинай. Здесь сложно будет тебе нажраться. Оправдывайся, пока дают. Пока разрешили.

И Табашников откашлялся и дал соло. Но как всегда, не в ту степь:

– Всё-таки сложно нам с Геннадием представить, что вы, россияне, можете валять дурака целых восемь рабочих дней.

Вот сказанул. Кузичкина не знала, что ответить.

– Да, да, Маргарита Ивановна! Наш хан никогда бы не допустил такого, а ваш царь – пожалуйста. – И замолчал. Высказался. Опять – до дна.

Но Агеев подхватил палочку, выручил, побежал:

– А всё почему, Маргарита Ивановна? – Каверзный вопрос учителя в школе. Школьнице с косичками. И тут же объяснение: – А всё потому, что людям всё равно негде работать. Так пусть дома сидят пол-января. На законном основании.

И тоже замолчал, цепляя сопливый грибок вилкой. Однако выводы у двух казахстанцев. О-оригинальные. Никакой дурак такого не выдумает.

– Да я вообще-то уже хожу на работу. Два раза была.

– Э, нет, Маргарита Ивановна, – тут же подрезал Агеев. – Вы ходите в частном порядке. По своей инициативе. А по закону – никто не работает. Никто. Негде работать. Молчаливое большинство сидит дома. На законном основании. Все улицы пустые. Вот закончится отпущенное по закону – и вновь начнут рыскать. Строительные шабашки искать. Кому бы чего сколотить, из кирпича поставить. Все заводы-то – как дырявые брошенные миражи. А семьи кормить надо.

Прошло за обедом с полчаса. По-прежнему говорили мало. Даже Кузичкина не барабанила. Вино не спасало – не водка. Висела над всеми какая-то неопределённость.

Говорить, собственно, было не о чём. Перескакивали с пятое на десятое. Агеев поглядывал на влюблённых. Не знал, как слинять, сохранив лицо.

Когда в кармане мужа зазвонила Мария Агеева и вместо всегдашнего разноса спросила сердито «ну как, помирились они (Лаура и Альберто)?» – это было спасенье. Агеев тут же мастерски сыграл для влюблённых подкаблучника мужа:

– Ну что ты, Маша, прости. Всего час только, как и ушёл. Всё, всё, лечу домой. И в кухню заскочу. Не волнуйся. Ну всё. Пока. (Агеева, надо думать, офонарела от такого ответа, ничего не поняла.)

Вот, наглядно захлопнул артист мобильник. Одна с детьми. Разрывается. Без меня – никак. Жаль, но придётся уходить.

Поднялся.

Табак запаниковал. (Как? Опять один? С женщиной?) Вскочил было с явным намерением ускользнуть. Но Агеев жестко посадил его, проявив недюжинную силу – сиди, ты нужен здесь. И пошёл впереди хозяйки в прихожую, безжалостно бросив друга.

Табак поспешно налил и выпил полстакана вина. Марочного. Но разве эта моча поможет?

А, была не была, пропадать, так с музыкой! И едва женщина вернулась – вскочил и впился в её губы. Как электрический ток. По-киношному. Кузичкина мычала, трясла головой, но не отпускал. Наконец, сам отпал. И откинулся на диван, не вмещая в грудь воздух. Самоубийца кит, выкинувшийся на берег.

– Сумасшедший, – хихикала Кузичкина, уже выдергивая откуда-то постельное бельё.

После не давала спать. Хитрым указательным пальчиком выписывала на груди его всякие вензеля. Посмеивалась, задавала дурацкие вопросы, типа «когда и с кем у тебя было в первый раз». Наваливался сон, но всё равно пробивались слова: «А с немкой, с немкой как у тебя было, расскажи, расскажи». Трясла: «Ну не спи, пожалуйста!» Понял, что вздремнуть не даст – сел и сказал, что нужно в туалет. Стеснительно, отвернувшись, надевал свои трусы-юбки. Вот ещё тоже незадача. Явился к женщине в таких флотских трусах.

Кинулась вперёд, что-то убрала в ванной, спрятала. Ладно, хоть следом не влезла. И на том спасибо. Защёлкнул задвижку.

В зеркале мрачно смотрел на большое лицо с ноздрями. На примятую, с глубоким узором щеку. Откуда узор? Ведь не спал. Не давала спать. Всё время будила. А ещё говорила, главное, что диван – трансформер. Будешь спать как на воздушной подушке. (Это после того, как чуть не переломал его, раскладывая. Сама же – мгновенно раскинула.)

Ополоснул лицо. Вытерся. Лицо стало лучше. Узор исчез. Но всё равно пора сваливать. Засиделся. Вернее – залежался. Повесил полотенце на место, на крючок.

Но в комнате невольно попятился – шторы были раздёрнуты, солнце ломилось! Маргарита лежала в позе Данаи. Только тощей Данаи. Призывно улыбалась. Белая вся, с красными щёчками.

Даже не превратившись в золотой плодородный дождь, Табак ринулся на сухую. Снимал, подпрыгивал, путался в трусах и банально упал на Данаю.

– Почему у тебя трусы как у солдата в армии? – истерично смеялась женщина, ломаемая как детский конструктор. – Почему?

Но Зевс ответить не мог. Никак. Уже рыдал. Новый, рыдающий Зевс, знаете ли. На кровати-трансформере. Только что родился.

Глава девятая

1.

Месячные пенсии над домом по-прежнему летали. Весь январь и февраль. Почти каждый день хлопали в ладошки. За ними тяжёлые военные дуры трясли огород и усадьбу. Но уже не обращал внимания. Привык. Копался во дворе, не поднимал головы. Да и Ваня больше не кричал, не показывал на небо. Не до пенсий ему стало. Ни до земных, ни до пролётных. У него появилась бабёнка. Ходила, командовала на усадьбе. Ваня только поворачивался. Иногда высунется над забором: А, Семёныч? Но тут же исчезнет, точно сдёрнутый за штанину.

Табак снисходительно усмехался. До вечера с Маргаритой у него преимущество. До вечера – он свободный человек.

Почему-то повадились приходить вдвоём. Как к больному. Созванивались, что ли? Агеев – ладно, но голосок Маргариты начинал слышать ещё во дворе. О чём голосок говорил – разобрать было нельзя, но тараторил не переставая. Так и вносил себя в дом в сопровождении бубубуканий старика.

И вот они! Болтушка и болтун. Как под ручку стоят. Нарисовались – не сотрёшь.

Приходилось таскать на стол – оголодали болтуны, потирали руки.

После чая потоки слов немного замедлялись. Болтунов тянуло на лирику, на рассуждения. Агеев начинал клевать носом. Но сидел до последнего. До гневного звонка жены. Только тогда вставал и с явной неохотой уходил.

Влюблённые сразу начинали чувствовать скованность, смущение. Агеев – буфер. И вот он убрался. Вернее, его убрали. И что теперь?

Мужчинка робко предлагал тахту в спальне. Но женщина тяготела больше к дивану в комнате. Ссылалась на усталость. Она никак не могла решиться предложить любимому начать лечение от храпа, и тот искренне недоумевал.

В конце концов женщина как пробка вылетала из спальни на диван. После того, как в спальне начинали рваться боеприпасы. Снова вскакивала, захлопывала дверь. Держала спиной. Как будто в дверь толкались, барабанили. Нет, нужно что-то делать. Так жить нельзя. Ещё и в загс с ним собралась.

Рано утром убирали постели. Каждый свою. Недовольные друг дружкой.

– Тебе что-то не нравится у меня? – прямо спросил Табак, застыв с подушкой в руках.

– Нет, нет. Всё нормально. – Кузичкина металась со свёрнутым одеялом, напрочь забыв, откуда брала его вчера.

– Тогда что же ты закрываешься каждый раз от меня? Как от чёрта с рогами?

Ну как ему сказать? – поделикатней, не обидеть:

– Понимаешь, Женя, – тянулась с одеялом на антресоль, высоко. – Только не обижайся. Ты храпишь. Иногда сильно. А мне, мне... – Одеяло никак не лезло на место. – Мне нужно выспаться перед работой, а в спальне я не высыпаюсь. – Затолкала, наконец, одеяло. – Вот поэтому, Женя, я и ухожу на диван. Только поэтому. Не обижайся, пожалуйста.

Табак стоял с подушкой, как будто его самого только что вытолкали из спальни. Неизвестно куда.

Через полчаса стоял у стола на кухне (нашёл место). В чистом фартучке. Смотрел, как женщина ест его сырники, макая их в сметану. Выслушивал, как его будут лечить от храпа. От приглашений присесть отказывался: я потом, не волнуйтесь, не тороплюсь.

Женщина ушла на работу. Сел к тарелкам, брошенным на столе, подпёр репу кулаком и глубоко задумался.

Когда сошлись окончательно, Кузичкина почему-то перестала готовить. Подходить к плите. Показывать, какая она замечательная хозяйка. Принимала его стряпню, его хлопоты – как должное. С удовольствием ела всё, что подносил. Нахваливала: «М-м, в

тебе пропадает великой повар, Женя. Так замечательно готовишь. Я бы так не смогла». А ты и не стремишься теперь, хотелось сказать.

Так же стало и со стиркой постельного белья –при ней демонстративно сдирал простыни и наволочки и заталкивал в машинку. Включал. Машинка начинала колотиться и реветь как ненормальная, вынося мозги. А женщине хоть бы что – ходила, рассуждала, даже кричала, перекрикивала машинку: «Ты, Женя, молодец. Так чисто всё стираешь». И опять с подтекстом. Мол, продолжай так и дальше. И шла одеваться. А ты оставался возле прыгающего агрегата. Крутой Мойдодыр с ноздрями.

Всё – продукты с рынка и всяких пятёрок, мыломоющие – покупал и таскал в дом один. Целыми сумками. И денег не было жалко, но ты хоть помоги. Походи со мной, выбери сама, посоветуй. Но нет. Ни разу не были на рынке вместе. На что Геннадий, мужик, а никогда пустым не приходил. Эта – нет. Всё время – как в гости. Угощайте её, видите ли, ублажайте в постели. И ещё гнобит потом. Дескать, храпишь. На себя посмотри. Цаца. С мизинчиками. Над тарелочкой.

К себе – не зовёт. Никаких ключей от квартиры на третьем этаже. Хотя его ключи от ворот и дома дал ей сразу. Голосок теперь свободно пробегает через весь двор. На удивление Ивана на заборе. Даже не дожидаясь хозяина, первой проваливается в дом. А, Семёныч? И ты попал? Дела-а.

Не мог он её и по имени. Зато она сразу – Женя, Женечка. Постоянно чирикала. У него – никак. Не вытанцовывалось. Ни Рита, ни Маргарита. Оставалось только «риту-дритту-маргаритту» ей какую-нибудь сплясать. С выходом. Чтобы глаза вытаращила. Но – не поймёт.

Один раз помотала перед носом билетами на концерт. Во Дворец культуры. На концерт старого-престарого рок-певца с его такой же стариковской группой. В телевизоре давно уже их не показывают. Теперь делают только чёсы по стране. Гребень хоть редкий стал, повыбит весь, но всё равно надеются, что дураки найдутся. Не все ещё повымерли. И дураки в приморском городке, на удивление, нашлись – покатый зал Дворца был полным. На сцене музыканты в наволоках красного дыма, будто обкурившись им – были как-то упорно красноносы. Бесновались, дергались с гитарами. Сам кумир миллионов боролся с микрофонной штангой наперевес. Взмахивал длинными патлами (свои? или искусный парик?) и орал как резаный.

На концерте Кузичкина стала неузнаваемой. Вскикивала со всеми, визжала, накачивала воздух кулачками. (Табак внизу под морем рук не знал, куда ползти.)

В антракте чинно гуляли в фойе. Табашникова, понятно, держали под руку. На нём был негнувшийся, как панцирь, костюм. Сама Кузичкина – в пиджачке и в лёгком, воздушном платье стрекозы.

Снова вернулись в зале. И вновь началась свистопляска.

Ночью Табак во сне дёргался. И даже не храпел. Полночи рядом лежала, ждала. Но – нет. Только простонал один раз. Жалобно так. Как козлик. И всё.

Утром за завтраком Кузичкина была весела, бодра. Хорошо закусывала. Однако с некоторой тревогой поглядывала на согбенную спину любимого у плиты. На его обмотанную банданой голову.

Бедняга. Не выдержал первой нагрузки. Видимо, слуха нет никакого. Но подействовал концерт положительно. Совершенно не храпел. Поэтому нужно продолжать водить на концерты. Осторожно. Но неуклонно. Храп исчезнет. Шоковая терапия. (Ну и Кузичкина! Зве-ерь.)

– Женя, скоро приезжает группа «Наутилус Помпилиус». Пойдёшь?

Спина Табака начинала трястись. Табак горько смеялся.

2.

Над обручальными кольцами в ювелирном Табашников и Агеев склонились как два гуманоида. С тонкими шейками, с глазами, похожими на мутные капли. Цифры на бирках,

привязанных к колечкам со сверкающими камушками, были тоже космическими. Словно крохотные камушки эти были добыты и доставлены сюда с самой дальней планеты. Какой-нибудь Альфы Центавры. Это – по меньшей мере.

Молчком пошли на выход. Даже мимо бросившейся к ним продавщицы. С густыми кудрями. Будто с бараньей шкурой до плеч.

На улице Агеев остановился:

– А разве это обручальные, Женя?

Табак сделал душло – он не знает.

– Ну-ка – обратно.

Оказалось, что колечки под стеклом – «для молодого человека».

С бараньими кудрями равнодушно, но заученно начала громко объявлять. Для толпы где-то за пределами магазина. Однако два пердуна внимательно слушали:

– Колечки для молодого человека. Молодой человек выбирает у нас своё колечко с бриллиантом и преподносит своей избраннице. С нашим колечком он может стать на колено, открыть коробочку и сказать «будь моей, дорогая, навек»...

– Минуточку, минуточку! – перебил Агеев. – Так это как бы предварительное ещё колечко, до свадьбы, до загса?

– Ну да, – сбилась с тона менеджер, но текст барабанился сам по себе: –...Молодой человек встаёт на колено... и говорит «будь моей... дорогая... навек»...

– То есть с ним делают предложение?

– Ну да. – С кудрями первый раз видела таких колхозников.

Агеев посмотрел на друга: сможешь стать на колено? Радикулит не пробьёт?

Табашников – ни да ни нет.

– Девушка, боюсь, что наш молодой человек на сможет на колено. Ему бы сразу для загса. Чтобы он стоял, не падал. Есть у вас такие кольца?

Кудрявая разочарованно пошла к самой дальней витрине. К самому дальнему стеклянному ящику:

– Вот, выбирайте. Для вас. Без вставок. Гладкие. (Колхозные.)

Женихи запотирали руки. То, что нужно! Привычные кольца. Для жениха и невесты. Литые. И цены здесь – вполне.

– Вон, смотри, с краю. В точности, как у меня и Маши.

Агеев поиграл кольцом на безымянном пальце.

Табак засомневался:

– Не-ет. Такое я не потяну. Слишком толстое.

– Да не жмись, ты! Первый раз ведь женишься!

С кудрями сразу включилась на полную громкость:

– Поздравляем вас! Поздравляем! Как раз на вашу руку. Сейчас примерим. А какой размер у вашей невесты?

Глаза у жениха сумеречно остановились. Однако менеджер всё равно наседала:

– Ну примерно. Вспомните, вспомните, молодой человек!

Словом, Табак был побеждён. Выложил всё, что принёс в бумажнике. Вышел из ювелирного с бархатной коробочкой с кольцами. И словно не в себе. Пошёл даже не в ту сторону. Но Агеев догнал, повернул, направил.

Предложение Маргарите Табашников сделал сам. Без посредников. Без всяких профессиональных лысых свах. Правда, как всегда по-своему. По-смурному.

Однажды в перерыве сериала, убрав звук рекламы, он помялся и сказал:

– Нам бы это, Маргарита Ивановна. Надо бы в загс сходить. Оформиться.

Кузичкина выпучила глаза.

– ...Ну оформить отношения. А то неудобно как-то. Без оформления.

(Неудобно перед кем? Перед соседями?)

Кузичкина бросилась на грудь любимого со слезами. Стукала кулачками плечи твердолобого: сколько можно было тянуть! сколько!

– Ну-ну, – удерживал голову капризного ребёнка Табак. Ребёнка, которому давно обещали, а всё никак не покупали дорогую игрушку. И вот, наконец, сказали твёрдо: будет тебе игрушка. – Ну-ну. Успокойся. (Не дерись.)

Колодкина и Гордеева начальницу не узнали. Ритка пришла будто прямо из гостей. Свежая, весёлая. Снимала обувь, вешала плащ. Была в своём лучшем платье с розой, в дымчатых колготках. И это в будний день!

– Ну-ка рассказывай! – сразу подступили товарки. Мол, на этот раз не отвертишься. (Рита в последнее время стала большой темнилой, совсем не рассказывала о себе, а тут приходит вся переполненная!)

Но Кузичкина и не думала отверчиваться:

– Замуж выхожу, девушки, – кинула модную красивую сумочку прямо на картотеку, будто плевала теперь на всё.

Вот это новость! Неужели за ноздрястого? Точно, за него, подтвердила невеста. Только что из загса, подавали заявление. Регистрация ровно через месяц – 29-го марта.

И пошла, главное, к себе, в закуток. Ничего не добавив. Нет, как это понимать! Товарки полезли следом.

– А предложение делал с колечком или без? – наседала романтическая Гордеева. – На колено вставал? Как это было? Расскажи, расскажи, Рита!

Но Кузичкина ушла от ответа. Перекидывая что-то на столике, возмущалась порядками в загсах России. Теперешними порядками:

– Кошмар, девушки! Потребовали у Жени документ о разводе с якобы прежней женой в Казахстане. Представляете! У него! У которого отродясь не было никаких жён (ой ли, не поверили подруги).

– Да ладно тебе, успокойся, – говорила приземлённая Колодкина. – Ты лучше скажи, где жить будете? У него или у тебя?

– Мы это с Женей ещё не обсуждали.

«С Женей». Врёт, конечно. Колодкина (практичная) тут же начала внушать, чтобы ни в коем случае свою однушку не продавала. Пусть он свой дом продаёт. Мало ли, как сложится. Или другой вариант: живи у него, а свою квартиру сдавай. И денежки будут капать тебе, и всегда слинять можно.

– Да не слушай ты её! Рита! Выбрала уже платье, подвенечное, заказала? Где будет свадьба? дома? в ресторане?

Кузичкина говорила, что теперь это не модно. Вся эта пышность, все эти рестораны, длинные машины. У нас всё будет скромно. Говорила явно словами «Жени». С несколько погрузневшей мордочкой. (Видно было, хотелось бабёнке покрасоваться в фате, ох, хотелось. Да и с крыльца Дворца чтобы жених к машине протасил на руках. Как козу с пышным платьем. Чтоб не запутался в нём, не упал. Ох, хотелось.)

Однако Колодкина тут же подхватила невесту. Без подвенечного платья:

– Правильно, Рита, правильно. Только пыль в глаза пускать. Зато денежки останутся целыми.

Да и не дотащит ноздрястый до машины, хотела добавить. Но не добавила.

В этот день Кузичкина ночевала у себя. Долго не могла уснуть – всё вспоминала поход в загс. И больше всего толстую делопроизводительницу за тумбовым столом. Её злорадные, с подтекстами вопросы. Особенно о прежней жизни двух брачующихся. О прежних жёнах их и мужьях, о детях, об алиментах. Евгений начал нервничать, злиться. Сунул даже ей под нос бумагу из ФМС, где было написано, что женат не был и детей у него нет. Всё на сто рядов проверено! «Ну а вы?» – повернула голову толстая баба. Дескать, давай, уважаемая, колись. Пришлось подать ей свидетельство о разводе с первым

мужем. Копию. И вновь баба за столом заполнилась злорадством. Выходило, что невеста – кошка драная, а жених в шестьдесят два своих года – полный девственник. Ангел. За-абавно. «Да кто она такая!» – возмущался Женя, когда выходили из здания. В общем – остался неприятный осадок. Прежде чем пойти в загс, оба приоделись: Женя в свой панцирный костюм, а сама надела платье с розой. Но стерва за столом даже не предложила раздеться. Так и просидели в плащах. Как два мешка на вокзале. В ожидании поезда. Электрички.

Наворачивались слёзы. Вытирала платочком, вздыхала.

Потом в засыпающем сознании творилась фантастика – Колодкина и Гордеева то приходили к ней в закуток, то уходили. Передвигались где-то среди стеллажей, как в густом лесу. Словно теряли там друг дружку, кричали «ау». И опять выходили к ней на поляну к притихшему костру. Выходили с новыми палками и сучьями – и вновь всё разгоралось до неба.

3.

Во дворе у Табашникова разыгрывалась в лицах басня Крылова на современный лад. Кот-бандит четырёх соседок-сестёр сидел перед Агеевым. Вежливо слушал. Передние лапки его были составлены культурно. Одна к другой. Будто не удавил только что у Ивана цыплёнка. Цыплёнок, который и валялся теперь рядом с бандитом.

Агеев стыдил кота. Кот вежливо слушал. Потом принялся мотать башкой – вылизываться.

Над забором появился Иван. Дикой. С палкой.

– Да что же ты сидишь-то, инспектор – бей его, бей! Сейчас убежит!

Кот тут же шмыгнул под свой забор. Как и не было его.

Агеев хохотал. А Иван уходил от забора и обещал:

– Ох, возьму в следующий раз грех на душу, ох, возьму. Из ружья порешу гада.

Появившийся из сеней Табашников тоже начал пенять другу: почему не пугнул хотя бы? Что это – забава для тебя?

– Бесполезно, Женя. Природа. Инстинкт зверя. Ему даже и не нужен этот цыплёнок. Вон он, валяется. Так что бить, убивать самого охотника – бессмысленно.

Табак поднял цыплёнка, понёс и перекинул к Ивану. Пусть хоть супишко сварит. В утешение.

Вышли за ворота.

Опять ныли повсюду настырные горлинки. Неустанно требовали у Создателя потомства. Продолжения жизни своей.

Агеев прихрамывал. На этот разногоу не отшиб, а подвернул. Два дня назад. В частном секторе. Рассуждал теперь:

– Как ты знаешь, есть здесь круговая дорога имени Победы. Тротуары с обеих сторон – идеальные, плиточные. На всём протяжении её. Как же! Краевое начальство, а то и сам губернатор со свитой могут раз в год проехать. Но чуть в стороне от дороги, в частном секторе – тротуары-костоломы. Вот и я попался. Только свернул с Победы – сразу начал скакать и растянулся. Засмотрелся на небо над Победой, Женя, бдительность потерял.

Табак усмехался. Давно уже было сказано про это. Про тротуары в частном секторе. Опять Америку открывает. Однако поражало жизнелюбие друга, его оптимизм. Старик ведь. Подвернул ногу, хромает – и хоть бы что. Сказал ему об этом.

– Знаешь, Женя, – сразу ответил оптимист. – Когда смиришься со своей старостью, когда сядешь с клюшечкой на скамеечку перед домом – всё: тебе конец. Заказывай гроб с музыкой.

Шли платить коммунальные. Агеев за квартиру сына, Табашников – за свой дом. Сперва на Таманскую в «Росэнерго». Рядом с библиотекой Маргариты.

Почти в пустом зале за длинной стойкой с толстым стеклом работали всего лишь три женщины. С одинаковыми косынками, завязанными на груди –вроде трёх состарившихся пионерок. Тут управились с платежами за десять минут.

Потом отправились на Свердлова платить за газ и воду. У библиотеки – даже не дёрнулись. Прошли мимо. Дела, Маргарита Ивановна.

В отличие от зала «Росэнерго», зал на Свердлова был битком. И всего лишь две дыры в толстой стене. Куда, как в дзоты, засовывались плательщики. Очереди к дырам изнемогали и галдели – будто на вокзале.

Поразила цепкая память старика. Наклонившись к окну, Агеев все платёжки выкладывал чётко, ничего не путал. Все цифры со счётчиков говорил без запинки, без бумажек, по памяти. (Вот тебе и старик!) У Табака так не получалось. Путался. Цифры искал – будто по всем карманам.

На улице Табак вытирал пот:

– Ну ты даёшь.

– Чего даёшь, – не понял натуральный калькулятор, хромая рядом.

– С цифрами. По памяти.

– А ты как думал, – смеялся Агеев. – Чтоб я на лавочке сидел. В обнимку с ключечкой. Не дождёшься!

Кугель позвонила в конце февраля:

Это из ФМС. – Как всегда – ни здрасьте, ни до свидания.

– Здравствуйте, Ангелина Марковна. Внимательно слушаю.

– Жду вас через час. – И бросила трубку.

Тоже привычно – без экивоков, без расшаркиваний.

Быстро собирался.

Кугель копалась в бумагах. Не смотрела на вызванного. Хмурая. После несчастного случая возле банка, после больницы была в корсете по грудь. У Табака глаза смотрели подло, с восторгом: одыбалась, стерва, ничего её не берёт. С костылём будет передвигаться, но гнобить и обирать мигрантов продолжит.

Наконец заговорила:

– Вот документы на получение вида на жительство. Поедете с ними в Краснодар 7-го марта и получите. Дальше в течение 3-х дней должны зарегистрироваться у нас в 11-м кабинете. Пропишетесь по месту жительства. В свой дом. Который, надеюсь, не продали ещё (ввернула-таки!). Всё. Счастливой дороги.

– А к вам мне больше не надо? – невольно вырвалось у Табашникова.

– Нет.

– Большое спасибо, Ангелина Марковна! Большое спасибо!

Табак нахально схватил руку начальницы и затряс. То ли искренне благодарил, то ли издевался. Сам не мог понять. Всё тряс руку ошарашенной женщине:

– Спасибо вам, спасибо!

И с папкой выскочил из кабинета.

В коридоре выкинул кулак вверх: есть! Футболист, забивший гол! Достань меня теперь, стерва.

Неожиданно увидел Парфентьева. В вестибюле. Старичок отошёл от кассы с квитанциями, со сдачей, не знал, куда это всё рассовывать.

– Павел Петрович, дорогой! Здравствуйте!

Старик тоже обрадовался. С готовностью затонул в объятии Табашникова, по-прежнему с квитанциями и деньгами веером.

Сразу пошли на улицу, под своей синей сосной сели на лавочку. Табак стал расспрашивать. Узнал, что больной брат Павла Петровича скрипит пока, слава Богу, а вот у младшего дела по-прежнему неважные.

– ...Нет, высылкой больше не грозят, отстали, но с РВП ничего не движется. Опять – новые документы нужны из Казахстана, опять выборы. Ну, а как у тебя, Женя?

– А я, Павел Петрович, похоже, отмаялся. Вот они документы. (Похлопал по завязанной папке.) Всё, власть Кугель кончилась. Больше не увижу, любимую. Что называется, с зубовным скрежетом отдала. 7-го марта еду в Краснодар. Получу вид на жительство. Ну а дальше пенсию буду добиваться. Глядишь, через полгода-год начну получать. Вот, Павел Петрович – мои дела и радужные надежды.

– Ну, дай Бог, Женя, дай Бог. Рад за тебя. Очень рад.

При прощании Парфентьев твёрдо пообещал, что позвонит на этот раз обязательно. Что за разрешением на проживание поедет в Краснодар только с Табашниковым. Раз он на этом настаивает.

– Одному вам нельзя, Павел Петрович. Вы просто заблудитесь в большом городе. А я всё там знаю. И как добираться и куда сунуться в самой Миграционной. Звоните, обязательно звоните мне... Да я и сам вам теперь буду звонить. Надоедать. А то вам же очень сложно набрать мой номер. Инженеру по образованию. А?

Посмеялись. Парфентьев виновато подёргивал ухо.

Обнялись, и старичок пошёл обратно к двери. Пошёл на встречу с Кугель, на новые испытания. Весь беленький, в плечистой, явно не своей куртке. Обернулся, помахал забытой квитанцией, точно хотел освободиться от неё – и исчез за дверью.

Почему-то щемило в груди. Точно видел его в последний раз. Но чур-чур меня, как говорится. Опомился и побежал к автобусу. Чтобы рвануть на нём скорей домой и доложить обо всём Маргарите и Агееву.

Но в кухне был только Геннадий.

– Ну как?

Раздеваясь, Табашников рассказывал.

– А-а! – сразу закричал друг. И тоже чуть не дал козла вверх. – Что я говорил! Умылась. Ни копейки не получила. А ты ещё хотел дать ей. Не-ет, долго нас теперь будет помнить, долго. (Ой ли!) Выскользнули. И ты, и мы с Машей.

Сразу заявил, что тоже 7-го в Краснодар поедет.

– Да для чего, Гена? Деньги лишние?

– У меня там, может быть, есть дела. – загадочно ответил друг. – И не менее важные. – Пошёл и выхватил из холодильника бутылку. Которую принёс с собой:

– Отметим?

Глава десятая

1.

6-го марта, после обеда, Агеев пришёл в меланхолии. Сидел в кухне мешком, не снимал плаща:

– ...Его нужно постоянно хвалить. Понимаешь? Лопату песка кинет – молодец, Валерий! Ещё лопату – просто отлично, Валерий! Третью – Валерий, вообще гениально! Только так. Ругать – ни-ни. Обидится. Пожалуется жене. Всё вертится вокруг этого ненормального.

– Да чёрт побери, да сколько можно об одном и том же! – сорвался Табашников. – Не ходи туда, не ходи! Нет его для тебя, просто нет! Понял?

– Да как не ходить. Вот справку опять надо. Документы-то наши все у Ирины. В столе.

Агеев поднялся: «Ладно. Пошёл я. Извини».

На Котова его встретил визг болгарки. Болгарка опять трещала-резала на всю округу. Да это же татаро-монгольское иго, озарило старика. На русском разгуляй поле. Ну, погоди, гад, сейчас я тебя.

Ворвался во двор:

– Ты когда визжать перестанешь?! Когда срач свой строительный уберешь со двора. Когда?! Когда всё прекратится, в конце концов! А?! – Голова старика тряслась, глаза лезли из орбит, съедали зятя.

– Не ваше дело! – вдруг грубо отрезал Валерий. Впервые за всё время. Смотрел под ноги: – Вы здесь не живёте. А я у себя дома. Так что нечего тут. Командовать. – Махнул даже болгаркой. Мол, вали отсюда.

– Да ты! Да я тебя! – что называется, потрясал кулаками над мужичонкой высокий Агеев. – Да я тебя!..

На всю улицу саданул воротами. Железо Валерия опасно загремело, словно разваливаясь, но выстояло.

Шёл прямо по дороге. Хотелось выть от бессилия. От того, что глупая дочь во власти этой сволоты. О, Господи! – возводил руки к небесам. Если точнее, к дыре в облаках. Но там сразу зажмуривались. И не видели ничего внизу, и не слышали. Неверующий. И не маши руками. Бесполезно. Шагай себе дальше.

И Агеев шагал. И снова ругался. Чей-то выпущенный пёсик пытался схватить за штанину и повиснуть. Но Агеев безотчётно отпинавал, и пёсик никак не мог зацепиться.

Ирина, конечно, позвонила Маше, и дома сразу начался скандал. Но тихий. В кухне. С оглядками на коридор:

– Куда ты лезешь, старый дурак! – бросив мыть посуду, подступала жена. – Нас приютили Христа ради. Мы не имеем здесь ни пенсии, ни квартиры, ничего. И ты устанавливаешь тут свои порядки. Кто ты такой? По какому праву?

– Минуточку, минуточку! – оглядываясь в коридор, оппонировал старый дурак. – А кто их вырастил, дал образование? Поставил на крыло? Кто? Пушкин? Лермонтов?

– Да ты разругался даже с дочерью! Года здесь не прожив! Теперь хочешь и с сыном так же? Куда потом пойдём? К Табашникову в сарайку?

Агеев не сдавался:

– Андрей не такой. Андрей адекватный. А Ирка подпала под влияние, ей сдвинули мозги. Живёт с ненормальным, защищает его. Сама такая же стала. Он же заразный, Маша! Даже тебя не узнать, как только ты туда сходишь. Увидишь этого недоделанного. Даже тебя! Вы же с Иркой в заложниках у дурака. Пойми!

– Да тебе-то какое дело? Что он такой? Тебе! Какое! Зачем лезешь, зачем?

– Да он же испохабил всю усадьбу, Маша. И ты его защищаешь. Вспомни, какой она была при Игоре Петровиче.

Замолчали. Вспомнили Игоря Петровича. Незабвенного. Который ушёл так рано. Который оставил всё жене. Своей любимой Ире. Оставил дом. Деньги.

– ...И сейчас ты хочешь, чтобы этот всё пустил в распыл?

– Бабушка, дедушка! – послышалось из столовой. – Она не даёт мне уроки делать. Возьмите её. Слышите?

Тут же заткнулись. Поспешили в столовую. А там картина на полу – маленькая проказница верхом на спине брата едет-покачивается, вцепившись в его рубашку, а тот покорно передвигается на коленях.

– Заберите её, – просит раб. Мол, сил моих больше нет. – Заберите.

2.

Вечером, как только аристократы ушли к себе, а дети уснули, Мария тоже сразу постелила в спальне. Завтра супругу ехать в Краснодар. С Табашниковым. Сдуру напросился. Так что хватит тут разбабандывать (болтать – в переводе), давай ложись, вставать ни свет ни заря.

Однако долго ещё не спали, всё говорили в темноте. И каждый гнул своё. Но больше Мария мужа пилила. И всё за Ирину. Когда опомнишься? Когда отстанешь от него? (От Валерия.) Наконец скомандовала самой себе:

– Ну хватит. Спокойной ночи. – Резко повернулась на бок.

Агеев лежал и положил ей руку на талию. Немножко ниже. Легонько потряс. Дескать, милая-я!

– Всё не уgomонишься? – повернула голову супруга. – И не стыдно?

– Эх, Маша, – откинулся на подушку и выдохнул напряжение супруг. – Не умеешь ты радоваться жизни. Не умеешь.

Маша подумала в темноте.

– Ладно уж. Иди ко мне, неугомонный...

Неугомонный тут же пристроился сбоку. Осторожно вошёл. Заработал. Вроде паровозной тяги. Прибавлял и прибавлял.

– Легче, легче, – одерживала старая женщина. – Станция не железная.

В четыре утра кормила, провожала мужа в Краснодар.

– Не ездил бы ты, Гена. Табашников всё знает и без тебя. Не раз и не два ведь там бывал. Зачем едешь?

– Нужно помочь, Маша. Сама знаешь, там не в одной очереди придётся постоять. Будет зашиваться Женя. – Помялся: – Да и Ирине хочу подарок купить...

Жена перестала резать хлеб.

– ...Помириться с ней хочу. Как ты считаешь?

– Ой, надолго ли? С твоим-то характером?

Но Агеев хорошо закусывал, был полон оптимизма. Уже знал, какой подарок купит дочери. Да и Маше надо что-то купить. 8-е Мартазавтра. А Ирине – только платок. Длинный. До пола. Пестрее пёстрого. Чтобы была в нём цыганкой Азой. Точно!

Со двора к маршрутке вышел в половине пятого. Остановившаяся каталажка горела, дрожала в темноте. Чем-то походила на пустой сонный аквариум.

С небольшой дорожной сумкой – влез. Назвал свою фамилию и имя. Как согласившись с ним, свет сразу вырубили. В темноте нашёл руку Евгения, пожал. Уселся рядом. Поехали. Тихо разговаривали. Город спал. В окна залетал яркий свет от фонарей. Ещё останавливались, собирали людей. Наконец выехали за город и помчались. Агеев, будто получив команду, тут же уснул. Табашникову оставалось одному смотреть в окно.

Проносились огоньки станиц. Почему-то виделась там Маргарита. Которая всю ночь пролежала у него на груди. Словно говорила: никому не отдам! Даже близости не было. Что бы ей такое купить на 8-е Марта? Надо походить по маркетам, выбрать не торопясь. Время до обратной маршрутки будет много.

3.

На железнодорожном переезде женщина, похожая на апельсин, шла к шлагбауму и одновременно говорила по телефону. Начала крутить колесо, поднимать полосатую длинную штангу, по-прежнему не отрывая мобильного от уха. Так и ругалась в телефон, что-то кому-то доказывала, пока прыгали мимо неё через переезд.

Было уже совсем светло. Летели мимо сырые поля, кое-где ещё в лужах со льдом, чёрные деревья с проклюнувшимися почками.

Агеев проснулся. Пробовал раздетый, душевный после сна голос. Конечно, полез по проходу вперёд, пробрался и склонился к шофёру. Тот остановил без разговоров. За стариком вышло ещё несколько человек. Пока ждали, Табашников невольно вспоминал говнюка Семёнова. Его шуточки над пассажирами, насмешки. Его сволочную спину, когда он «не слышал» просьбы пожилой женщины. Как с ругательствами остановил, наконец, машину.

Влезли все, расселись, и снова шофёр погнал. Агеев был свеж и полон впечатлений. Как будто не просто постоял за чахлым кустом, разглядывая его и слушая резкие скрипы какой-то птицы, а по меньшей мере побывал в планетарии и увидел все звёзды солнечной системы. «Весна, Женя, весна! Птицы забуждыривают!» Посмеялись. И решили закусить. Подкрепиться. С собой были и пирожки Маргариты Ивановны, и

паровые котлетки Марии Никитичны. Да и вода чистая бутылочная есть. Путешествуй – не хочу!

На автозаправке перед Краснодаром опять вспомнился шофёр Семёнов, его «сейчас вас встретит специально обученный человек с высшим образованием».

Всё та же женщина-контролёр тяжело влезла в маршрутку, поздоровалась с пассажирами, взяла у шофёра список и начала собирать деньги. «Вы где сели, дедушка?» – вежливо спросили у Агеева, сидящего в тени. Тот несколько оторопел от такого звания, но чётко сказал – где. И даже пояснил: «Вот мы, значит, два дедушки. Едем. За нас, значит, двоих». С «высшим образованием» разглядела бодрого млажавого старика. Извинилась, взяла деньги, двинулась дальше. А Табашникова подмывало спросить её, как поживает шофёр Семёнов, здравствует ли, где работает. Наверное, повышение получил.

Тугая струя в унитаз в туалете при магазине за площадью казалась нескончаемой. За всю дорогу не вылез в кусты ни разу. В отличие от дедушки Агеева.

4.

В городе то неслись по широким улицам, то стояли. У светофоров. То опять неслись, то снова стояли. Разглядывая в дырах и дырках недостроенных домов сквозняки от утреннего солнца.

По трапу в «Титаник» забрались с мореходами кавказской национальности ровно в восемь. На всех этажах уже поджидали димоны и егоры, готовые к стрижке мигрантов (ночевали, что ли, здесь? или подкопом проникли?). Но Табашникову они были не нужны – первым подбежал к 10-му окну и заткнул его собой: вот он я, приехал, давайте скорей вид на жительство. Агеев загораживал друга, защищал, чтоб не напирали. Особенно буйные женщины. «В очередь, в очередь, граждане!» Прямо координатор. Новоиспечённый димон. Или егор.

Проверив, пролистав, взяли всю папку и паспорт. Сказали явиться в 12 часов. К кабинету 506. То есть на пятый этаж. Ну, куда теперь? Да в магазины же. Подарки покупать.

Неподалёку от Титаника ждали время, чтобы попасть в громаднейший супермаркет площадью со средний жилой квартал. Мимо ждущих покупателей к стеклянному входу шли и шли молоденькие девчонки в плащиках. Продавщицы. А также их начальницы. Дамы поплотней, посолидней.

Внутри к высоченному стеклу потолка нужно было круто задирать голову. Везде журчали фонтанчики, произрастали пальмы (в кадках, правда), напахивало приятным искусственным климатом. И нигде никаких перегородок. От обилия товаров на стеллажах – голова кругом, но девушки в одинаковых куцах костюмчиках сразу подходили, подсказывали. Когда видели, что бесполезно (наш случай, бестолковые два пенсионера), сами вели, куда нужно. Как слепцов. Чуть ли не за руки. «Мне бы платок. Как у цыганки», – всё трындил Агеев. Девушка долго водила его от стеллажа к стеллажу. Постепенно теряла японскую улыбку, злилась. Наконец сама завернулась в жуткую пестроту до пола. «Во! – вскричал старик с горбатым носом. – То, что надо! Цыганка Аза!» Старый придурок. Любовницу ещё, наверное, имеет, заворачивала подарок продавщица. «Да для дочери, милая девушка! Для дочери! Помириться хочу!»

С Табашниковым было проще – почти сразу получил крутой фен для женских волос. В коробке. Маргарита как-то обмолвилась, что фен у неё сломался. Вот и вспомнил. Но тоже требовал. Чтобы открытка была. С 8-м Марта.

Уже вышли из секции, и Агеев хлопнул себя по лбу. Как же забыл! Ринулся обратно. Продавщица напряглась: что такое! «Для Маши, для Маши, милая девушка. – Выхватил из развески первый попавшийся платок: – Заверните, пожалуйста. И открытку, открытку туда. Не забудьте».

Глотали тархун, приходили в себя на раскрытом кафе второго этажа. Внизу везде бегали одни мужики. Если приглядеться – с тоскующими глазами. Что купить, где? Да-а. Тяжёлое испытание мужичку выпадает один раз в год. Тяжёлое. А попробуй не купи, приди пустым. Трудно даже представить, что тогда будет. Да-а. День рождения ладно, там законно. Заранее можно купить. Сэкономить. На пиво. Ты там один. А здесь ты в куче. И бегай, выпучив глаза. Пока не расхватали. Что подешевле.

В каком-то сквере копались в развалах книг на фанерных раскладных столах. Унылые библиофилы распродавали здесь свои библиотеки. Понятно, что не от хорошей жизни. Купили у них по паре стоящих книг. Заложили в сумки.

С каким-то графоманским блеском в глазах потирали руки возле своих аляповатых картин самодельные живописцы. Дальше по обе стороны – детские игрушки, красиво упакованные сувениры. На косых высоких стеллажах.

Табак вдруг стал перед красивой куклой с очень синими глазами. В пышном платье. С взблескивающими жемчужинами на взбитой причёске.

– Сколько эта кукла?

– Сто.

– Рублей?

– Ты припух, дядя?.. Долларов! Эксклюзивная работа!

Малый больше смахивал на блатного в кепке из пятидесятых, чем на продавца эксклюзивных кукол.

Табашников неуверенно пошёл. Агеев уже знал, что будет дальше. «Не вздумай, Женя! Пожалей деньги!»

Но Табак был уже возле куклы. Доставал бумажник. Выдернул из отдельной тоненькой пачки сто долларов – на!

В кепке схватил бумажку, глянул на свет – и сразу стал другим. Быстренько снял куклу с раскрытой коробкой, закрыл, мгновенно обернул синей лентой и красиво завязал:

– Пожалуйста! Ваш ребёнок будет рад! – И чуть не кланялся вслед: – Приходите ещё! Куклы у нас эксклюзивные. Мастерница живёт в Санкт-Петербурге.

«Зачем купил, зачем? – уже скрёб Агеев. – У Юльки полно таких кукол. Она отрывает им ноги. Зачем?»

– Такой красотке ножки ломать не будет. (Рука не поднимется?) Сразу полюбит её, – почему-то был уверен Табак. Шёл, прижимал коробку с куклой к бедру. Даже не засунул ни в одну сумку. Ни на плече которая, ни в левой руке, где был фен.

Без десяти двенадцать, как штык, были у 506-го кабинета на пятом этаже. Табашников ходил взад-вперёд. Без папки и паспорта явно нервничал.

– Спокойно, Женя, спокойно, – торчал при сумках на диванчике Агеев. Тоже напряжённый. Как кол.

Почему-то никого возле 506-го не было. Напутали что-нибудь? Не в своё время пришли? Но ровно в двенадцать дверь приоткрылась:

– Заходите.

Женский голос. Даже лица не показала. Табашников обогнул дверь и будто втиснулся за неё.

Теперь Агеев нервничал, поглядывал на часы.

Прошло пять минут. Потом десять.

Наконец, дверь опять чуть-чуть приоткрылась и, не нарушая порядок (традиции) этого кабинета, Табак вылез из щели в коридор. Глаза его были несколько безумны. Мужчинка с большой головой отирался платком.

– Ну? – подступил Агеев.

– Вот, – ответил друг и отдал паспорт: – С красной блямбой теперь. Поставлена.

Верно, разглядывал «блямбу» Агеев. Красная жирная. Размазанная даже. Будто и не видел точно такую же в своем паспорте. Точно. Она.

Рассматривали оба. Как два тупаря. Всё не верили. И вдруг со смехом начали колотить друг друга по плечам. Поддавать друг дружке. Как подзуживать на драку. Ну ты козёл! А ты – козлинка! Ха-ха-ха!

Из двери высунулось злое женское лицо, подпёртое погонами. Обнаружило на этот раз себя:

– Вы где находитесь!

Прикусили языки. На цыпочках пошли. С сумками, с коробками. Оборачивались, прикладывали руки к груди.

– Безобразия! – захлопнулась дверь.

Тогда чесанули. Как пацаны. На лестнице чуть не переломали себе ноги.

5.

Кафе называлось «Мы у Вани».

И прошли бы, наверное, мимо, но за широким стеклом увидели некую висющую колокольню из цветочных горшков с цветами, растущими почему-то вниз. Что за хреновина! Зашли. Сели за столик, по-прежнему таращась на необычные колокола. В которых, казалось, застрял зелёный взлохмаченный звон.

Подошёл официант. В белой высоко застёгнутой куртке. Больше похожий на Герберта, чем на Ваню. Никаких красных рубаш и кокошников вокруг. Выслушивал, не записывая. Ушёл. И почти сразу принёс графин, два мясных салата и сыр. «Приятного аппетита», – умёл поднос со стола.

Через какое-то время колокольня с цветами была забыта – наперебой говорили, едва успевая опрокидывать и кидать в рот вилками закуску. И всё хвалили самих себя: ах, какие мы молодцы, как ловко всё провернули.

– ...Она мне, главное, говорит: а где у вас купчая на дом? Ехидно так говорит, с подвохом. А я хлоп купчую на стол: вот она, уважаемая. Она и заткнулась...

– А я сижу, жду. Нет и нет. Ну, всё, думаю, пропал, опять завернули. А ты – вот он: с паспортом, с печатью. А-а, знай наших! Уж если от Кугель колобок убежал, то уж от этой-то и подавно. А как она заорала на нас. А? В коридоре. Аж затряслась, бедная, вся, ха-ха-ха...

Потом, когда захмелели, сидели под горшочной колокольней с появившимися цветами – грустно. Как два звонаря, оставшиеся без работы. Не знали, то ли ещё заказать один, стеклянный, пузатый, то ли – хорош.

Пошли на компромисс. Подозвали, попросили: «Нам бы по сто грамм только. На посошок. Сделай, друг». Официант двести граммов принёс, но как только проглотили – сразу расчёт на стол. Сколько выпили и съели. Опытный. Ну что ж, отлично. У Вани долго не засиживаются. Оба напаяли зачем-то очки. Крутили в руках бумажку. Но цифру всё же поняли. Полезли за бумажниками. «Я». – «Нет я!» Табак победил. Выложил за всё и сверху пятьдесят рублей припечатал. На чай. «Спасибо, друг. Молодец!»

Пока одевались и собирали вещи, говорил по секрету. Кивая на уходящую белую куртку: «Новая поросль официантов. Ни грамма лакейства. Все застёгнуты до горла. Лорды». Ага, согласился Агеев, полсотни взял и не поперхнулся.

Погода в Краснодаре была прекрасная. Солнце сияло. Слегка покачиваясь, но бодро (лёгкая степень опьянения) шли в расстёгнутых плащах со сдвинутыми на затылок шляпками. Наплечными сумками и подарками в руках слегка задевали встречающих, но душа была нараспашку. Солнце же сияет, граждане, всё прекрасно.

О полном триумфе победителей две женщины в далёком городке уже знали. Теперь пытались отследить, правильно ли победители идут, в том ли направлении. Не свернули ли в очередную пивную. Всё время звонили. Гена! Женя! Где вы сейчас?

Звонки любимых женщин взбадривали. Не давали расслабиться. Останавливались победители. И снова, чуть покачиваясь, отвечали. То один, то другой. Говорили, что погода в Краснодаре прекрасная – и жизнь... тоже прекрасная! «Да где вы сейчас? Куда идёте? Ало, ало! Гена! Женья!» Нодвигающиеся на карте города два маячка были уже повреждены. Барахлили, глючили, и диспетчерам трудно было понять, где маячки находятся и двигаются ли вообще. «Всё нормально! – коротко и даже сердито хрипело в трубках. – Мы знаем... Рита, готовь фату... ЗАГС... 29-е... Как штык...» Вот черти! Набрались-таки!

Пока шли к автовокзалу, посетили ещё два кафе. Но – умеренно. На автовокзале мимо маршрутки промахнулись. Однако вовремя вернулись. И даже влезли в неё одними из первых. «Вот они мы, – доложил шофёру Агеев. – Два дедушки. Табашников Евгений Семёнович и Агеев Геннадий Андреевич». Просим любить и жаловать.

Теснились у двери, не давая влезать другим, и упали на первые два сидения. Опять же возле двери. Смотри, как повезло. И дорога будет как на ладони, и в кусты – первыми! Особенно тебе, деда.

Шутили, подталкивали друг дружку. Втихаря даже глотнули из миниатюрного фунфырика. Бутылочки, которую запасливый Табашников купил в дорогу в последнем кафе. В буфете.

Поехали.

Весёлый, раскованный, на автозаправке за городом Табак всё же спросил у полной женщины (специально обученного человека), куда подевался шофёр Семёнов. Почему его не видно? Скучно, знаете ли, без него в дороге. А? Оказалось, что Семёнов уволен. Нарвался на какого-то влиятельного начальника, случайно попавшему к нему в маршрутку. «И на другой же день выгнали засранца, – не без злорадства закончила женщина. – Вот так. Счастливого пути, товарищи!»

Агеев сразу начал приставать. Кто такой Семёнов? Расскажи, Женья. Но Табак только подленько хихикал, переваривая новость. Агеев настаивал, лез. Тогда заткнул его бутылочкой. Как младенца соской. А сам всё хихикал.

Однако и Семёнов закувыркался куда-то за горизонт, и вновь летели за окном весенние поля, перелески, весенняя природа. И опять душа радовалась, пела. Прикладывались и прикладывались к бутылочке. Уже ко второй.

Вдруг впереди Табак увидел рощу. Ту самую. С пустыми искривлёнными стволами. Взывающими к небу. «Смотри, смотри! Вся жизнь наша изломанная летит. Во, пролетела. Осталась позади. Гуляй теперь, Гена! Теперь всё у нас будет хорошо! Слышишь?» Но голова друга уже плавала. Бурая, лысая, явно стремилась упасть в проход.

Табашников тут же разбудил. Заставил пересестись на своё место у окна. Помогал, направлял. Будто вялого монстра. И друг влез-таки на его место. И сразу привалился с ладошкой к стеклу. Ну, вот и хорошо, успокоился Табак. И отхлебнул по этому поводу. Отметил переселение друга. Под укоризненным взглядом старухи через проход. «Не желаете?» – протянул бутылочку. Старуха отпрянула от фунфырика, как от чёрта.

Потом надолго задумался, загрустил. Вспоминал далёкую родину, куда вряд ли когда-нибудь приедет, вернётся. Где остались могилы матери и отца. Где сам оставил всю свою жизнь.

На переезде под вечер опять стали. На этот раз оказались вторыми. Впереди только задастая хонда. Агеев спал, Табашников – крутил головой, ничего не мог понять: на удивление, Апельсин в жилете всё так же ругалась по телефону. Однако одновременно закрывала переезд. Вдруг начала крутить бандуру в обратную сторону. Поднимать железную штангу. Ошиблась перед этим, что ли?

Первая машина тронулась, переехала рельсы. Дальше всё произошло мгновенно. На машину с Табашниковым и Агеевым налетел ревущий товарный. Ударил, метров двадцать протащил и отбросил. Как игрушку с высокого полотна...

Агеев у окна погиб сразу. Табашникова вытащили из искорёженного железа. Он долго мучился, умирал. И умер в небе, в медицинском вертолёте. Живым до областной больницы не долетел.

6.

На похоронах тестя и его дружка Валерий не был. Спрятался где-то в сараях. В одном из трёх. Потерялся.

Когда за женой заехали и увезли на кладбище – вылез из укрытия. Если точнее – из «укривища», как сказал бы писатель, всласть поковеркавший русский язык. Пошёл варить новую беседку. Прямо перед домом.

Сидел как длинноклювый скворец на самой верхотуре железного сооружения – искры сыпались во все стороны.

Прервался, откинув шлем. Спросил у двух проходивших старух:

– Правда, красиво? Старые?

Старухи не подняли голов. Боялись только одного: не наступить, не зацепиться за раскиданные провода под током.

Валерий опустил шлем, вновь углубился в сверкание. Глаза счастливого дурака смотрели через века.

2019 г.